

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ
ИСТОРИИ СССР
XIII - XVIII вв.

Сборник статей

МОСКВА 1986

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ
ИСТОРИИ СССР
XIII - XVIII вв.

Сборник статей

МОСКВА 1986

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Лёвоочкин И.В. Русские лицевые рукописи XIII-XVIII вв. и некоторые вопросы их источниковедческого изучения	6
Муравьева Л.Л. Рязанское летописание конца XIII - начала XV в.	14
Тихоник И.А. "Изложение пасхалий" московского митрополита Зосимы	45
Плигузов А.И. Василий Тучков - собеседник Максима Грека	62
Менжинский В.С. Книга записей Литовской метрики № 13 как источник по истории землевладения в Белоруссии в первой половине XVI века	94
Лаврентьев А.В. Известия о Сибири в русских исторических сочинениях XVII века и их источники	118
Былинин В.К., Звонарева Л.У. Окказиональная политико-сатирическая поэзия XVII века как исторический источник	142
Шайдакова М.Я. "Летописец о Нижнем Новгороде"	155
✓ Богданов А.П. К полемике конца 60-х - начала 80-х годов XVII в. об организации высшего учебного заведения в России. Источниковедческие заметки	177
Леонидов В.В. Документы следствия как источник по истории Московского восстания 1771 г.	210
Светенко А.С. Воспоминания участника Пугачевского восстания Д.В.Верхоланцева как исторический источник.	224
Заключение	243

Ответственный редактор
доктор исторических наук В.И.БУГАНОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Один из показателей, определяющих уровень всякого историко-ведческого исследования, может быть назван "коэффициентом новизны", то есть той долей нового, которая впервые вносится в науку данной работой. Это новые факты, извлеченные из архивных залежей, новые соединения исторических причин и следствий, новое, более убедительное объяснение фактов давно известных. Составляющие этот сборник статьи, разные по уровню исполнения и научной квалификации их авторов (среды которых — и доктор наук, и аспиранты, публикующие первые свои работы), обладают несомненным достоинством новизны.

Оригинальная постановка проблемы в статье А.В.Лаврентьева, привлекающего к характеристике сибирских "летописцев" памятники, ранее не изучавшиеся в кругу источников по истории присоединения Сибири к Российскому государству, позволила автору реконструировать состав самого раннего московского сочинения о сибирском "взятии", отразившегося в Новом Летописце, Есиповской летописи и Своде 1652 года. Разрозненные известия рязанского происхождения, внесенные в общерусские и местные летописи XIV—XVI вв., позволяют Л.Д.Муравьевой гипотетически восстановить материалы собственно рязанского летописания XIV — начала XV в. Особую группу списков Нижегородского летописца, известного в науке по публикации А.С.Гациского (1886 г.), выделяет М.Я.Шайдакова; представленный этими списками памятник является особым летописцем, содержащим хронологический ряд сведений за 1221 г. — середину XIV в., памятник получил новое название — "Летописец о Нижнем Новгороде" — и публикуется в приложении к статье.

Тщательный анализ рукописной традиции, сохранившей сочинения московских полемистов третьей четверти XVII в., позволил А.П.Богданову предложить неожиданное и убедительное объяснение "прений" по поводу учреждения высшего образования в России между сторонниками просвещения и "мудробрцами". Уточнения, внесенные исследователем в прежнее схематическое представление о противостоянии "латинствующим" и "грекофи-

лов", создают предпосылки для создания новой историографической концепции, описывающей развитие публицистики предпетровского времени.

Публицистические идеи одного из первых памятников идеологии нарождающегося Русского государства — "Изложения паскалии" митрополита Зосимы Ерадского — в течение долгого времени изучались в отрыве от реальных примет книжности конца XVII века, сохранившей "Изложение", и даже без учета текстологической истории самого памятника. Восполняет этот пробел статья И.А.Тихонюка, публикующего это сочинение (впервые — по всем известным спискам) и показывающего, как уже в 90-х гг. XVII в. складывались две альтернативных политических теории, соотносящих столицу Русского государства с сакральной столицей мира (официальная теория Зосимы) или с центром современных Ивану III политических, светских отношений (теория, сформулированная, возможно, в кругу троцкого игумена, а потом московского митрополита Симона Чюжа).

Новый источник о политических отношениях в Европе середины XVIII в. предлагают историкам филологи В.К.Былинин и Л.У. Зволяревски сумели прочесть два стихотворных политико-сатирических сочинения Симеона Полоцкого, написанных около 1657 года, как публицистический отклик поэта на злободневные события польско-шведской войны. О методике работы историка с материалом, традиционно находящимся в ведении искусствоведов, пишет И.В.Левочкин, замечая целое перспективное направление в изучении русских лицевых рукописей XIII-XVIII вв.

"Юбилейное" знакомство знаменитого переводчика и публициста Максима Грека с молодым, но "восьмью разумным" Василием Тучковым давно известно и хорошо изучено историками. Обратившись к этой теме А.И.Плигузов, опираясь на материалы своих предшественников и привлекая иные источники, предложил новое текстологическое решение в циклизации переводов Лексикона Свиды, выполненных Максимом для Тучкова; решение это дает в руки исследователя ключ к тайным разговорам в максимовой "Академии". На суд специалистов автор выносит гипотезу о происхождении таинственных "турских грамот", послуживших предлогом в обвинении Максима и новоспасского архимандрита

Саввы, которым собор 1531 г. инкриминировал политическую измену.

В.С.Менжинский подверг кодикологическому анализу книгу записей Литовской метрики, содержащую материалы о поземельных отношениях в Брестском воеводстве. Автор установил, что эта книга, прежде относимая к середине XVI века, содержит ценные документы, охватывающие целое семидесятилетие (1486-1556 гг.), и может служить репрезентативным источником по проблемам эволюции белорусского землевладения.

В.В.Леонидов, изучая источники по Московскому восстанию 1771 г. (так называемый "Чумной бунт"), о котором историки привыкли судить по публикации А.Н.Зерцалова (1890 г.), обнаружил новые документы ЦГАДА, освещающие ход восстания, и заложил основу для дальнейшего исследования этого вопроса. Тщательный, основанный на архивных изысканиях, анализ биографии и воспоминаний Д.В.Верхоланцева, 17-летним юношей вступившего в отряд атамана И.И.Белобородова и воевавшего в повстанческой армии Е.И.Пугачева, содержится в статье А.С.Светенко.

РУССКИЕ ЛИЦЕВЫЕ РУКОПИСИ XIII-XIV ВВ. И НЕКОТОРЫЕ
ВОПРОСЫ ИХ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Русская рукописная книга представляет собой одно из наиболее выдающихся достижений отечественной культуры XI-XIV вв. В рукописи наиболее полно концентрировалась человеческая мысль, воплощались знания и эстетические представления. Это дает полное основание считать рукописную книгу основным источником практически по всем проблемам русского феодального общества. Особое значение для современной науки имеют лицевые, иначе - иллюстрированные рукописные книги. Сохраняя все качества обычной книги, лицевые рукописи содержат, как правило, богатую дополнительную информацию в виде изображений различных предметов и событий.

Русские лицевые рукописи уже давно являются объектом изучения историков изобразительного искусства и, отчасти, палеографов. До Октябрьской революции иллюстрированные рукописи успешно изучали Ф.И.Буслаев, В.Н.Щепкин, Н.П.Кондаков, Е.К.Редин¹ и другие ученые. Исследователи XIX - начала XX в. хорошо понимали ценность лицевых рукописей. В их трудах даны глубокие и в большинстве случаев правильные оценки ряда памятников письменности Древней Руси. Однако в лицевые рукописи в дооктябрьский период оставались малоизученными. Заслуга дореволюционных ученых заключается в том, что они положили прочное начало в исследовании русских лицевых рукописей и показали их большое значение в истории древнерусской культуры.

Начатое в XIX в. изучение русских лицевых рукописей было продолжено советскими учеными. Особенно активно иллюстрированные рукописи стали изучаться с 50-х годов. В работах А.И.Свирина, О.И.Подобедовой, О.С.Поповой, Г.И.Вздорнова, В.Г.Пуцко² и других исследуются искусствоведческие, палеографические и кодикологические вопросы лицевых рукописей. Важно отметить, что в названных и в других работах подобного характера содержатся данные, которые могут использоваться и

специалистами, работающими в других отраслях гуманитарного знания: источниковедами, историками, этнографами.

Работы дореволюционных и советских ученых показывают, что русская лицевая книга, ее миниатюра, несет в себе сложную и разностороннюю информацию. Один из крупнейших знатоков русской иллюстрированной книги периода феодализма А.А.Сидоров справедливо писал: "... игнорировать наличие самостоятельного рисования, непосредственно отражавшего действительность, в древнерусском искусстве нельзя"³. В настоящее время уже ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что лицевая рукописная книга XI-XVII вв., помимо того, что она - объект искусствоведческого и палеографического изучения, является еще и своеобразным историческим источником.

Отдельные попытки источниковедческого изучения русских лицевых рукописей относятся еще к началу 30-х годов. Так М.И.Артамонов, рассматривая миниатюры Кенигсбергской (Радзивилловской) летописи, установил, что они не только иллюстрируют, но и дополняют текст⁴. В последующем успешно и плодотворно лицевые рукописи изучал А.В.Арциховский, который убедительно доказал их важное источниковедческое значение⁵. В недавнее время русские лицевые рукописи в качестве исторических источников привлекали внимание А.Д.Горского, С.О.Шмидта, Б.А.Рыбакова⁶ и некоторых других историков. В работах названных ученых со всей определенностью показано важное значение лицевых рукописей как исторических источников. Так, Б.А.Рыбаков с полным основанием пишет о том, что некоторые миниатюры Радзивилловской летописи передают исторические события более точно, чем текст, который при переписывании нередко подвергался изменениям⁷.

Несмотря на то, что русские лицевые рукописи XI-XVII вв. уже давно находятся в сфере внимания ученых, их источниковедческое изучение по существу еще только начинается. Прав В.И.Стрельский, когда подчеркивает, что изобразительные материалы в исторических исследованиях используются недостаточно. Правда, в различных работах по истории СССР стали значительно чаще публиковаться миниатюры в качестве иллюстра-

ций к авторскому тексту, однако, подобное использование миниатюр лицевых рукописей не снимает вопроса об их источниковедческом изучении.

Активное изучение лицевых рукописей источниковедами сдерживается некоторыми причинами объективного характера. Как известно, подобные рукописи хранятся во многих библиотеках, архивах и музеях. Крупнейшими центрами хранения лицевых рукописей являются ГБЛ, ГПБ им.Салтыкова-Щедрина и ГИМ. Но как в крупнейших, так и во всех других хранилищах, далеко не все собрания рукописей имеют опубликованные описания. Так, например, в ГИМе хранится более тысячи лицевых рукописей XI-XIII вв., причем более 100 из них относятся ко времени до XVI в. Основная масса этих рукописей входит в состав собраний Е.В.Барсова, И.Е.Забелина, Епархиального и Музейского, которые не имеют опубликованных описаний. Имеющиеся карточные каталоги не решают вопроса. Они не раскрывают особенностей и содержания лицевых рукописей и, кроме того, малодоступны для исследователей.

Отсутствие научных опубликованных описаний рукописей важная, но не единственная причина того, что лицевые рукописи недостаточно используются в исторических исследованиях в качестве источников. Здесь следует отметить определенное отставание методики источниковедения от актуальных задач, которые встают перед исследователями конкретно-исторических проблем. Достаточно сказать, что после известной работы А.В.Арциховского в отечественном источниковедении не появилось ни одной монографии, в которой бы темой изучения были лицевые рукописи. Имеются и другие причины недостаточного внимания историков к лицевым рукописям, однако, не подлежит сомнению тот факт, что все эти причины со временем будут устранены.

Русские лицевые рукописи XI-XIII вв. необычайно разнообразны по своей жанровой принадлежности. Это книги Ветхого и Нового заветов (Бытия, Псалтырь, Апокалипсис и др.), синодики и месяцесловы, жития и иконописные подлинники, летописи и повести, различные сказания и "слова", отдельные литературно-публицистические произведения (Александрия, Христианская топография Козьмы Индикоплова и др.) и различные сборни-

ки. Изобразительный материал, который представлен в лицевых рукописях, огромен по своим количественным показателям и очень богат по тематике. Важно подчеркнуть, что лицевые рукописи были распространены среди всех классов и социальных групп населения России. Как показывают записи на подобных книгах, лицевые рукописи были особенно популярны среди крестьян. При этом крестьяне были не только читателями, но и создателями лицевых рукописей, о чем свидетельствуют записи, порой весьма содержательные и важные.

Будучи широко распространенной (особенно в XVI–XVII вв. и в более позднее время), лицевая рукописная книга уже в силу этого приобретает большое значение как исторический источник по истории отечественной культуры. Но этим ее ценность не исчерпывается. В лицевых рукописях содержатся многочисленные и разнообразные изображения исторических реалий, которые представляют самостоятельный интерес. При этом в лицевых рукописях находят свое отражение местные особенности исторических реалий и манеры их изображения. В одной небольшой по объему статье нет возможности всесторонне охарактеризовать тематику изображений русских лицевых рукописей XI–XVII вв., однако наиболее интересные и важные в источниковедческом плане сюжеты необходимо хотя бы кратко отметить.

В лицевых рукописях находят свое отображение представления людей о мироздании. Так в лицевой псалтыри XIII в. есть удивительная миниатюра, на которой изображен "мир" – земная твердь, вода, огонь, разнообразная растительность, звери и животные. Здесь же изображен... "ветер" в виде античной фигуры с мощными крыльями и трубой, в которую он старательно дует⁹. Интересно, что фигура бога на этой миниатюре по своим размерам значительно меньше "ветра". На другой миниатюре этой рукописи изображены зори – утренняя и вечерняя – в виде двух дисков, соединенных полотнищем, которое символизирует небо¹⁰. В этих двух миниатюрах отражено, очевидно, сложное мировоззрение их автора, оно включало и античные, и христианские, и русские языческие элементы. О мироздании и о его понимании на Руси, позволяют также миниатюры лицевых Топографий Козьмы Индикоплова.

На миниатюрах лицевых рукописей наглядно отображается географическая среда. В изображениях городов и их отдельных построек, а также крепостей, монастырей, сельских поселений, отдельных церквей и т.п. хотя и условно, но исторически вполне достоверно передаются конкретные сведения, которые с успехом могут использоваться в источниковедческих и исторических исследованиях¹¹. Нередко на миниатюрах встречаются изображения технических сооружений. Так например, в Музейском томе Лицевого летописного свода XVI в. имеется изображение печи для обжига кирпича;¹² в другой рукописи (ГИМ (XVII в.) - водяной мельницы¹³.

Важное источниковедческое значение имеют изображения различных жанровых сцен. Прежде всего - это трудовые процессы: пашота, пасьба скота, прядение и ткачество, работа в кузнице, строительство домов и т.п. Подобные изображения часто встречаются в книгах Бытия, а также в различных повестях, сказаниях и житиях. Повсеместно встречаются сцены походов и боев. Даже в таких казалось бы далеких от военного дела сочинениях, как сказания о чудотворных иконах, имеются изображения воинских сцен. Так в Сказании о Тихвинской иконе божией матери имеются многочисленные и весьма выразительные миниатюры, на которых изображены сцены обороны Тихвинского монастыря от шведских войск (начало XVII в.)¹⁴. Изображения воинских сцен могут использоваться в качестве исторических источников не только по истории России, но и других стран (снаряжение и вооружение войск противника и др.).

Как известно подлинные предметы русской материальной культуры периода феодализма сохранились далеко не полно. И если от X-XIII вв. имеются археологические, а от XVII в. музейные памятники, то от XIV-XVI вв. многие предметы, бывшие в обиходе населения, не сохранились. В лицевых рукописях обычны и многочисленны изображения одежды (одетых в различные костюмы людей), орудий труда (как сельских, так и городских жителей), средств передвижения (телег, саней, лодок, кораблей), посуды, утвари, оружия и т.д. И если географическая среда изображается, как правило, лишь условно, то названия предметов на миниатюрах вполне реалистичны. Отметим, что в

письменных источниках все эти предметы лишь называются и если бы не было их изображений, мы не знали бы как они выглядели.

Миниатюры русских лицевых рукописей как правило сопровождаются подписями. На эти подписи, призванные пояснить изображения, не обращалось внимания, однако, они нередко бывают весьма информативными. В данной статье нет возможности сколько-нибудь обстоятельного анализа подписей, это задача самостоятельных исследований, однако несколько слов сказать об этом все же необходимо.

По своему содержанию, по связи с текстом и соответствующей миниатюрой, по своим формам (единая ко всей миниатюре или же расчлененная), а также по своему расположению на книжном листе, подписи необычайно разнообразны. Иногда это просто констатация того, что изображено, иногда — часть текста, который с большей или меньшей точностью повторяется в качестве подписи, иногда же подпись является "сочинением" изографа. В последнем случае подпись приобретает особый интерес. Так, например, в лицевой повести о новгородском посаднике Щиле, в ее тексте говорится: "Щиль же... посла сына своего няти делателя" (для строительства церкви — И.Л.). Миниатюра, которая иллюстрирует данный сюжет, представляет собой великолепную, динамичную и очень выразительную сцену: на фоне церкви, с ее левой стороны, изображен сын Щила с мешочком денег в руках, рядом с ним слуга, а напротив их — группа "делателей", один из которых в лаптях. "Делатели" жестикулируют, их лица полны эмоций. Подпись под этой миниатюрой гласит: "Сын Щиловъ делателей наниает"¹⁵.

Представляется, что миниатюры русских лицевых рукописей в качестве исторических источников должны изучаться в их тесном взаимодействии с соответствующим текстом и подписями.

Все сказанное выше не исчерпывает вопроса об историко-ведческом значении лицевых рукописей. Еще одним важным моментом является тот факт, что та или иная лицевая рукопись может содержать ценную информацию о своем протографе. Так, например, В.Г. Луцко было недавно установлено, что часть миниатюр Радзивиловской летописи отражает более ранние по

сравнению с текстом сюжеты, связанные с историей Киево-Печерского монастыря¹⁶.

Миниатюры русских лицевых рукописей XI-XIII вв. опубликованы лишь в очень малой своей части. При этом опубликованы они, в основном, в виде иллюстраций к искусствоведческим и, реже, к историческим работам. Даже миниатюры знаменитого Лицевого летописного свода XIII в. остаются в своем подавляющем большинстве не известными. Так из 1281 миниатюры Царственной книги (ГИМ, ОР, Синодальное собрание рукописей, № 149) по подсчетам В.В. Морозова опубликовано лишь немногим более 100. Такое же соотношение неопубликованных и опубликованных миниатюр приложимо и ко всем другим томам Лицевого летописного свода. Что касается других, менее известных лицевых рукописей, то их миниатюры за малым исключением, остаются unpublished. В этом еще одна причина того, что лицевые рукописи недостаточно используются в качестве исторического источника.

Для более успешного изучения лицевых рукописей историко-художественными и историками целесообразно больше публиковать их в виде факсимильных изданий. Опыт подготовки подобных изданий у историков уже есть. Чтобы убедиться в этом, достаточно назвать такие издания, как Повесть о Куликовской битве, Сказание о Мамаевом побоище, Повесть о Соловецком восстании, Изборник Святослава 1073 г.¹⁷ и некоторые другие. Думается, что для более интенсивного изучения миниатюр в качестве исторических источников целесообразно публиковать тематические сборники различных изображений. К примеру можно подготовить и опубликовать сборник изображений (миниатюр), на которых представлены орудия труда и трудовые процессы. Тематика подобных сборников может быть очень разнообразной.

С.М. Болховитинова недавно справедливо писала: "книга на протяжении тысячелетий своего развития стремилась к созданию системы, сочетающей в себе элементы образа и письма".¹⁸ "Письмо" историко-художественными и историками освоено, дело теперь за "образом".

¹⁶ Буслев Ф.И. Свод изображений из лицевых апокалипсисов по русским рукописям с XIII века по XIX-й. СПб., 1884; Щепкин В.Н. Два лицевых сборника Исторического музея. М., 1897; Конда-

- ков Н.П. Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI в. СПб., 1906; Редин Е.К. Лицевые рукописи собрания А.С.Уварова. - Древности, т. XXI, вып. II. СПб., 1907.
- 2 Свирин А.Н. Древнерусская миниатюра. М., 1960; он же. Искусство книги Древней Руси. М., 1964; Подобедова О.И. Миниатюра русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания. М., 1965; Попова О.С. Русская книжная миниатюра XI-XV вв. - В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сб. 3. М., 1983, с. 9-74; Вадорнов Г.И. Искусство книги Древней Руси, Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII - начала XV веков. М., 1980; Пуцко В.Г. Знаки зодиака на полях Изборника Святослава 1073 г. - Palaeobulgarica (Старобългаристика), УШ, София, 1984, № 2, с. 65-77. См. также статьи в сб. Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сб. I-3. М., 1972-1983.
  - 3 Сидоров А.А. Рисунок старых русских мастеров. М., 1956, с. 63.
  - 4 Артамонов М.И. Миниатюры Кенигсбергского списка летописи. - Известия ГАИМК, т. X, вып. I. М., 1931, с. 1-27.
  - 5 Арциховский А.В. Древнерусская миниатюра как исторический источник. М., 1944.
  - 6 Горский А.Д. Сельское хозяйство и промыслы. - В кн.: Очерки русской культуры XIII-XV веков. М., 1970, с. 72-75; Шмидт С.О. Становление российского самодержавства. М., 1973; Рыбаков Б.А. Борьба за суздальское наследство в 1174-1176 гг. по миниатюрам Радзивилловской летописи. - В кн.: Средневековая Русь. М., 1976, с. 89-101.
  - 7 Рыбаков Б.А. Указ. соч., с. 90-99.
  - 8 Стрельский В.И. К вопросу о произведениях изобразительно-искусства как историческом источнике. - История СССР, 1984, № 1, с. 96.
  - 9 ГИМ, ОР, собрание рукописей А.И.Хлудова, № 3, л. 206.
  - 10 Там же, л. 273 об.
  - 11 Черный В.Д. Историко-географическая среда в миниатюрах Лицевого летописного свода XVI в. (Опыт культурно-исторического исследования). Автореферат канд. дисс. М., 1982.
  - 12 ГИМ, ОР, Музейское собрание рукописей, № 358, л. 170.
  - 13 ГИМ, ОР, Музейское собрание рукописей, № 2709, л. 105 об.
  - 14 ГИМ, ОР, Собрание рукописей А.С.Уварова, № 804, 4^о.
  - 15 ГИМ, ОР, Музейское собрание рукописей, № 25, л. 110 об.
  - 16 Пуцко В.Г. Древние иллюстрации к своду агиографических повестей Киево-Печерского монастыря. - ТОДРЛ, т. XXXV, л. 1, 1985, с. 65-76.
  - 17 См.: Повесть о Куликовской битве. Из Лицевого свода XIV в. Л., 1980; Сказание о Мамаевом побоище. М., 1980; Повесть о Соловецкой осаде. М., 1982; Изборник Святослава 1073 г. М., 1985.
  - 18 Болховитникова С.М. Взаимосвязи изображений и текста в книге. - Исследования и материалы. М., 1984, соч. XLIX.

РЯЗАНСКОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ КОНЦА XIII - НАЧАЛА XV В.

На ведение самостоятельных летописных записей в XIV в. в Рязани в литературе указано многократно. Об этом писали Д.И.Иловайский¹, К.Н.Бестужев-Рюмин², И.А.Тихомиров³, А.А.Шахматов⁴, В.С.Иконников⁵, М.Д.Приселков⁶. Отмечены летописные сведения, связанные с Рязанью в Лавр.^ж Тв.сб. и московских сводах, Тихомиров выделил в Тв.сб. под 1408 г. Сказание о побоище Рязанском, написанное с сочувствием к победителям - пронским князьям⁷. Шахматов назвал в предполагаемом им "Своде 1423 г." рязанские записи под 1391, 1394, 1396, 1398, 1400, 1405-1408, 1411, 1415 гг. Приселков определял рязанский материал под 1327, 1379, 1386 гг. и в "Своде 1408 г.". Он выделил составленный в форме скупых записей княжеский летописец, последним известием которого является сообщение под 1408 г. По его мнению, этот Летописец свидетельствует о хронологической непрерывности летописания в Рязани XIV в. и связан в основном с именем князя Олега (1342-1402 гг.). Заключение Приселкова о существовании Летописца князя Олега Ивановича повторили В.Л.Комарович⁸ и А.Л.Монгайт⁹. Комарович усматривал в "Своде 1392 г." "рязанский" источник - Повесть о битве на Пьяне 1377 г.¹⁰ Названные наблюдения о летописной работе в Рязани были широко распространены в специальном монографическом исследовании А.Г.Кузьмина, посвященном Рязанскому летописанию в целом (вплоть до XVI в. вкл.). Впервые на основе большого круга летописей и тщательного исторического подхода к материалу был намечен, начиная с XII в., общий ход развития летописной работы в Рязанской земле. За период с середины XIII в. до середины XV в. определены два этапа ведения регулярной летописной работы в Рязани, между которыми в пределах первой половины XIV в. отмечено резкое сокращение рязанских известий. Снижение интенсивности летописания объяснено возросшей изолированностью Рязанского княжества от других земель после нашествия Батюя. Говорится

ж Здесь и далее используются принятые сокращения названий летописных памятников. - Авт.

о возможной подборке рязанских известий специально для "Свода 1305 г.". Наибольшее число сведений в летописях о Рязани обнаружено за второй этап, совпадающий со временем наивысшего подъема политической роли княжества. Допускается, что в середине XI в. была предпринята попытка свести предшествующий летописный материал. Подтверждено и уточнено предположение Приселкова, что одним из источников Тр., а, возможно, и предшествующей ей московской летописи, являлся рязанский памятник - Летописец времени княжения Олега. Ксикретизировано его содержание соответственно материалу, который сохранился в дошедших до нас сводах. Рассказ о событиях, связанных с борьбой рязанского князя Федора Ольговича и князя Ивана Пронского, включает материал этого Летописца в "Своде 1408 г." (Иной версии рассказ "О побойце рязанском" выделен в Тв.сб.). Предполагается, что это был, вероятно, памятник княжества Юго-Западной Руси, находившихся в сфере рязанского влияния; исследователь не исключает наличия в его составе записей других областей и использование общерусского материала. Кузьмин пишет об исчезновении известий о Рязани со страниц летописных сводов (кроме Ник.) со второго десятилетия XV в. и потом новом их появлении только с середины этого века. Автор придерживается вывода, что летописное дело в Рязани, по-видимому, не составляло особой традиции. Он обращает внимание на исключительный интерес для изучения происхождения рязанского летописного материала Ник., где читается, в частности, основная масса оригинальных известий о Рязани. В общем, опыт исследования Рязанского летописания оказался достаточно результативным. Вместе с тем возникает необходимость развития общей оценки рязанской летописи на несколько более широкой источниковой основе в формировании памятников областного значения специально за конец XIII - начало XV в. и ее месте в общерусских сводах конкретного периода в истории Русской земли (принимая во внимание, что исследование А.Г.Кузьмина имеет широкий хронологический охват, в пять столетий). Названное время - первый этап переломной эпохи в истории Русской земли, когда началось ее объединение. Пробуждение национального самосознания получало отражение в возрождении во всех сферах общественно-

политической и культурной жизни.

В указанный период Рязанская земля представляла одно из великих княжений Руси, состоящее из двух крупных уделов: рязанского и пронского. Политическим и церковным ее центром продолжительное время являлся Переяславль-Рязанский. В пределах Рязанской епархии находилось, очевидно, и Муромское княжество¹². Изучение темы проведено с учетом всех известных сегодня летописных памятников, в том числе изданных в последние годы. Специальное исследование источников Примечаний "Истории государства Российского" Н.М.Карамзина за изучаемый период позволило более широко привлечь "глухие" выписки, как тексты Троицкой летописи¹³. Автор учел материалы сочинения по истории России профессоров Московского университета А.А.Барсова и Х.А.Чеботарева (и частично "Записок касательно Российской истории" Екатерины II), написанных на основании летописей, в том числе Тр.¹⁴ Привлечены данные Рязанских рукописных материалов XV в. Что касается методической стороны освещения темы (и ей подобных), то о ней подробно говорится в монографии, посвященной летописанию Северо-Восточной Руси того же времени. Здесь только коротко скажем, что обследование летописей осуществлено в рамках известных науке памятников "Свода 1305 г." и "Свода 1408 г.". Характеристика рязанской летописной работы дается за 1278-1408 гг. С 1278 г. в летописях возобновляется цепь рязанских известий, прерванная после 1270 г. (под этим годом читается Сказание об убийстве в Орде Романа Ольговича Рязанского). 1408 г. - общий рубеж развития летописания на Северо-Востоке Руси, связанный с появлением Тр. Само исследование опирается на основной принцип сравнительных историко-текстологических работ (и связанное с ними восстановление недошедших до нас источников летописания) - сочетание "формального" и "идеологического" анализа текстов с использованием разнообразных приемов определения их происхождения.

За названный выше промежуток времени сохранились записи рязанской летописи под 1278, 1288, 1294, 1294/95, 1299-1300/01, 1305, 1308, 1327, 1339, 1339/40, 1342-1345, 1350-

-1356, 1358, 1365, 1371-1373, 1377/78, 1378, 1382, 1385, 1385/86, 1387, 1388, 1390, 1391, 1393/94, 1395/96, 1396, 1396/97, 1398, 1400-1402, 1405-1408 гг. В общей сложности за 48 лет имеется 65 известий. По своему содержанию эти известия, заключенные в записи, о которых можно в целом говорить достаточно определенно как о местных по своему происхождению. Среди них на ходятся записи с муромскими и козельскими известиями. Муромско-козельский материал присутствует также в общих рязанских сообщениях. Собственно рязанский материал касается следующих исторических сюжетов и событий.

1278 г.: О нападении татар на Рязань и причинении ими "много зла".

1288 г.: О воевании Рязани, Мурома и Мордвы ратью кн. Елартая Ордынского. Оба известия уникальны, читаются только в Ник.¹⁵

1294 г.: О смерти кн. Федора Рязанского.

1294/95 г.: О смерти рязанского еп. Василия.

1299 г. О смерти кн. Ярослава Пронского.

1300 г.: О (сборе) рязанских князей Ярославичей у Переяславля (сбывок текста). Это неясное сообщение известно только Лавр.⁶

1300/01 г.: О приходе осенью рати кн. Даниила Московского на Рязань, бое у Переяславля и победе московского князя, избиении "много татары", пленении "некакою хитростью" кн. Константина Рязанского и уводе его в Москву. В таком изложении событие известно Лавр.⁷, Тр.¹⁸ Во Вл.¹⁹, "С²⁰ и некоторых других летописях опущены слова "некакою хитростью"; в Сим., Ник.²¹ вместо слов "много татары избил" читается: "много бояр избил". В описании события рязанскую основу видел Приселков и Кузьмин. Последний обратил внимание на обработку записи о рязанском походе кн. Даниила Александровича в Ник.²² В этой летописи имеются оригинальные дополнения, объясняющие взятие в плен Константина "крамолов их, бояр рязанских" и намерение Даниила укрепиться "крестным целованием" с рязанским князем и отпустить его на великое княжение Рязанское. Данное объяснение вызвано было, очевидно, желанием подчеркнуть несправедливость последующего через

несколько лет после пленения убийства кн. Константина в Москве. Летописи глухо сообщают об этом убийстве, совершенного по повелению кн. Юрия Даниловича где-то в 1305-1307 гг.²³ Интересно толкование данных, связанных с судьбой Константина Рязанского, в материалах "Записок касательно Российской истории". Они содержат сведения о сборе татар около Рязани в 1300 г. и о "пособии" им рязанского князя, которое послужило причиной осеннего похода Даниила Московского, о битве перед Переяславлем и победе московского князя над татарами, рязанскими людьми и избивши "с ними бывших бояр". В них сообщается об "извете" на кн. Константина ("яко пересылается с татари и оных хоцет навести на области московския"), предшествующем казни рязанского князя на Москве. Повествование о всех этих событиях продолжено "Записками" в оригинальном известии 1305 г.

1305 г.: О переговорах рязанского кн. Василия Константиновича с Михаилом Ярославичем Тверским и его поездке в Орду к хану Тохте с просьбой о помощи против Юрия Московского. Под 1307 г. имеются еще данные о посылке Тохтой по "домогательству" Василия Рязанского Таировой рати на Низовские места, принадлежащие московскому князю. В летописях сообщение о Таировой рати дается непосредственно после сведений о выезде Юрия Даниловича из Рязани²⁴. По всей вероятности, "Записки" излагают в данном случае факты, имевшие место в действительности.

1308 г.: Об убийстве в Орде рязанского кн. Василия Константиновича; о воевании татарами Рязани. Уникальные известия Ник. "Записки", которые в основном следуют материалам последней летописи, здесь имеют оригинальные сведения о посылке из Орды татар на Рязань после убийства кн. Василия для сбора за последние годы дани, "а где собрать не могли, наступали военною рукою".²⁵

1327 г.: Об убийстве татарами рязанского кн. Ивана Ярославича. По данным Тр., МЛк.²⁶ и некоторых других летописей убийство Ивана Рязанского произошло во время набега татарской рати на Русь. Сим., Вл. выделяют это известие самостоятельной записью. В МС, Льв.²⁷, напр., убийство фиксирует

в Орде. Отсюда начинаются рязанские известия Рог. - Об убийстве в Орде по повелению Узбека кн. Василия Глазского. Это известие знает только Ник.²⁸

1339 г.: Об убийстве козельского кн. Андрей Мстислави-ча двоюродным братом, "окаляним" Василием Пантелеевним сыном (с датой - 23 июля, на память св. муч. Трофима). Сим. добавляет еще ошибочно - зимой²⁹. Это единственная самостоятельная запись, связанная с Козельским княжеством того времени. Редкие летописи отразили эту запись, в частности, ее нет в Ник. Она находится вне связи с близкими по времени событиями, описываемыми в летописях. Относим ее условно к рязанским. Козельские князья вместе с пронскими и муромскими упоминаются в рязанских записях 1365, 1396, 1400 гг. как участники военных предприятий Олега Рязанского. Два из них (под 1365 и 1400 гг.) передает несколько летописей. В 1365 г. в борьбе Олега Ивановича с ордынским кн. Тагаем принял участие брат убитого в 1339 г. Андрея - кн. Тит Мстиславич.³⁰ Сын последнего - Иван Козельский был зятем Олега Рязанского.³¹ Согласно "Докончанию" Василия Московского и Владимира Андреевича 1401/02 г., Козельск в начале XV в. был под властью серпуховского князя.³² До этого Козельское княжество, очевидно, являлось самостоятельной областью.

1339/40 г.: Об ограблении и убийстве Иваном Коротополом в Переяславле двоюродного брата, пронского кн. Александра Михайловича, направлявшегося с "выходом" в Орду, и о рати рязанского князя к Смоленску. Эти данные находятся в рассказе Рог., Сим.³³ и некоторых других летописей, посвященном смоленскому походу ордынского посла Товлубия. Сходный текст с Рог.-Сим., по мнению Приселкова, содержала Тр. В такой редакции он в двух примечаниях цитируется Н.М. Карамзиным.³⁴ В них отмечено вначале отправление зимой царем из орды Товлубия с ратью, "а с ним князь Иван Коротопол Рязанский", в Льв.³⁵, Ув.³⁶, Прил.³⁷ - "со князем Иваном Рязанском Коротополом приде Товлубей со множеством татар, отпущен к Смоленску". Далее рассказ повествует о событиях в Переяславле Рязанском и затем о посылке Иваном Даниловичем к Смоленску "по цареву повелению" московской рати и нескольких русских князей, о стоянии у Смоленска и отступлении от

города через несколько дней. Льв. поясняет расправу с пронским князем повелением Товлубия. Супр.³⁸, СС³⁹ выделяют известие об убийстве Алесандра Пронского в самостоятельную запись. МАк.⁴⁰ и Ерм.⁴¹, напр., информируют только о самом факте смоленского похода Товлубия, опустив рязанский и московский эпизоды вообще. Представляется, что рассказ 1339/40 г. составлен на основе разного материала и имеет в целом московскую версию. Одной из его составных частей - рязанский текст.

1342 г.: Об отпуске на Русь из Орды на Рязанское княжение кн. Ярослава Александровича Пронского с послем Киндяком, бое у Переяславля с Иваном Коротополом, его бегстве из города, полонении и избиениях в Переяславле татарами и вокняжении кн. Ярослава в Ростиславле. Льв. дополняет известие сведением об участии в действиях Ярослава Пронского рязанских и пронских князей. В "Записках", в отличие от летописей, говорится о вокняжении пронского князя не в Ростиславле, а в Переяславле Рязанском⁴². Так пишет и В.Н.Татищев⁴³. В дошедшей прямой выписке из. Тр. о разбираемом событии нет дополнения, читаемое в Льв., и указан Ростиславль. Ник. называет Ростиславль Рязанским⁴⁴.

1343 г.: Об убийстве кн. Ивача Коротопола. Такое краткое сообщение об этом событии имела Тр.⁴⁵; Льв., Прил. и некоторые другие летописи дополняют его сведениями о месте убийства - "на Рязани". Ник. дает назидательное пояснение - "понеже убил брата своего князя Олесандра Михайловича Пронского и сам тую чашу испил"⁴⁶.

1344 г.: О смерти пронского кн. Ярослава Александровича.

1345 г.: О смерти муромского кн. Василия Ярославича и его захоронении в своей отчине - Муроме, в ц. св. муч. Бориса и Глеба. Такое изложение событий читается в одном из примечаний Карамзина. Приселков видел его в тексте Тр.⁴⁷. Ник. и СС⁴⁸ имеют лишнее чтение: "в монастыре на Ушне", С1¹⁹ Н1У⁵⁰ - зимой. Одно из двух самостоятельных известий, связанных с Муромской землей, которые прослеживаются в летописях за изучаемый период⁵¹. Другие касаются рязано-муромских связей и записаны рязанским летописцем (1354, 1385, 1400 гг.)

Трудно допустить использование той же Тр. специального источника для двух муромских известий. Думается больше оснований предположить их выход в оборот общерусского летописания через рязанский памятник.

1350 г.: О смерти рязанского кн. Василия Александровича. Приселков относил данное известие к тексту Тр., ссылаясь на указание Карамзина под 1350 г.⁵² В Сим. и Ник.⁵³ и Василий Рязанский именуется "великим" князем.

1351 г.: Об обновлении весной кн. Юрием Ярославичем своей отчины Мурома, "запустевши издавна от первых князей", сооружении новых дворов князем, боярами, вельможами, купцами и черными людьми, украшении церквей иконами и книгами. Второе муромское известие, также, очевидно, известное Тр. Приселков обратил внимание на одинаковое чтение записи 1351 г. Сим. и соответствующей летописной выписки Карамзина⁵⁴. Близкое изложение к Сим. дают Рог., МС, Ник.⁵⁵. Возможно, кн. Юрий был братом Василия Ярославича, упоминаемого под 1345 г. Юрий Муромский - действующее лицо рязанской записи 1355 г.

1352 г.: Об отсылке кн. Всеволодом Александровичем Холмским своей княгини в Рязань. Уникальное сведение Ник.⁵⁶ Кузьмин связывает его с общим прорязанским материалом последней летописи⁵⁷.

1353 г.: О приезде в Рязань из Орды посла, чтобы "учинить между московским князем". Названное известие не читается ни в одной летописи и содержится в Рязанских рукописях⁵⁸. Оно находится в связи с последующими событиями 1354 г.

1354 г.: О захвате рязянами Лопасни, "князь же великий Олег, еще тогда млад был", взятии в плен московского наместника Михаила Александровича и держании его в Рязани, "многи пакости створиша ему и потом одва выкупили его" (с датой - 22 июня, Петрово говенье). Это сообщение изложено во Сим. Оно отразилось только в одной группе летописей Тр. - Рог.-Сим.-Вл.-Ник.; Рог. (и отчасти Вл.) распространяет недоброжелательную характеристику князя Олега ("молод был, младшемен, суров и спиреп сим, с своими рязяны с потоковничем ему с бродчи много зла христианом створиша")⁵⁹. Явно московская интерпретация описания событий. Л.В.Черепнин пи-

сад, что здесь имеет место московская великокняжеская точка зрения.⁶⁰ Разбираемая запись составлена из разных текстов, во всяком случае первая ее часть – о самом захвате Лопасни с точной датой современник и имеет, вполне возможно, рязанское происхождение. Сим. дважды в одной записи фиксирует взятие города: "взяла рязанци Лопасни и "князь же великий Олег... с своими рязанци и Лопасну взяша". Ник. имеет более слабую антирязанскую окраску описания "столкновения в 1354 г. Рязани с Москвой. Тр. заканчивала запись словами о взятии в плен наместника и не знала о его держании в Рязани и последующем выкупе. В "Записках" содержатся уникальные данные, что кн. Олег Рязанский "тогда был млад, но храбр и научен", и о взятии в плен не только наместника Михаила Александровича, но и "вельмож" великого князя Московского.⁶¹

1355 г.: О походе с ратьей кн. Федора Глебовича к Мурому, изгнании из города кн. Юрия Ярославича и его вокняжении в Муроме; "о выходе" кн. Федора с муромцами в Орду и спустя неделю – кн. Юрия с "остаточныи люди муремския", о суде в Орде, который утвердил муромское княжение за Федором Глебовичем, и выдаче там последнему муромского князя, умершего у него потом "с истомы". Рассказ, в котором повествуется о нескольких разных по месту и времени событиях, начинающийся со сбора воев для похода к Мурому кн. Федора и заканчивающийся смертью муромского кн. Юрия. Он конкретен и свидетельствует об осведомленности автора-современника. Интересно, что Вл., в отличие от Сим. –Рог.; включает под одним годом три отдельные записи о муромской усобице.⁶² Симпатии летописца здесь лежат на стороне действий Федора Глебовича. Согласно Степенной книге он был рязанским князем.⁶³ Это подтверждает Роспись князем Рязанским.⁶⁴ Ник. дополняет сообщения Сим. –Рог. –Вл.: "а муромци ядася за него" словами – "и муромци ради была ему...". В "Записках" – это один текст.⁶⁵

1356 г.: Об отъезде зимой по последнему пути в Рязань нескольких московских "больших бояр" с женами и ратьми. Названный отъезд в Рязань состоялся после мятежа в Москве, связанного с убийством тысяцкого Алексея Петровича Хвоста. Сообщение о нем читается только в Рог. и Ник.; в первом пагинации

ке уточняется: "того ради убийства отъехоша на Рязань". Подобное уточнение находится и в "Записках".⁶⁸

1358 г.: О выходе из Орды посла Мамат-хожа, сына "царя", на Рязанскую землю и причинении большого зла, о посланке Мамат-хожий к великому кн. Ивану Ивановичу "о розъезде земли Рязанской" и отказе московского князя принять его, об отзыве царем своего посла, "заюже к царю в крாமолу вниде", и убийстве его при бегстве к Орнау. В Рог. и Сим.⁶⁷ чтение этого известия идентично, в том числе не совсем четкой фразы его текста: "на Рязанскую землю и много в них зла сотвори". Ник. (и "Записки")⁶⁸ имеет лишние слова: "пределы и межи утвердить нерушими и непретворими", которые продолжают общее разъяснение о целях появления Мамат-хожа на Руси; здесь нет сведения о "зле" от ордынского посла, но говорится о "клевете" на него хану. Вероятно, в Ник. сохранилась более исправная, близкая к первоначальному чтению запись события 1358 г. (соответственно интересам Рязани). Ее изложение событий точнее к действительному положению с приездом тогда "царева сына", явившегося не с военными намерениями, а своего рода с дипломатической миссией — урегулирования острого пограничного конфликта Москвы с Рязанью. Сим.-Рог. передают московскую обработку записи полнее и яснее.

1365 г.: О походе ордынского кн. Тагая из Наручади с ратью на Рязанскую землю, сожжении Переяславля, бое под Шивевским лесом на Воине, данной татарам вел.кн. Олегом Рязанским с своей "братъей" Владимиром Пронским и Титом Козельским, победе на брани — "зелю лята" рязанского князя и его "братии" и бегстве дружины Тагая. Такое описание победы Рязани над татарами на Воине дается в Сим.⁶⁹ Более пространно и определенно событие 1365 г. изложено в Ник.; откуда узнаем, что Тагай "восхоте воевати Русь", "приде тайно и безвестно на Рязань", сколо Переяславля "плени вся власти и села, и много полона взят, и тако по малу подрижесе с мною тягостию иде в поле" и отступил после боя "во страсе и в трепете мнозе быв... видя всех своих татар избивенных". Эти тексты распространяют несколько сокращенное повествование Сим. и оба памятника, думается, отражают в целом перво-

начальный вариант его редакции. "Записки", передавая текст близко к Ник., дополнительно еще отмечают выход кн. Олега из Рязани, который "немогли вскоре собрать войски своя и не бив всим держаться в граде."⁷⁰ Кузьмин видит здесь позднюю обработку, отнеся к ней, в частности, указание летописей на участие в военных действиях рязанского князя против татар Тита Козельского.⁷¹ Он обращает внимание на то, что Тит Мстиславич был не козельским, а карачевским князем. Вряд ли это переосмысление, связанное с тем фактом, что его сын и зять Олега — кн. Иван являлся козельским правителем, (в 1408 г. он упоминается как ~~Козельский~~ воевода). О Тите Козельском под 1365 г. пишет и Вл. "Записки" называют Тита Мстиславича карачевским и козельским князем.⁷² В других летописях запись о победе на Воине значительно сокращена. Рог. опустил данные о князе Тите. Но в этой летописи имеется пропуск в тексте статьи после слов: "на месте нарицаеме...".⁷³ Это связано с порчей части текста оригинала памятника, которая привела, по всей вероятности, и к утрате сведения о месте "сечи злой" — под Шишевским лесом и на Воине. Кузьмин усматривает здесь и в некоторых других рязанских сообщениях правку, направленную на преувеличение влияния Рязани в XIV в. на соседние земли.⁷⁴ Однако, летописец говорит в данном случае о костромском князе, а почему-то не о муромских, или козельских правителях, упоминаемых в последующем в связи с иными, касающимися Рязанского княжества событиями.

1371 г.: О вокняжении в Рязани Владимира Пронского. Летописи дают это сообщение после рассказа о победе на Скорнице великого кн. Дмитрия Ивановича над Олегом Рязанским. В Сим., Рог., Супр.⁷⁵ и некоторых других летописях оно читается как самостоятельное известие: "И седе тогда на княжении великом Рязанском Володимер Пронский"; в С1, Н1У, Ерм., Ув.⁷⁶ говорится о посажении на Рязанском столе Владимира Дмитриевича великим князем Московским, что соответствует предшествующему антирязанскому тексту о походе Дмитрия Ивановича против Олега Рязанского. Вполне вероятно существование местного сообщения о Владимире Пронском, которое имело продолжение в следующих записях под 1372-1373 гг.

1372 г.: О походе кн. Олега Ивановича изгоном на Рязань против Владимира Пронского и его вокняжении на великом Рязанском столе. Против текста Сим., Рог., Вл.,⁷⁷ напр., Ник. (и "Записки")⁷⁸ пишет еще о пленении зятя, кн. Владимира и держании его "в своей воле" и сам поход датирует зимой.

1373 г.: О смерти пронского кн. Владимира Дмитриевича. Об этом событии извещают только Рог. и Ник. В Рог. (и "Записках")⁷⁹ указано на время смерти кн. Владимира - зимой. - О рати на Рязань из Мамаевой Орды против вел. кн. Олега Ивановича, сожжении городов, избиениях и пленении людей. Названное известие известно также только Рог. и Ник.

1377/78 г.: О набеге осенью изгоном царевича Араб-шаха на Рязань и причинении "много зла". Это данные Ник.⁸⁰ С ними перекликается запись под тем же 1378 г. С1, Н1У, ВП, СС, РХр.⁸¹ о взятии татарами Переяславля Рязанского и спасения Олега Рязанского, который "из рук убежала изстрелян". Представляется, что речь идет об одном и том же событии, вошедшее в летописи разными "кусками" единого повествования о нем. Сходного мнения придерживается Кузьмин⁸². Разбираемое сообщение рассматривается Комаровичем как часть летописного рассказа, называемого Повестью о битве на Пьяне. Ее создание, как упоминалось выше, отнесено им к автору - рязанцу. Думается, что более правы те исследователи, которые склонны видеть здесь нижегородское сочинение. С именем царевича Араб-шаха из Синеи Орды, утвердившегося на Волге, связано несколько набегов на Русь в 1377-1378 гг.; одним из первых и наиболее крупным является поход на Нижний Новгород, когда он дошел до Волчьих вод и произошла битва на Пьяне с ратью из Мамаевой орды. Вскоре после этого последовало разорение им Засурья и т.д. Списание обоих набегов 1377 г. отразилось в Сим., Рог., МС и других летописях и составляет текст Повести. Что касается опустошения Араб-шахом рязанской территории, то об этом, в частности, три первые летописи умалчивают. Извещающие о рязанском набеге ордынского царевича летописи знают его, как правило, уже под 1378 г.

1378 г.: нападении осенью изгоном "без вести" Мамай из Рязанскую землю, побеге из своей земли вел. кн. Олега за

взятии и сожжении Переяславля и других городов и сел, пленении и пленении людей. Это разорение Рязанской земли произошло после битвы на Воже и сообщение о нем дается в Сим., МС¹³ (и др.) в общем московском рассказе о походе Мамай на Русскую землю того же года (без даты). В этом варианте включала данное повествование и Тр.⁸⁴ НИУ дважды говорит о битве на Воже и только в одном из сообщений об этом (пространного характера) включен рязанский эпизод. Оно соответствует рассказу С1 (1379 г.). Ник. отделяет изложение рязанского материала заголовком "О пленении Рязанской земли от Мамай" и добавляет его рядом оригинальных чтений (как и "Записки")⁸⁵, в том числе о взятии местного города Дубка, о скорби и печали кн. Олега, что мало "людей от того же плону от татар избежавше" и о начале строительства на Рязанской земле новых жилищ и их заселении. Уточняется время нападения Мамай – сентябрь. Вполне правомерно предположение Кузьмина о местном описании рязанского похода Мамай.⁸⁶

1382 г.: О посылке рати осенью вел. кн. Дмитрием Ивановичем против Олега Рязанского, которая "землю всю и до остатка взяла", и "огнем пожгоша и пусто створише", бегстве князя Олега с дружиной, "пути ему стало и татарской рати". Ник., в дополнение Сим. и Рог., раскрывает время рязанского похода московского войска – сентябрь. "Записки" кроме того указывает, что во время этого похода кн. Олег со своими боярами был в Брянске.⁸⁷ Данное сообщение находится в тесной связи с летописным текстом, повествующим о нашествии Тохтамыша на Москву и разорении одиночками Рязанской земли, и вместе с тем имеет несомненно самостоятельное значение. Оно могло быть записанным по месту самого действия.

1385/86 г.: О взятии суровыми кн. Олегом Рязанским изгоном Коломны, пленении им наместника Александра Андреевича, "нарицаемого Остей", и других бояр, "лучших мужей", захвате "злата и серебра и товара всякого" и возвращении в свою землю с большим богатством (с датой – 25 марта, на Благовещение св. Богородицы, в Лазареву субботу). Лъв. (и "Записки") датируют это событие в отличие, напр., от Сим.-Рог. – 9 мая.

В Ник. даты утрачены.⁸⁸ Вновь московский летописец подчеркивает суровость Олега Рязанского, как он это сделал в отношении князя и самих рязанцев при сведении текстов под 1354, 1371, 1385 гг.

1385 г.: О посылке вел. кн. Дмитрием Ивановичем рати с братом кн. Владимиром Андреевичем против кн. Олега на Рязанскую землю и гибели на войне в Рязани кн. Михаила Андреевича Полоцкого. Приседков, согласно соответствующей выписке Карамзина, вносит эту запись в Тр.⁸⁹ - О посылке "иней" московской рати на Муром, против "князя безчестия". Оба эти события, следовавшие один за другим и отражали единое предприятие Москвы. В споре Москвы с Рязанью Муром оказался на стороне последней. Интересно, что в Рязанских рукописях говорится о победе рязанцев над москвичами и указывается место боя - под Перевицом.⁹⁰ Ник. (и "Записки")⁹¹ пишет еще о гибели на этой войне многих московских бояр и "лучших мужей" Новгорода и Переяславля и кн. Михаила называет воеводой великого князя. В "Записках" указывается на наличие в московской войске литовских сил, а также и на следовавшие за рязанско-муромским походом "безуспешные пересылки" между московским и рязанским князьями. Потом, как известно, состоялась поездка в Рязань для мирных переговоров игумена Сергия Радонежского, увенчавшаяся успехом. Вскоре между Москвой и Рязанью был заключен мир.

1387 г.: Об уходе из Орды кн. Родослава, сына Олега Рязанского. На основании общей с записью Сим. выписке Карамзина, Приседков относит это известие к Тр. Ник. имеет пока зание на зынее время возведения князя Родослава.⁹² - О набегах игоном татар на Рязань, воевании Ялбутска и "Олга князи мало недша". Уникальное сообщение Ник., которое в "Записках" датировано "перед Петровым днем"⁹³.

1388 г.: О набегах в августе игоном татар на рязанские окраины. Сведение одной Ник.

1390 г.: О воевании татарами Рязани.

1391 г.: О воевании в Филипово говенье татарами Рязани.

1393/94 г.: О набегах татар Тохтамыша игоном на Рязанскую землю и победе кн. Олега Рязанского. Последние три извест-

тия известны также только Ник.⁹⁴ - О походе кн. Олега Ивановича к Любутску против Литвы и возвращения с полоном. Кроме Ник., это сообщение читается в С1, Н1У, СП и СС⁹⁵. - О походе Литвы против Рязани. Ник. опускает второе известие против указанных выше летописей.

1395/96 г.: О походе вел. кн. Олега Рязанского, с зятзем вел. кн. Юрием Смоленским и "с братьями" - пронскими, козельскими и муромскими князьями на Литву и причинении "зла". Этот поход известен только Ник.⁹⁶ - О походе вел. кн. Витовта на Рязань. С1 и Н1У⁹⁷ показывают время похода - зимой.

1396 г.: О возвращении кн. Олега Рязанского из литовского похода с большой добычей - "корыстью" и "удержании" им смоленского князя, лишившегося своей "отчины". Оригинальное сведение Ник.⁹⁸ - О походе кн. Олега Ивановича к Любутску, где "горожане же затворившася и бьются с ним с города", отводе рязанской рати от города после посредничества великого князя Московского. Подобная версия читается, в частности, в МС, Ув., Льв.⁹⁹ Сим. и Рог. пропускают это известие. Ник. ничего не пишет о посредничестве Москвы и дает сообщение без московской правки.¹⁰⁰

1396/97 г.: О походе кн. Витовта против Олега Рязанского и пленении Рязанской земли (с датой - осенью, "по Покрове"). Ответный поход Литвы на Рязанскую землю знают многие летописи. Целый ряд из них умалчивают при этом о предшествующих военных действиях Олега Рязанского, как, напр., С1Ц, СП, СС. В Ник. летописец извещает, что литовское войско причинило большое зло и "кровь пролиав, аки воду, Рязанския земли".¹⁰¹

1398 г.: О приходе от Тохтамыша посла Темирхозя к великому кн. Олегу Ивановичу в Рязань, "а с ним много татар и коней и гостей".

1400 г.: О избиении татар и пленении ордынских князей "в пределех Черленого Яру и в карауле возле Хопорь до Дону" вел. кн. Олегом Рязанским с пронскими, козельскими и муромскими князьями.

1400/01 г.: О походе Олега Рязанского "с прочими князи и со всем воинством" на Литву и возвращении с большим полонем. Все три последние сообщения имеет только Ник. В этой летописи

последний поход описывается в связи с общими действиями рязанского князя и Юрия Святославича, и вокняжением смоленского князя в своей "отчине". В ней дается рязанская редакция и этого события.

1401 г.: О набеге изгоном татар на рязанские окраины и причинении ими "много зла". Оригинальный текст Ник.

1402 г.: О походе кн. Годослава Ивановича на Брянск, бое у Лвбутска с литовскими князьями Семеном Ольгердовичем Лугвением и Александром Патрикеевичем Стародубским, поражении рязанцев, пленении кн. Годослава, который пробыл в "темнице... нуже великой" у Витовта 3 года и был отпущен за выкуп в 3000 (2000) рублей. В дополнение других летописей Ник. указывает среди противников кн. Бойноса Ивановича.¹⁰² Сводное сообщение одновременных событий, оно вошло в летописи через разные памятники. В ИУ под 1402 г. дважды читается о литовском походе, предпринятом Гязанью. В ее сокращенном известии Годослав ошибочно называется Ярославом, что имеет аналогию ВП, Льв., Ув.¹⁰³ и некоторых других летописях: - О смерти кн. Олега Рязанского, "нареченного в слятом крещении Иаков, а в мнишеском чину Иоаким", и его захоронении в Солодчем монастыре (с датой - 5 июля). Ник. уточняет данные, в частности, Сим., что монастырь находится за Окой. Карамзин давал сообщение о смерти кн. Олега в соответствии с Тр.¹⁰⁴ - О поездке кн. Федора Ольговича в Орду к Чжанибеку с дарами и известием о смерти отца, возвращении с пожалованием на "отчину и дедичу" - великое Рязанское княжение. Кроме Ник., данное сообщение в сокращении читается еще в одном из примечаний Карамзина. Судя по короткому тексту примечания, это свидетельство не было полностью идентично записи Ник.¹⁰⁵

1405 г.: О набеге изгоном татар на Рязань, избиении и изгнании их кн. Федором Ольговичем и возвращении с полонем. Уникальное известие Ник.¹⁰⁶ - О смерти "Ольговой княгини" - Евпраксии (с датой - 5 декабря). Имеется выписка Карамзина об этом событии. Приселков связывает ее с Тр.¹⁰⁷ Оно известно еще МС - Воскр. и Ник.¹⁰⁸, которая дает лишнее показание к дате - в субботу.

1406 г.: О смерти кн. Родослава Ольговича Рязанского (с датой — 14 ноября). Приселков относит эту запись к тексту Тр., исходя из данных Карамзина.¹⁰⁹ Смерть Родослава отмечают мало летописей. Известие об этом сохранилось в Льв., СП и Ник.¹¹⁰

1407 г.: О смерти рязанского еп. Феогноста. Это известие дают Сим., МС, СП¹¹¹ и другие летописи. — О смерти воевод кн. Василия, сына Федора Ольговича Рязанского. Сообщение, которое сохранилось только в выписке Карамзина. Приселков считал, что это запись Тр.¹¹² Внимание московской летописи к подобному местному известию может объясняться тем фактом, что князь Василий являлся племянником Василия Дмитриевича Московского. Его мать, княгиня Софья была дочерью Дмитрия Донского.

1408 г.: О возвращении из Орды, от Булата кн. Ивана Владимировича с послом и его вокняжении в Пронске (с датой — 6 сентября). Данное событие фиксируют Ник. и в одной из своих выписок Карамзин.¹¹³ Приселков относил эту выписку к Тр. Он ошибочно писал, что известие о вокняжении Ивана Владимировича нет в Ник.¹¹⁴ В Ник. подчеркивается, что кн. Иван вернулся из Орды "с пожалованием и честью на Русь". — О походе пронского кн. Ивана Владимировича с татарами на Рязань, изгнании вел. кн. Федора Ольговича и его побеге за Оку, о вокняжении кн. Ивана. "на обою княжениях", и о последующей затем рати вел. кн. Рязанского против кн. Ивана и бое на реке Смидве 1 июня, убиении во время сражения коломенского воеводы Игнатия Семеновича Жеребцова и многих "коломничей". — О примирении рязанских князей "Федора о Иваном". Оба названные сообщения Сим., Льв., СП¹¹⁵ и некоторых других летописей составляют единый Рассказ, определяемый в литературе как Сказание о Рязанском побойце.¹¹⁶ По свидетельству указанных летописей можно только предполагать вмешательство Москвы. Князь Василий Дмитриевич оказал тогда содействие Федору Рязанскому, послав на помощь ему против пронского князя московскую рать с коломенцами и муромцами. Симпатии рассказчика, кажется, в данном случае лежат на стороне пронского князя, выступившего с попыткой захватить Рязанский

стал. Летописец замечает: "и бысть им бои... и поможе бог князю Ивану Пронскому". Ник. уточняет позицию летописца, в ней Рассказ распространен. В числе убитых на Смядв называется еще Михаил Лялин и Иван Браник и муромци. Большой интерес представляет ее дополнительный текст к первому сообщению, раскрывающий отношение автора-современника к описываемой усобице на Рязанской земле: "И пролияся кровь христианская посу, понеже кождо брата своего ненавидяще и предели свои преступающе, и чужая желаше и похищаше". Краткое сообщение летописей о примирении враждующих князей в Ник. звучит, очевидно, в первоначальной записи: "князи рязанстии Феодор Ольгович, Ивановича и Иван Володимирович мир и любовь межи собою взяша и крестным целованием укрепилсѧ, глаголяше... род един есмы, братия и сродники, будем в мире и в любви заедин и седим каждо на своих отчинах... Брань на бѣсы и на врагы наша, на неверныя лязки".¹¹⁷ Главное внимание летописца современника сосредоточено не на победе одного соперника над другим; он осуждает вражду "сродников" и призывает к миру и "соединению и любви братстей", держаться своих юзжений - отчины. Ему понятно, что брань - на пользу врагов и "неверныя лязки". В связи с установлением мира между "великими князьями рязанстими" сообщается, что "бысть радость велиа на Рязани".

Карамзин дал за 1402-1409 гг. обобщающее примечание с рязанскими текстами. Вначале со ссылкой на Тр. указывается дата смерти кн.Олега, а в конце приводятся записи, описывающие побоище на Смядв и установление мира на Рязанской земле. Несмотря на сокращения оставленного историком материала (тексты с многоточиями) устанавливается близость (но не идентичность) к распространенным данным о соответствующих событиях Ник. В другом месте Карамзин дополнительно цитирует под 1408 г. такой текст: "Татарове бивашь с князем Рязанским, Федором Ольговичем, и побива рать коломенскую".¹¹⁸ Прислалков не упоминает об этих летописных материалах "Истории Государства Российского". Он называет последней рязанской записью, взятой непосредственно из Тр., свидетельство под 1408 г. о вокняжении Ивана Владимировича в Промске. Но она составляет часть единой подборки у Карамзина рязанских

текстов, заключенных в Примечании № 190. В реконструкции Тр. Приселков дает сообщение о выходе Владимира Пронского из Орды после Рассказа о Рязанском побоище (взятого из МС). В "Истории государства Российского" последнее событие заключает названную подборку и датируется 1409 г. Второе сообщение, оставленное историком под 1408 г. -- о битве Федора Рязанского и келомнищев с ордынцами находится в другом Примечании, где собраны известия о "наловажных" происшествиях с 1389 г. И это Примечание (№ 254) Приселков полностью связывает с Тр. 119
Особая редакция Рассказа о Рязанском побоище 1408 г. содержится в Тв. сб. Она отражает пронскую версию. В ней прямо говорится о помощи московского князя Федору Рязанскому; летописец неодобрительно относится к вмешательству Москвы "иже не сложив к Пронскому, рати послати на нь, се бо здумаша боири княи". Повествование ведется от имени проныи со знанием развития конкретного хода событий: "проняне же уведаше рать князя Федора Ольговича и московскую, уже близь сушу", "татарове же отыдоша в гору и стали, не помогаючи проняном", "проняне же укрепльшеса помощию божию, крепци възродовашася к брани... москвичи же изыдоша противу им и снидошася близь Венева", "и людей много посекоша москвичев и рязанцев, а иные потонуша в реце в Оце, бежа от татар и от Пронска". 120

Обследуемые рязанские тексты летописных памятников позволяют сделать следующий общий вывод. Рязанская летопись использована в сводах на всем протяжении изучаемого периода, но отдельными выборками, и ее материал рассеян среди других летописных текстов; наибольшее число записей прослеживается в статьях после 40-х гг. XIV в. До этого времени обнаружено 13 записей (из 65). Вместе с тем, очевидно, следует говорить о хронологической непрерывности летописной работы на Рязанской земле в то время, которая с середины XIV в. приобрела устойчиво регулярный характер. Тогда Рязанский стол занимал энергичный правитель кн. Олег Иванович, проводивший активную политику на сохранение самостоятельности Рязанского княжества. Общий вывод специалистов о бытовании Летописца Олега Рязанского, может быть, нужно распространить. Представляется, что речь следует вести о летописном памятнике времени Ольгович-

цей, т.е. великого князя Олега и его сыновей Родослава и Федора. Олег Рязанский умер в 1402 г. и летописи, включая Тр., продолжают неизменно разглагольствовать о его преемниках и событиях, связанных с ними. В правление кн. Олега (сын Ивана Коротополо) можно думать было предпринято составление рязанского "Летописца". Составление некоего "Летописца" привело к сведению воедино накопленного к этому времени местного материала. С возвращением в Рязань Олега была восстановлена княжеская династия Ивана Ивановича Коротопола, которая после его убийства в 1343 г. оспаривалась преемниками князей Александровичей — Ярославом и Василием. Ведение специальной летописной работы в Пронске (или Муроме) могло иметь место (здесь отмечены "пропронские" тексты под 1343, 1408 г., напр.) но в целом рассматриваемый материал не уполномочивает на определенное заключение по вопросу.

Материал рязанской летописи подвергся значительной обработке и сокращению. Рязанские записки значительно отличаются друг от друга. Сухой язык летописного текста нередко сменяется живым голосом современника, по-своему толкующего описываемые события. Одни из них содержат короткую информацию о событии, другие — более пространны, изложены в форме рассказа, некоторые объединяют равноновременные события и носят сводный характер. В основании последних лежат современные темы. Имеет место датирование событий, в том числе открытой датой. Но эти случаи довольно редки; чаще встречается указание или на сезон года, или на месяц, на церковный праздник или памятный день.

Разбираемый местный рязанский материал летописей носит сугубо светский характер. Среди действующих лиц — князья и бояре, купцы и "черные люди", "лучшие мужи" и гости, воеводы, рязанцы, проняне, москвичи. Церковных текстов почти нет. Мы ничего не знаем из сохранившихся записей о строительной деятельности, которая, развернувшись, в частности, в княжение кн. Олега, Рязанский летописный материал касается собственно рязанско-пронских событий, связанных, прежде всего, с междоусобной борьбой и отношениями с Москвой, Смоленском, Муромом, Козельском. Отчетливо проявляется ордынская и литовская темы. Это летописная работа областного значения,

описание событий дается с точки зрения задач единства и независимости Рязанской земли от Москвы, Орды и Литвы. Главным мотивом — обладание "отчиной" и "дединой" — великим княжением Рязанским и соединение усилий за сохранение целостности его земель. Объединение усилий против врагов и "инаковерных языки" трактуется как общие действия рязанских, пронских, смоленских, муремских и козельских князей, связанные с централизацией в районе юго-западных областей Руси. Рязанский летописный материал в большой степени переиначен новыми поколениями сводчиков и трудно достаточно полно судить о развитии тенденций летописной работы в Рязанском княжестве. Но несомненно, что со второй половины XIV в. в ней появляются сильные антиордынские, а потом и антилитовские настроения.

Общерусские летописные своды XIV—XV вв., обнаруживаемые в сохранившихся летописных памятниках, представляют материал Рязанской земли в связи с историей Северо-Восточной Руси и тесно обусловленными с ней общими событиями своего времени. Определяемые рязанские тексты сосредоточены преимущественно в Ник. — 60 известий, МС — 32, Сим. — 31, Рог. — 25, Ерм.—27, НИУ — 21, СГ — 18, и т.д. 17 уникальных известий имеет Ник., 1 — Лавр., 1 — Тр. Почти весь этот оригинальный материал соответствует данным "Записок" и частично-Рязанских рукописей XV в. Кроме того, "Записки" содержат одно уникальное известие и некоторые дополнительные чтения. Неизвестно летописям одно известие Рязанских рукописей. Несколько рязанских записей получили осквернение только в двух — трех памятниках: в Рог.-Ник. под 1356, 1372, 1373 гг., в Сим.-Рог.-Ник. под 1387 г., в МС (Воскр.) — Ник. под 1405 г., Льв. (СП) — Ник. под 1406 г. и Тр.-Ник. под 1402 и 1408 гг. Данный фонд рязанских текстов в основном обнаруживается в составе "Свода 1305 г." и "Свода 1408 г.". Лавр. содержит рязанские известия 1294, 1299, 1300, 1301 гг. Вне этой летописи лежат еще три сообщения этого времени. Лаврентьевская рукопись дефектна в пределах статей 1278 и 1288 гг. (утрата листов). Известие под 1305 г. выходит за рамки материала списка 1377 г. По всей вероятности, рязанский источник "Свода 1305 г." представлял собой выборку из местного Летописца — Хроники. Несомненно

существование связи между записями 1300 (испорченный текст), 1301, 1305, 1307 и 1308 гг. Именно эти записи подверглись обработке, другие даны в сокращении и не были раскрыты в поздних памятниках. Общая зависимость в отношении рязанского материала Сим.-Ник. от 1294 г. становится, начиная с 1327 г., единой с Рог. и продолжается до 1402 г. (В этом месте Рог. имеет перерыв в тексте до 1409 г.). Единый массив рязанских известий указанных трех памятников повторен почти во всем объеме в МС и Ерм. и распространен вплоть до 1408 г. вкл. Данный массив после "Свода 1305 г." возобновляется с 1327 г. (два известия 1308 г. уникальны). 1327 годом датируется первая не связанная с Лавр. цитата Карамзина из Тр., где отразилось рязанское известие. До 1408 г. сохранилась в общей сложности, по мнению Приселкова, 17 рязанских известий Тр., в том числе 10 с указанием Карамзина непосредственно на эту летопись. В обзоре рязанского материала нами обращено внимание еще на два известия в примечаниях Карамзина, выписанных им вероятно из Тр. Рязанский источник "Свода 1408 г. обрисовывается в пределах общего рязанского материала Тр.-Рог.-Сим.-МС-Ерм.-Ник. (включая сведения "Свода 1305 г.") за 1327, 1339, 1339/40, 1342-1345, 1350, 1351, 1354-1355, 1358, 1365, 1371-1372, 1378, 1382, 1385, 1385/66, 1387, 1400/01, 1402, 1406, 1407, 1408 гг. К этому единому комплексу следует отнести одинаковые известия МС - Ник. и Льв. (СП) - Ник. Записи этих рязанских известий за 1405 и 1406 гг. ведут, соответственно данным Карамзина, к тексту Тр. Заключительным сообщением рязанского источника "Свода 1408 г." нужно считать Рассказ о побоище Рязанском. Он свидетельствует о политической стабилизации полджения на Рязанской земле во время составления общерусской летописи в Москве. На великом Рязанском княжении после вспыхнувшей усобицы вновь сел его законный владделец Федор Ольгович, находившийся в близком родстве с великим князем Московским. Жена кн. Федора - Софья являлась родной сестрой Василия Дмитриевича, а рожденная от их брака дочь Василиса была тогда замужем за сыном Владимира Серпуховского - кн. Иваном (породнение московско-пронского домов относится к 1416 г.)¹²¹. Вне этой основной группы записей стоят уникальные сведения и, прежде всего, Ник., а также общин -

Рог.-Ник., МС-Ник., Льв. (СН) – Ник. К оригинальному рязанскому материалу Ник. относятся записи 1278, 1288, 1300, 1327, 1352, 1387, 1389, 1390, 1391, 1393, 1395/96, 1398, 1399, 1400, 1401, 1405 гг. (Приеда, два первых из них мог заключать "Свод 1305 г."). Эти записи представляют главным образом данные о борьбе Рязани с Ордой и Литвой. Они существуют не изолированно и по своему конкретному содержанию составляют единое целое со всем рязанским материалом летописей. В них нашли отражение, в частности, отношения кн. Олега Ивановича и его сына Федора со Смоленском, татарами и т.д. Некоторые из названных записей, в том числе уникальные сведения "Записок" (1305 г.) и Рязанских рукописей (1353 г.), являются продолжением повествования о событиях, которые фиксируются основной группой рязанских и нерязанских известий. К такому тематическому комплексу, например, возводятся известия 1306-1307, 1353-1354, 1355-1397 гг. В общем оригинальный рязанский материал тесно связан с соответствующим источником "Свода 1408 г." Более того, начиная с известия 1387 г. – это часть Летописца Ольговичей. Необходимо иметь также в виду, что лишние тексты Ник. (и "Записок") представляют собой не только самостоятельные записи. Здесь имеется много фактических дополнений к общим с другими летописями данным о Рязанской земле. Примечательно, что для рязанских известий Ник. 1402, 1403 гг. имеет параллель исключительно в Тр. Поэтому предпочтительнее говорить не о введении Ник. (или только) в новом объеме местной летописи, а о возможной утрате посредствующих звеньев в летописной работе и нашем еще неведении о составе не дошедших, но предполагаемых памятников северо-восточного летописания. Напомним, что Ник. содержит особую редакцию сочинения Игнатия Смоллянина – Хождения Пимена в Царьград. Ее особенностью является лишний текст, повествующий о пребывании митр. Пимена и его свиты в Переяславле Рязанском и встрече с кн. Олегом Ивановичем (1389 г.). Этот текст читается еще в "Записках" и Рязанских рукописях.¹²²

Рязанский летописный материал, используемый в Тр., уже был известен предшествующим "Своду 1408 г." памятникам. Но это касается не только "Свода 1305 г." В НИУ под 1375 г. и

1402 г. фиксируется стиковки разных источников, содержащих известия, связанные с Рязанским княжеством. Год 1397-ой дает своеобразный обрыв рязанских записей до 1401 г. Этот обрыв восполняется уникальными текстами Ник., двумя сообщениями НУ-С1 под 1393 г. и тремя - НУ-С1, МС под 1395 - 1397 гг. Названный обрыв рязанских текстов наблюдается по линии Рог.-Сим.-МАк., ВП-Нкр. и отчасти С1-НУ, МС, Ерм. - Тип. и т.д. Во Вл. он начинается после 1372 г. Блгодне вероятно наличие рязанского источника в составе Летописца Великого Русского редакции 1389/92 г. Отмеченные выше пять рязанских известий связаны с новой комбинацией текстов, не имеющих аналогии в Сим.-Рог. Это рязанско-литовский материал. Указанные известия повторяются в летописях исходных из софийских сводов (СП - Льв., "проростовские" летописи) и Ник., которые во многом отражают новые этапы общерусской летописной работы (выходящие за "Свод 1408 г."). Шахматов видел рязанский источник (известия 90-х гг. XIV - начала XV в.) в так называемом своде времени митрополита Фотия. Одним из следов тверского памятника могут быть общие только Рог.-Ник. записи под 1356 г. и 1373 г. Тв. сб. включает единственный своего рода прописный рассказ о Рязанском походе 1408 г. Таким образом, оригинальный рязанский материал Ник. и указанные рязанские известия 90-х гг. XIV в. (восходящие, очевидно, к протографу С1 - НУ), возможно, относятся к летописной работе, последующей непосредственно за Летописцем 1389/92 г. и к обработке Тр. (до первой половины XV в.). Но крайней мере исключать все эти тексты целиком из памятников, предшествовавших обработке "Свода 1408 г." у нас нет прямых оснований. Протограф С1-НУ содержал московскую летопись, основой которой был "Свод 1408 г.". МС использовала дополнительно к своему главному источнику, так называемому "Своду 1448 г." - Тр.

В целом политическая история Рязанской земли освещается сравнительно широко в летописных памятниках, но далеко не полностью. Так, летописи молчат фактически о связях Рязни с Тверью, Киевом. Отметим, что "Записки" свидетельствуют об обращении в 1320 г. кн. Святослава Киевского за помощью против

Литвы к Рязани. Константин Романович Рязанский приходился киевскому князю шурином. Последний был женат на дочери рязанского князя - Ольге.¹²³ Целенаправленностью отбора местных текстов можно объяснить отсутствие в общерусском памятнике 1408 г. материала 1305-1308 гг. о Василии Рязанском, пытавшемся посчитаться с Москвой за насильственную смерть отца - кн. Константина. Не вошли в упомянутый московский свод и многие материалы конца XIII в. и 80 гг. XIV - начала XV в., рассказывающие об отношениях и борьбе Рязани с Ордой и Литвой. Несколько известий этого материала потом, по-видимому, были привлечены при составлении нового московского свода времени митр. Фотия. Но основная его часть читается как уникальные тексты Ник. Описание московско-рязанских отношений и связанных с ними событий в общерусских сводах проведено в большой мере на основании московских записей. У нас нет, напр., рязанской версии (или ее следов) описания событий, развернувшихся непосредственно на Рязанской земле во время Куликовской битвы. Летописная история Рязанского княжества известна нам не только по материалам местного источника сводов; целый ряд сообщений записаны непосредственно рукой московского летописца (с использованием рязанских текстов). Они относятся к таким сюжетам как: казнь в Москве Константина Рязанского (1305/07 г.), выезд в Москву из Рязани кн. Юрия Даниловича (1307 г.), поход Юрия Московского с ратью на Рязань (1320 г.), поставление митр. Алексеем рязанского еп. Василия (1356 г.), литовский поход против Дмитрия Ивановича Московского и помощь великому князю Владимиру Пронского (1370 г.), битва на Воже и участие в ней пронского кн. Данилы (1378 г.), поездка в Рязань иг. Сергия для урегулирования московско-рязанских отношений (1385 г.), брак дочери Дмитрия Донского Софьи с рязанским кн. Федором Ольговичем (1387 г.), поставление во Владимире митр. Пименом рязанского еп. Феогноста (1388 г.), поставление митр. Киприаном рязанского еп. Еремея (1390 г.), поездка Киприана в Константинополь и участие в составе митрополичьей делегации рязанского еп. Еремея Грецина (1390 г.), поездка Киприана в Великий Новгород вместе с "владыкой Рязанским" (1391 г.), поход Темир-Аксака против Василия Дмитриевича Московского и взятие тата-

ми г. Ельца Рязанской земли (1395 г.), о женитьбе в Москве кн. Владимира Серпуховского на дочери рязанского кн. Федора Ольговича Василисе (1401 г.).¹²⁴ Во всех этих записях внимание летописца сосредоточено на московской стороне описываемого события и все они имеют близкое к одной версии чтение во включивших их сводах. Некоторые московские сообщения, связанные с Рязанским княжеством, предполагают одновременно бытование и местных записей изложения общих событий.

Рязанский материал хранят Быховец, Хроника Литовская и Жмойтская. Эти памятники рассказывают об отношениях Рязани с русским Югом и Литвой. В них говорится о приеме в Рязани Станислава Киевского (?), изгнанного кн. Гедимином из Киева и его браке там с дочерью рязанского кн. Ивана - Ольгой (1322 г.), повествуется в самостоятельных записях о союзе Олега Рязанского и Ольгерда Литовского с Мамаем и затем о борьбе рязанского князя с Литвой (1380 г. - нач. XV в.).¹²⁵

Так, в общих чертах обрисовывается место рязанской летописи XIV - начала XV в. в современной ей общерусской летописной работе.

- 1 Иловайский Д. И. История Рязанского княжества. М., 1858, с. 66, 302.
- 2 Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868, с. 57-58, 139; он же. Русская история. СПб., 1872, т. 1, с. 30.
- 3 Тихомиров И. А. О Лаврентьевской летописи. - ЖМНП, СПб., 1884, ч. ССXXXV, № 10, с. 270; он же. Обзорение состава московских летописных сводов. - ЛЗАН, СПб., 1895, вып. 10, с. 13, 57.
- 4 Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. - ЖМНП, СПб., 1900, ч. СССXXI, № 9-10, с. 148, 150; СПб., 1901, ч. СССXXXVШ, № II, с. 56-57, 76-77; он же. Обзорение русских летописных сводов XIV-XV вв., М.-Л., 1938, с. 19.
- 5 Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1908, т. II, кн. 1, с. 1049-1054.
- 6 Приселков М. Д. Летописание XIV века. - Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову, П. г., 1922, с. 33; он же. История русского летописания XI-XV вв., Л., 1940, с. 107, 131-132.
- 7 Тихомиров И. А. О сборнике, именуемом Тверской летописью. - ЖМНП, СПб., 1876, ч. СIXXXVШ, № 12, с. 284.

- 8 Комарович В.Л. Литература Рязанского княжества. - В кн.: История русской литературы. М.-Л., 1945, т. II, ч. I, с. 74-76.
- 9 Монгайт А.Л. Рязанская земля. М., 1961, с. 10-13.
- 10 Комарович В.Л. Литература московского княжества XIV и XV вв. Летописание. - В кн.: История русской литературы, т. II, ч. I, с. 191.
- 11 Кузьмин А.Г. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. М., 1965, с. 164-255, 262-284. В.М. Клосс, проводящий потом новое изучение Никоновской, отметил эту особенность памятника, сославшись на Кузьмина (но оспаривая вывод о связи пророческих текстов летописи с предполагаемым им ее составителем - выходцем из Рязани). - См. Клосс В.М. Никоновский свод и русские летописи XVI-XVII веков. М., 1980, с. 17, 182.
- 12 В 1392 г. Муром был уже под властью Москвы. - См. ПСРЛ. Л., 1925, т. IV, ч. 1, вып. 2, с. 373; М., 1965 (фототип. воспроиз. текста изд. 1835 г.), т. X, с. 229; Сочинения илл. Екаториши II, на основании подлинных рукописей. СПб., 1960, т. II, с. 166.
- 13 Муравьева Л.Л. Летописные источники "Истории государства Российского" Н.М. Карамзина (т. IV-V). - В кн.: Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М. 1982 и 1983 (Реготпринт).
- 14 Муравьева Л.Л. Рукописи сочинения по истории России профессоров Московского университета А.А. Барсова и Х.А. Чеботарева. - Археологический ежегодник за 1982 г. М., 1983, с. 121-133; Сочинения илл. Екаториши II, на основании подлинных рукописей, т. II; см. также: Муравьева Л.Л. Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII - начала XV вв. М., 1963. В последней работе тема о Рязанском летописании освещается в обобщенном варианте.
- 15 ПСРЛ, т. X, с. 186. Никоновская летопись.
- 16 ПСРЛ. М., 1962 (Фототип. воспроиз. текста изд. 1926 г.), т. I, с. 405. Лаврентьевская летопись.
- 17 ПСРЛ, т. I, с. 486.
- 18 Карамзин Н.М. Примечания к "Истории государства Российского". СПб., 1852, т. IV, прим. 183. Троицкая летопись.
- 19 ПСРЛ, М., 1965, т. 30, с. 100. Владимирский летописец.
- 20 ПСРЛ. М.-Л., 1949, т. 25, с. 391. Московский свод конца XV в.
- 21 ПСРЛ. СПб., 1913, т. XVIII, с. 85. Симеоновская летопись; т. X, с. 173.
- 22 Кузьмин А.Г. Рязанское летописание, с. 196-197.
- 23 ПСРЛ, т. X, с. 176 (1305 г.); т. 25, с. 159 (1306 г.); т. XVIII, с. 86-87 (1307 г.); т. 30, с. 101 (1307 г.).
- 24 Сочинения..., т. II, с. 45, 57, 59; ПСРЛ, т. XVIII, с. 86 (1307 г.).

- 25 ПСРЛ, т.Х, с. 176; Сочинения..., с. 59.
- 26 Карамзин Н.М. Примечания к "Истории...", т.ІУ, прим.264; ПСРЛ, М., 1962 (фототип.воспр.текста изд. 1928 г.), т.І, с. 530. Суздальская летопись по Московско-Академическому списку.
- 27 ПСРЛ, т.25, с.168; СПб., 1910, т.ХУІ, ч.І, с.178. Львовская летопись.
- 28 ПСРЛ, т.Х, с. 194.
- 29 ПСРЛ, т.ХУШ, с. 92
- 30 Там же, с.104.
- 31 ПСРЛ, М., 1965 (фототип.воспр.текста изд. 1897 г.), т.Х с.26.
- 32 Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIУ-XVI вв., М.-Л., 1950, с. 43-44.
- 33 ПСРЛ, М., 1955 (фототип. воспр.текста изд. 1922 г.), т.ХУ, с.51. Рогожский летописец; т.ХУШ, с. 93.
- 34 Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.-Л., 1950, с.363; Карамзин Н.М. Примечания к "Истории...", т.ІУ, прим. 317, 320.
- 35 ПСРЛ, т.ХУІ, ч.І, с.180.
- 36 ПСРЛ, М.-Л., 1963, т.28, с.230. Уваровская летопись.
- 37 ПСРЛ, т.28, с. 69. Прилуцкая летопись.
- 38 ПСРЛ, СПб., 1907, т.ХУП, с.31. Супрасльская летопись.
- 39 ПСРЛ, М.-Л., 1962, т.27, с. 238, 324. Сокращенные летописные своды 1493 и 1495 гг.
- 40 ПСРЛ, т.І, с.531.
- 41 ПСРЛ, СПб., 1910, т.ХХШ, с.105. Ермолинская летопись.
- 42 ПСРЛ, т.ХУІ, ч.1, с.181; Сочинения..., с. 132 (1343 г.).
- 43 Татищев В.Н. История Российская. М.-Л., 1965, т.У, с.97.
- 44 Карамзин Н.М. Примечания к "Истории...", т.ІУ, прим.335; ПСРЛ, т.Х, с.215.
- 45 Карамзин Н.М. Примечания к "Истории"..., т.ІУ, прим.335.
- 46 ПСРЛ, т.ХУІ, ч.І, с.184 (ош.Ярополк); т.28, с.71; т.Х, с. 215.
- 47 Карамзин Н.М. Примечания к "Истории..." т.ІУ, прим.373; Приселков М.Д. Троицкая летопись, с. 367.
- 48 ПСРЛ, т.Х, с.217; т.27, с.239, 324.
- 49 ПСРЛ, СПб., 1851, т.У, с.225. Софийская первая летопись.
- 50 ПСРЛ, П г., 1915, т.ІУ, ч.1, вып.І, с.275. Новгородская ІУ летопись.
- 51 Родословные росписи не дают точных данных о кн. Василии Ярославиче, а летописи упоминают о нем один единственный раз (См.Кузьмин А.Г. Рязанское летописание, с. 200).

- 12 Приселков М.Д. Троицкая летопись, с. 371; Карамзин Н.М. Примечания к "Истории...", т.1У, прим. 373.
- 13 ПСРЛ, т.ХУШ, с. 97; т.Х, с. 222.
- 14 Приселков М.Д. Троицкая летопись, с. 372; Карамзин Н.М. Примечания к "Истории...", т.1У, прим. 370.
- 15 ПСРЛ, т.ХУ, с.60; т.25, с.178; т.Х, с. 223.
- 16 ПСРЛ, т.Х, с. 224.
- 17 Кузьмин А.Г. Рязанское летописание, с. 204.
- 18 См.там же, с.206.
- 19 ПСРЛ, т.ХУШ, с. 98-99; т.ХУ, с. 63.
- 20 Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV-XV вв. М., 1960, с. 532.
- 21 ПСРЛ, т.Х, с.227 (1358 г.); Карамзин Н.М. Примечания к "Истории...", т.1У, прим. 375; Сочинения..., с. 162.
- 22 ПСРЛ, т.30, с.111.
- 23 ПСРЛ, СПб., 1908, т.ХХ1, ч.1, с.3.
- 24 См. Кузьмин А.Г. Рязанское летописание, с. 208.
- 25 ПСРЛ, т.Х, с.227; Сочинения..., с. 163.
- 26 ПСРЛ, т.ХУ, с.65; т.Х, с.229; Сочинения..., с. 166.
- 27 ПСРЛ, т.ХУ, с. 67; т.ХУШ, с.100.
- 28 ПСРЛ, т.Х, с. 230; Сочинения..., с. 169.
- 29 ПСРЛ, т.ХУШ, с.104.
- 30 ПСРЛ, т.Х1, с.5-6; Сочинения..., с. 191.
- 31 Кузьмин А.Г. Рязанское летописание, с. 212 и др.
- 32 ПСРЛ, т.ХУШ, с. 104; т.30, с.144; Сочинения..., с. 191.
- 33 ПСРЛ, т.ХУ, с. 80.
- 34 Кузьмин А.Г. Рязанское летописание, с. 212.
- 35 ПСРЛ, т.ХУШ, с.112; т.ХУ, с. 99; т.ХУП, с. 38.
- 36 ПСРЛ, т.У, с. 231; т.1У, ч.1, вып.1, с.296; т.ХХШ, с.117; т.28, с. 238.
- 37 ПСРЛ, т.ХУШ, с. 112; т.ХУ, с.100; т.30, с.119.
- 38 ПСРЛ, т.Х1, с.17; Сочинения..., с.211.
- 39 ПСРЛ, т.ХУ, с.104; т.Х1, с.19; Сочинения..., с. 214.
- 40 ПСРЛ, т.ХУ, с.104; т.Х1, с. 19, 28-29.
- 41 ПСРЛ, т.У, с. 237; т.1У, ч.1, вып.1, с.308; М.-Д., 1959, т.26, с.124. Вологодско-Пермская летопись; т.27, с. 249, 331; СПб., 1911, т.ХХII, ч.1, с.414. Русский Хронограф.
- 42 Кузьмин А.Г. Рязанское летописание, с. 217.
- 43 ПСРЛ, т.ХУШ, с.128; т.25, с.200.
- 44 Карамзин Н.М. Примечания к "Истории...". СПб., 1852, т.У, прим. 48.

- 85 ПСРЛ, т. IУ, ч. I, вып. I, с. 308; т. У, с. 237-238; т. XI, с. 43; Сочинения..., с. 240 (1960 г.).
- 86 Кузьмин А.Г. Рязанское летописание, с. 219-220.
- 87 ПСРЛ, т. ХУШ, с. 133; т. ХУ, с. 146; т. XI, с. 81; Сочинения..., с. 271.
- 88 ПСРЛ, т. ХХ, ч. I, с. 205; Сочинения..., с. 279; ПСРЛ, т. ХУШ, с. 135; т. ХУ, с. 150; т. XI, с. 86.
- 89 Приселков М.Д. Троицкая летопись, с. 429; Карамзин Н.М. Примечания к "Истории...", т. У, прим. 165.
- 90 См. Кузьмин А.Г. Рязанское летописание, с. 231.
- 91 ПСРЛ, т. XI, с. 86; Сочинения..., с. 280.
- 92 Приселков М.Д. Троицкая летопись, с. 432; Карамзин Н.М. Примечания к "Истории...", т. У, прим. 137; ПСРЛ, т. XI, с. 91.
- 93 ПСРЛ, т. XI, с. 93; Сочинения..., с. 287.
- 94 ПСРЛ, т. XI, с. 95, 122, 123, 156.
- 95 ПСРЛ, т. У, с. 245; т. IУ, ч. I, вып. 2, с. 373; СПб., 1863, т. VI, с. 123. Софийская вторая летопись; т. 27, с. 250, 336.
- 96 ПСРЛ, т. XI, с. 163.
- 97 ПСРЛ, т. У, с. 247; т. IУ, ч. I, вып. 2, с. 380.
- 98 ПСРЛ, т. XI, с. 163.
- 99 ПСРЛ, т. 25, с. 227; т. 28, с. 252; т. ХVI, ч. I, с. 218.
- 100 ПСРЛ, т. XI, с. 166.
- 101 ПСРЛ, т. У, с. 250; т. VI, с. 129; т. 27, с. 262, 338; т. XI, с. 166.
- 102 ПСРЛ, т. XI, с. 167, 184, 185, 186, 187, 188.
- 103 ПСРЛ; т. IУ, ч. I, вып. 2, с. 391; т. XI, с. 169; т. ХVI, ч. I, с. 220; т. 28, с. 254.
- 104 ПСРЛ, т. XI, с. 188; т. ХУШ, с. 150; Карамзин Н.М. Примечания к "Истории...", т. У, прим. 190.
- 105 ПСРЛ, т. XI, с. 188; Карамзин Н.М. Примечания к "Истории...", т. У, прим. 190.
- 106 ПСРЛ, т. XI, с. 191.
- 107 Приселков М.Д. Троицкая летопись, с. 460; Карамзин Н.М. Примечания к "Истории...", т. У, прим. 254.
- 108 ПСРЛ, т. 25, с. 283; СПб., 1859, т. УШ, с. 77. Воскресенская летопись; т. XI, с. 193.
- 109 Приселков М.Д. Троицкая летопись, с. 464; Карамзин Н.М. Примечания к "Истории...", т. У, прим. 254.
- 110 ПСРЛ, т. ХVI, ч. I, с. 227; т. VI, с. 135 (1407 г.); т. XI, с. 197.
- 111 ПСРЛ, т. ХУШ, с. 154; т. 25, с. 236; т. VI, с. 135.
- 112 Карамзин Н.М. Примечания к "Истории...", т. У, прим. 254; Приселков М.Д. Троицкая летопись, с. 465.

- 113 ПСРЛ, т.ХІ, с.202; Карамзин Н.М. Примечания к "Истории...", т.У, прим. 190.
- 114 Приселков М.Д. Троицкая летопись, с. 467.
- 115 ПСРЛ, т.ХУШ, с.154; т.ХУІ, ч.І, с.225; т.ХІ, с.135.
- 116 Тихомиров И.А. О сборнике именуемом Тверской летописью, с.284.
- 117 ПСРЛ, т.ХІ, с.202-204.
- 118 Карамзин Н.М. Примечания к "Истории...", т.У, прим.190, 254.
- 119 Приселков М.Д. Троицкая летопись, с. 45.
- 120 ПСРЛ, М., 1955 (фототип, воспр. текста изд. 1863 г.), т. ХУ, с. 480-481. Тверской сборник.
- 121 ПСРЛ, т.ХХУ, с.213; т.ХІ, с.185; т.ХУ, с.487.
- 122 ПСРЛ, т.ХІ, с.95-96; Сочинения..., с. 305; Кузьмин А.Г. Рязанское летописание, с. 237.
- 123 Сочинения..., с. 73.
- 124 ПСРЛ, т.ХУШ, с. 86-87, 99, 110, 127, 136, 138, 139; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, М.-Л., 1959, с.338, 457; ПСРЛ, т.25, с.219, 222, 231.
- 125 "Хроника Быховца". Памятники средневековой истории Центральной и Восточной Европы, М., 1966, с.51, 74, 75; ПСРЛ, М., 1975, т.32, с.36, 46, 47, 50-52, 60, 73, 77.

**"ИЗЛОЖЕНИЕ ПАСХАЛИИ" МОСКОВСКОГО МИТРОПОЛИТА
ЗОСИМЫ**

27 ноября 1492 года "неполный" московский собор утвердил календарные таблицы на первые 20 лет начинающегося седьмого тысячелетия от сотворения мира. Одобренные московскими иерархами таблицы были посланы в Новгород и Вологду¹, участники собора развозили их по владычным кафедрам и монастырям, дабы успокоить воспаленные умы: повсюду царили эсхатологические ожидания и мало кто смел считать пасхальные циклы без санкции московского митрополита. "Пасхалия" 27 ноября 1492 года и стала новым календарно-астрономическим руководством, поощряющим дальнейшие труды русских компутистов. Но не одну задачу счисления лет преследовала эта пасхалия: она открывалась широковещательным предисловием, подписанным митрополитом Зосимой Брадатим, где впервые в официальной практике Русского государства была проведена политическая параллель: Иерусалим - Рим - Москва. Последнее обстоятельство сделало предисловие Зосимы одним из самых популярных памятников публицистики конца XV века. Между тем до сих пор нет ни одного специального источниковедческого очерка, посвященного этому сочинению.

Первое упоминание "Изложения пасхалии" было сделано Н. М. Карамзиным в "Истории государства Российского" - историограф обнаружил его в одном из позднейших списков широко распространенной календарно-астрономической компиляции, известной под именем "Миротворного круга", но неверно приписал "Изложение" новгородскому архиепископу Геннадию Гонзову. Карамзин первым опубликовал выдержку из предисловия к пасхалии 1492 г.²

П. М. Строев подготовил публикацию "Изложения пасхалии" по раннему и весьма авторитетному списку - соловецкой кормичей 1493 года (ныне ГПБ, Солов. 858), эта публикация вошла в знаменитый "Библиологический словарь"

(опубликован лишь в 1882 г.), где "Изложение", хотя и помещено среди материалов о деятельности архиепископа Геннадия, но правильно определено как труд Зосимы³.

"Изложение пасхалии" было анонимно опубликовано в "Православном собеседнике" по тому же списку соловецкой коричей и вновь, несмотря на прямое указание своего источника, называющего автором предисловия митрополита Зосиму, приписано Геннадию Гонзову⁴. При описании следованной псалтыри из Синодального собрания (ныне ГИМ, Син. 713) А.В.Горский и К.И.Невострев обнаружили и частично опубликовали еще один список "Изложения"⁵. В 1880 году А.С.Павлов в составе 6 тома Русской исторической библиотеки заново издал "Изложение пасхалии" по трем спискам: в основу положил неизвестный ранее текст троицкого сборника (ныне ГБЛ, Троицк. 46), подвел разночтения по синодальной рукописи и впервые привлеченной к исследованию волоколамской рукописи (прежний шифр - Епарх.139, ныне - ГИМ, Епарх.80)⁶.

Издания Строева и Павлова характеризует большая тщательность при передаче текстов, однако слабой стороной этих изданий является неполнота привлеченного к публикации числа списков - Строев приводит текст одного сборника, Павлов упускает опубликованный Строевым список. Отсутствие полного анализа всех разночтений, разделяющих 4 ранних и авторитетных списка, не дает основания ответить на один принципиальный вопрос: верно ли, что первоначальным чтением зосиминского труда было сравнение Москвы с Римом (и отсюда - выведение из "Изложения пасхалии" - вслед за М.А.Дьяконовым⁷ идеей будущей теории "Москвы - третьего Рима"), как считал Павлов⁸, или это чтение носит вторичный характер (известно лишь в одном из 4 ранних списков и далее в позднейшей традиции), и мы должны принимать в качестве авторского сравнение Москвы с Иерусалимом, и выводить из этого сравнения совершенно иные послышки развития политической идеологии Русского государства.

Вторая проблема, при обсуждении которой часто цитируется "Изложение пасхалии", - вопрос о еретичестве мос-

ковского митрополита, — не имеет непосредственного отношения к теме нашей статьи, ибо лишь по недоразумению исследователи ищут в официальном памятнике русской митрополии черты еретической идеологии (ср. спор 1882–84 гг. между А.С.Павловым и Д.И.Иловайским⁹ и исследования Я.С.Лурье¹⁰), а основными источниками для суждения об отношении Зосимы к новгородско-московским еретикам являются исходные материалы к "Просветителю" Иосифа Санина и рукописные сборники, принадлежавшие лично митрополиту.

Начнем нашу работу с описания четырех ранних сборников, сохранивших текст "Изложения пасхалии".

1. РГБ, Солов. 858. Это список кормчей, скопированной в 1493 г. для соловецкого игумена Досифей в новгородском Софийском доме или в одном из городских монастырей (см. запись на л.609 об. — 610 об.). Текст "Изложения" (без заголовка) помещен на л.612 об. — 614 об., после чего следует рядовая пасхалия Зосимы на 7001–7020 гг. (л.615–618 об.). Текст "Изложения" внесен в кодекс почерком, отличным от почерков всех предшествующих каллиграфов, но на той же бумаге, что использовалась для создания основного блока ("кувшинчик" — Брик 12545 — 1487 г.). Об этом списке кормчей существует довольно обширная литература¹¹.

2. ГЕЛ, Троицк. 46. Псалтырь, четвероевангелие и церковный устав-конволют, составленный из 3 рукописей конца XV — начала XVI вв. "Изложение" помещено в первой части, написанной мелким грецизированным полууставом (л.1–94 об.), где содержатся следующие статьи: псалтырь, евангелие, сокращенный месяцеслов, порядок евангельских чтений, "Правило днем, в ня же нелепо врачеватися", ряд мелких календарных заметок, "Лунное течение", "Изложение пасхалии" (л. 93 об.—94) и рядовая пасхалия Зосимы с 7004 по 7018 г. (конец текста утрачен). Бумага этой части рукописи "три горы" — Брик 1808 (1490–1501 гг.) и Лихачев 1272 (прежде 1497 г.). Обращение к рукописи, откуда извлек знак № 1272 Лихачев, подтвердило полную идентичность

бумаги — следовательно, мы имеем парную к Троицк. 46 рукопись, при создании которой использовалась бумага той же дести: это ГБЛ, Троицк. 368. Последний кодекс создавался в Троице-Сергиевом монастыре в 1497 г. писцом Феодосием Шестуном по заказу тогдашнего игумена Серапиона. В Троицк. 368 находим лишь три листа интересующей нас бумаги (л. 171=176, 172=175, 173=174). Заставки Троицк. 46 стилистически связаны с оформлением кодексов Троицк. 368 и Троицк. 369¹² (последний также переписан для Серапиона) — эти обстоятельства дают основание связывать рукопись Троицк. 46 с окружением игумена Сергиева монастыря (при анализе этой рукописи мы пользовались консультацией Б.М.Клосса).

"Изложение пасхалии" было помещено в Троицк. 46 не позже 1495/96 года, так как рядовая пасхалия начинается здесь, как отмечалось выше, с 7004 года.

Однако при изучении филиграней рукописей, написанных по указанию Серапиона (Троицк. 712, 1497 г.; Троицк. 369, 1498 г.; МДА 48, 1499 г.; Троицк. 609, 1500 г.; МДА 77, конец XV века) аналогичная бумага более не встречалась. Если принять в расчет, что пасхалия в Троицк. 46 начинается с сентябрьского 1496 г., а Серапион мог стать игуменом лишь после 22 сентября 1496 г., когда его предшественник Симон стал митрополитом¹³, то логичнее связать троцкий список "Изложения" с временем игуменства Симона. В подтверждение укажем, что на бумаге, обнаруженной нами в Троицк. 46, в первой четверти XVI века в митрополичьей канцелярии были написаны Синод. 562 и Троицк. 118¹⁴.

3. ГИМ, Епарх. 80. Волоколамский богородичник (об. верхней крышки переплета: "богородичен Иосифава монастыря", ср. л. 218 об., разными почерками XVI века). Написан на бумаге 70-80-х гг. XV века (Пиккар, "голова быка", XIII, 432-433, 1470 г.; XV, 353, 1481-1482 гг.; IX, 365, 1477-1479 гг.; XV, 351, 1482-1483 гг.; XV, 352, 1473-1475 гг.; XI, 675, 1489 г.). Уже после оформления основного блока рукописи на лл. 219-226 сб. почерком, отличным от

предыдущих, была внесена рядовая пасхалия Зосимы (с 7001 г., обрывается механически на 7018 г.) и "Изложение пасхалии", при этом использовались чистые листы рукописи (водяной знак - "Голова быка" - Пиккар, XIII, 432-433, 1470 г., эта же бумага в основной части - лл.90-91, 121-122 и др.). Заметим, что на обороте верхней доски есть еще одна приписка XVI века, свидетельствующая о том, что некоторое время рукопись находилась на кремлевском дворе Волоколамского монастыря: "На московском дворе был", следовательно, дополнительные статьи, среди которых и "Изложение", могли быть внесены в Епарх. 80 не на Волоке, а в Москве.

4. ГИМ, Синод. 713. Следованная псалтырь, написанная на бумаге 90-х гг. XV века - самого начала XVI века ("Голова быка" - близко Пиккар, XVI, 190-191, 1496-1501 гг. и 194-195, 1494, 1495 гг.; XV, 402, 1497 г.; XIII, 147, 1491-1492 гг.; близок УП, 837, 1500-1501 гг.; близок Лихачев, 1218-1219, 1483-1489 гг.; "три горы" - близок Лихачев, 1469, 1493 г.). С "Изложения пасхалии" (лл. 504 об.-507) и рядовой пасхалии Зосимы (лл. 507-511) открываются календарные статьи, завершающие рукопись, они являются ее органической частью. Псалтырь была положена в церковь Положения Риз митрополитом Дионисием (подпись по низу лл.9-48), следовательно, можно предположить о ее связи с митрополичьей канцелярией или Чудовым монастырем. В тексте восследования много канонов новым русским святым.

Не будем спешить с сопоставлением ранних списков "Изложения пасхалии", прежде порассуждаем о том, когда была составлена митрополичья пасхалия и какова должна была быть судьба ранних ее списков, с точки зрения канонической практики московской митрополии. Рядовой пасхалии Зосимы предшествует "Изложение", составленное в соответствии с формуляром соборного приговора¹⁵. Ни один из известных списков "Изложения" не указывает даты его составления. В тексте Зосима ссылается на начавшееся третье лето своего пастырского служения, он был поставлен 26 сентября 1490 года, значит, "Изложение" написано не ранее конца сентября

1492 года. Вместе с тем ясно, что "Изложение" не могло быть написано после 21 декабря 1492 г.: в этот день Геннадий Гонзов рассылал окружное послание церковным старостам своей епархии, где находим прямую ссылку на пасхалию Зосимы с пояснением: "такова уже послана по всей митрополюи русской земли"¹⁶.

Наиболее вероятной датой утверждения митрополюией пасхалии следует считать 27 ноября 1492 года: к этому времени относится созыв московского "пасхального" собора Вологодско-Пермская летопись¹⁷, и ее известие заслуживает доверия, ибо составители летописи сидели во владичном городке на Усть-Вьми, куда Зосима отправил один из первых экземпляров рядовой пасхалии, вероятно, с датированным сопроводительным посланием епископу Филофею. Столичные летописцы обошли молчанием малый собор, представлявший собой непредставительное совещание нескольких архиереев, а усть-вьмский книжник, имея на руках "Изложение" Зосимы ("и съветовався, - пишет митрополит, - с архиепископы и епископы, и архимандриты, и всего освященнаго събора русския митрополия"¹⁸) и сопроводительное послание с датой, заново сконструировал известие о специальных соборных заседаниях по поводу пасхалии.

Получается, что пасхальные выкладки Зосимы Брадатого относятся к концу сентября - 27 ноября 1492 года. Ближайший пасхальный цикл переходных праздников, к которому должна была поспеть новая пасхалия, начинался 27 января 1493 года, значит, за два месяца московский митрополит должен был разослать рядовую пасхалию и "Изложение" по епархиям, по семи адресам владычных кафедр, а там обязаны были позаботиться о скорейшем копировании и последующем распространении пасхалии, необходимой для текущей богослужебной практики. Таким образом, общее число ранних списков зосиминского труда должно было составлять несколько десятков, однако, конечно, далеко не к каждому раннему списку прилагалась вступительная часть - "Изложение пасхалии", поэтому число списков "Изложения" могло быть зна-

чительно меньше. Мало способствовала широкому распространению "Изложения" и последующая печальная судьба Зосимы Градатога, обвиненного в связях с еретиками и насильственно сведенного с кафедры в мае 1494 года.

Четыре сохранившихся ранних списка несомненно относятся к 90-м годам XV века, причем два - Троицк. 46 и Солов. 858 - датируются более точно: около 1495 г. и 1493 г. Происхождение этих списков таково: Солов. 858 возник в Новгороде, Троицк. 46 - в Сергиевом монастыре, Епарх. 80 - или в Волоколамском монастыре, и тогда оригинал этого списка вероятнее всего поступил от новгородского владыки, которому подчинялся монастырь на Волоке, или, если вспомнить о записи на обороте верхней крышки переплета, непосредственно в Москве, на кремлевском подворье монастыря. Происхождение Синод. 713 неясно, скорее всего, это список московский (позднее, как следует из записи на л. 9-48, принадлежал митрополиту Дионисию).

"Скученность" во времени наших списков мало способствовала текстовым изменениям "Изложения пасхалии": разночтения, разделяющие списки, немногочисленны, что затрудняет выяснение этапов и традиций в передаче текста "Изложения".

Для Синодального списка (далее - С) характерно большое количество индивидуальных чтений (обозначаем их по номерам разночтений, приведенных в приложении), среди них основное место занимают пропуски: союза "и" (четыре случая - 20, 25, 55, 67), местоимений "его" (60), "нам" (78), предлога "с" (75), частицы "же" (68). Пропущены слова в устойчивых словосочетаниях: "бога" в сочетании "Христа бога" (23, встречается в четырех случаях в "Изложении", в одном пропущено), "великаго" в титуле Ивана III (62, остальные три раза упоминается полностью), "перваго" в распространенной характеристике византийского императора Константина I как "православнаго перваго царя" (27). Иногда писец С путает грамматические формы: "и показа ему свыше на небеса знамение" (28, в остальных списках

правильно: "небеси"), переставляет местами слова: "землю Русскую" вместо "Русскую землю" (42-43), "последняя лета" вместо "последнее лето" (6); поскольку дано точное указание: "в тридесат пръвое лето царства его (Ивана Ш), в третие же лето паствы пресвященнаго Зосими". Простыми описками представляются разночтения 86 и 94 (союз "и", неожиданно разделивший определение "отечских" и определяемое слово "преданий", отнесение начала пасхалии вместо 7001 года к 61).

У нас нет оснований считать авторскими добавления, существующие лишь в С: "да" (90), "писати" (91), "аллочина" вместо "слоги" (85). Ни один известный ранний список и ни один позднейший, вошедший в состав Миротворных кругов, не повторяет особенностей С; вероятнее всего считать, что отмеченные нами разночтения являются индивидуальными особенностями списка С. Добавление союза "и" (2, общее с Т), отсутствие слова "Христову" в трафаретном выражении "веру Христову" (32, общее с Е), употребленное Зосимой в такой форме четыре раза и еще несколько раз - "вера, же в Христа бога", - вероятнее всего считать независимо возникшими. Писцы С и Е также самостоятельно попытались избежать тавтологии в выражении: "въложи на господа бога и на пречистую его богоматере", исправив последнее слово на: "матерь" (С) и "матере" (Е, 65).

Список Е отличается от всех прочих, помимо явных описок, несколькими индивидуальными чтениями. К опискам следует отнести неправильное написание слова "скипетр" - "скупетр" (29, 58), "смирен Зосима" вместо "смирений" (69). Как и писец С, волоколамский писец невнимательно отнесся к союзам и местоимениям: в Е три раза пропущено "и" (13, 34, 37) и один раз - "себе" (36). Следующее малозначимо, ибо сводится к особенностям орфографии писца: "тысяца" - "тысяци" (5). Еще одно разночтение представляет неправильную грамматическую форму: "спаса нашего Исуса Христос" вм. "Христа" (18). Последнее индивидуальное чтение Е - замена причастия несовершенного вида "предаваше", котор в во всех

списках согласуется со словами "учаше", "крещаше", "поведааше", причастием прошедшего времени совершенного вида "предавше" (22). Это изменение текста, вероятнее всего, носит характер вторичного исправления.

Таким образом, ни один из известных списков не может непосредственно восходить к СЕ.

Наиболее интересный для нас список Т незначительно отличается от других списков в "микроразночтениях": прочие списки говорят о русской митрополии в собирательном смысле как о "божией церкви", Т превращает этот оборот речи в обозначение реальных церквей, вводя в данном случае множественное число (19). Во фразе "о дни же и часе никто же весть" переписчик Т вводит менее свойственное древнерусскому языку двойное отрицание: "никто же не весть" (72); правильность первого чтения подтверждается не только древнерусским текстом евангелия, но и аналогичной цитатой этого фрагмента текста, воспроизведенной Геннадием Гонзовым в декабре 1492 г.¹⁹ Опушено в Т и указание на 7001-й год, поскольку писец Т работал тремя годами позже, до начала 7004 года.

Списки "Изложения", попавшие в состав Миротворных кругов, содержат ряд дополнений, носящих характер позднейших вставок. Существенно важным для установления истории текста Миротворных кругов (см. список ГЕЛ, МДА 103) является совпадение чтений списка Е (разобраны выше) со списками Миротворных кругов, которые, однако же, не повторяют нескольких индивидуальных особенностей Е (пропуски союза "и", слова "Христос", местоимения "себе"). Логичнее всего объяснить это явление тем, что список, легший в основу редакции Миротворного круга, восходил к протографу Е.

Обратимся теперь к важнейшему разночтению, разделяющему Т и все другие ранние списки. Три списка дают следующий текст (цитируем по Сол.): "И божиею волею сътвори град в имя свое и нарече и (нет в Е) град Константин, еже есть Царьград, и наречется новый Иерусалим". Список Т вносит изменение в сакральное имя Царьграда, называя его "новым

Римом", тем самым давая основание читателю, перевернувшему лист "Изложения пасхалии", сопоставить другой град Константина - Москву - не с Иерусалимом, а вновью с Римом, тогда Царьград оказывается вторым Римом, а Москва - третьим. Павлов, издавая текст "Изложения" и помня о популярной политической теории "Москвы - третьего Рима", именно чтение "Рим" считал правильным и отражающим авторский оригинал Зосимы²⁰.

Напомним, что история текста "Изложения", каковой она быдится при анализе четырех ранних списков, не дает основания считать список Т более других приближающимся к авторскому: он уступает в древности списку Соя., наравне с другими восходит к некоему общему прототипу и не позволяет считать его единственным списком, сохранившим первоначальные чтения, а все прочие списки - копиями с некоего исправленного или отредактированного оригинала вторичного происхождения.

Анализ содержания сочинения Зосимы также противоречит выводу Павлова (к которому присоединился Я.С.Лурье)²¹. "Изложение" рассматривает триаду, гарантирующую цельность и нерушимость христианской традиции, от первых апостолов - к деяниям Константина Великого - к крещению Руси Блаженным. Эта триада опирается на три имени городов, передающих друг другу сияние православной веры: город, где проповедовали апостолы (он не назван по имени) - Константиин град, который список Т приравнивает к новому Риму, а другие списки - к новому Иерусалиму, - Москва. Значение Москвы и Русского государства во всемирной истории, сакральное имя столицы московской державы и второе, священное имя Константиинграда скрыты не только в указании на новый Рим или Иерусалим (здесь мнения переписчиков и исследователей разделились), но и в описании начального звена всей цепочки, города, где утвердили веру апостолы. А.И.Плигузов обратил наше внимание на одно обстоятельство, которое ускользало от внимания исследователей: первый город, по имени которого строится вся последующая цепочка уподоблений, вполне определенно указан

в тексте "Изложения", и это не Рим, как обычно считают, а Иерусалим. Зосима начинает рассказ с того, как в этом городе "сбратася апостоли въедино и засведетльствоваше, утверкаше веру" "и по совестии святаго духа на вся апостолн. бывша тогда ту, утвердивше веру" - а Деяния апостолов (гл.2, ст.1-11) подробно описывают обстоятельства этого события, случившегося в Иерусалиме, в день Пятидесятницы, в третьем часу дня (гл.2, ст.1,15).

Таким образом, анализ текста "Изложения пасхалии" ясно свидетельствует о том, что первоначальным должно считаться чтение "новой Иерусалим", и вывод этот не противоречит данным текстологического анализа.

Появление в тексте "Изложения пасхалии" уподобления Москвы городу Риму представляется нам позднейшей, по прошествии 3-4 лет, попыткой исправить идейную направленность предисловия к пасхалии. Это исправление было продиктовано важными мотивами, за которыми угадываются споры о путях развития идеологии Русского государства, позднее приведшие к возникновению цикла Сказаний о князьях владимирских и официальной теории "Москвы - третьего Рима". Отметим, что первый сигнал таких споров обнаруживается не в памятнике официального происхождения, каким является "Изложение пасхалии", а в неофициальной переработке "Изложения" 1495 года, выполненной, если верить данным кодикологического анализа Троицк. 46, в кругу троицкого игумена, а позднее митрополита Симона Чиха.

- 1 Русская историческая библиотека, изд... Археографическая комиссия. СПб., 1880, т.VI (далее - РИБ), стр.803; ПСРЛ, М., 1959, т.26, с. 289.
- 2 Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1892, т.VI, с. 229, прим. 619.
- 3 Строев П.М. Библиологический словарь и черновики к нему материалы. СПб., 1862, с. 52-54.
- 4 Рукописная кормчая XV века (окончание). - Православный собеседник. Казань, 1860, июль, с. 334-338.
- 5 Горский А.В., Невоструев К.И. Списание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. М., 1869, отд.3, ч.1, с. 431-432.

- 6 РИБ, т.У1, сто. 795-802. В 1908 году У1 том РИБ вышел вторым изданием под редакцией В.Г.Дружинина, текст "Изложения" воспроизведен в новом издании без каких-либо изменений и пояснений. В настоящее время Н.В.Синицына готовит еще одно издание "Изложения пасхалии".
- 7 Дьяконов М.А. Власть московских государей. СПб., 1809, с.66.
- 8 РИБ, т.У1, стб. 798, прим. 7.
- 9 Павлов А.С. Вопрос о ереси жидовствующих на У1 Археологическом съезде. - Современные известия, Одесса, 1884, № 266; Иловайский Д.И. Малкие сочинения, статьи, письма 1856-1859 гг. М., 1888-1896, вып.2, с.225-238.
- 10 Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV - начала XVI века. М.-Л., 1960, с.375-381. Доказательства "хилиазма" Зосимы, приводимые Я.С.Лурье, вызывают серьезные возражения (ср. противоречащее концепции Лурье прямое указание Зосимы на непознаваемость сроков второго пришествия Христа. - РИБ, т.У1, стб. 800).
- 11 Библиографию см.: Розов Н.Н. Соловецкая библиотека. - В кн.: Архитектурные памятники Соловецких островов. М., 1980, с. 311-336. Парадоксально, что Н.Н.Розов повторил старую ошибку, приписав "Изложение пасхалии" перу Геннадия Гонзова - см.: Розов Н.Н. Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Досифей. - ТОДРЛ, М.-Л., 1962, т. XVШ, с. 300-301.
- 12 Клепиков С.А., Ухова Т.Б. Каталог миниатюр, орнамента и гравюр собраний Троице-Сергиевой лавры и Московской духовной академии. - Записки отдела рукописей ГБЛ. М., 1960, вып. 22, с. 81-82.
- 13 ПСРЛ, М.-Л., 1963, т.28, с. 327.
- 14 Та же бумага обнаружена Н.П.Лихачевым в Скитском патерике ГИМ, Воскресенское 120 бум. (Лихачев 1338). Кодекс Воскр. 120 был написан в Троицком монастыре по заказу кирилловского игумена Макария (л.251 - запись, датированная рукописью 1501 годом, сделана тем же почерком, что и записи на рукописях, написанных по заказу игумена Серапиона).
Основная часть митрополичьего формулярика, датированная, вероятно, 1504-1507 гг., включает бумагу с филигранью Лихачев 1272 (л.267-274). О формулярике ГИМ, Синод. 562 см.: Черепнин Д.В. Русские феодальные архивы XV-XV веков. М., 1951, ч.2, с. 20-21; Кюсс Б.И. Чиконовский свод и русские детописи XVI-XVII веков. М., 1980, с. 71. Один из писцов Толкового апостола ГБЛ, Троицк. 118 принимал участие в написании дополнительной части Синод. 562 (л.439 об., 14 св. - 447), датированной иптем 1528 - августом 1530 г.

- 15 Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIУ - начала XVI веков. М.-Л., 1955, с.362-366.
- 16 РИБ, т.УІ, стб. 803.
- 17 ПСРЛ, т.26, с. 288.
- 18 РИБ, т.УІ, стб. 800.
- 19 Там же, стб. 606.
- 20 Там же, стб. 798, прим. 7.
- 21 Лурье Я.С. Идеологическая борьба, с. 377.

ИЗЛОЖЕНИЕ ПАСХАЛИИ МИТРОПОЛИТА ЗОСИМЫ
(1 сентября - 27 ноября 1492 года)*

Основной список: ГПБ, Сол.858, л.612-614 об. ... Сол.

Разночтения: ГБЛ, Тр.46, л.93 об.-94 ..... Т;

ГИМ, Син.713, л.504 об.-507 ..... С;

ГИМ, Епарх.80, л.219-221 об. .... Е;

ЦГАДА, ф.381, № 387, л.189-191 .... А.

Текст публикуется в соответствии с "Правилами издания исторических документов в СССР" (М., 1969).

л.612
об. ¹Всесвятых² живоначалныхъ единосущныхъ и неразделимыхъ троица, отца и сына и святого духа, всемилостиваго и преблагаго и человеколюбиваго бога милосердием и поспешеством, седмицесущныхъ летъ края достигохом, и³ пасхалии⁴ седмья тысящ⁵ последнее лето⁶ скончаша при дръжаве благовернаго и христоролюбиваго великаго князя Ивана Васильевича, государя и самодръжца всея Руси, в тридесятпрвое⁷ лето⁸ царства его, в третие же лето паствы пресвященнаго Зосимы, митрополита^а всея Руси⁹.

а а тем же почерком и чернилами написано поверхъ б.

1 Изложение пасхалии на осмуу тысящу лет повелением государя великаго князя Иоанна Васильевича всея Руси преосвященнымъ Зосимом, митрополитомъ всея Руси. В^а ней же чаем всемирнаго пришествиа Христова. Т, Начало пасхалии толковой. Господи, благослови отче. А; 2 доб. и ТС; 3 нет А; 4 пасхалиа С; 5 тысяща ТС, тьсуци Е, тысяща А; 6 последняя лета С; 7 31-е А; 8-9 написано тем же почерком и чернилами на нижнем поле в С.

✱ В момент, когда статья находилась уже в печати, нами был обнаружен неизвестный ранее список "Изложения пасхалии" Зосимы в сборнике ЦГАДА, ф.381, № 387, 90-х гг. XV в. Насколько можно судить по записям на л.102, в 40-е гг. XVI в. рукопись находилась в Новгороде. "Изложение" написано на л.189-191 (далее на л.191 об.-196 следует рядовой пасхалия Зосимы на 20 лет) первой из трех вставных тетрадей (1 - л.189-196, II и III - л.217-232). Филигрань - "единогор" (идентичного знака найти в альбомах не удалось, наиболее близки (Брикe 10395, 10387) относятся к кон. 90-х гг. XV в. - 10-м гг. XVI в. Нам удалось учесть разночтения лишь в тексте публикации, однако они в основном носят вторичный характер и не могут существенно повлиять на наши выводы.

И¹⁰ яко же бысть в первая лета, тако и в последняя. Якоже господь нашъ в Евангелии рече: "И¹¹ будут пръвии последи, и последи пръвии. И¹² якоже бысть в лето пръвое по вознесении господа бога и¹³ спаса нашего Исуса¹⁴ Христа¹⁵ на небеса, стбращася апостоли въедино и засведетелствоваше, утвержаше веру, яже в Христа бога. И по смествии святаго духа на вся апостола, бывшая тогда ту, утвердивше¹⁶ веру, яже в Христа бога, и залечатлевше¹⁶ святым духом¹⁷, предаша божи¹⁸ церкви¹⁹ и²⁰ всем православным, верующим в Христа бога. И разсеяшася по всеи вселенней и²¹ в вся языки, проповедающе веру, яже в Христа бога, учаше и предаваше²² божественая // писания на утверждение¹⁶ православная веры, яже в Христа бога²³, и крещаше в²⁴ имя отца и сына и святаго духа вся языки, и прославися божественая вера Христова по всеи вселенней.

И²⁵ бысть, по прехождении²⁶ лет, прослави бог православнаго перваго²⁷ царя Костянтина и показа ему свыше на небеса²⁸ знамение честнаго креста - одоление и победу на врагы, якоже и бысть. Он же прият скипетр²⁹ - непобедимо оружие - православную^Г веру Христову и побежая вся врагы, и покори³⁰ под ноze свои³¹ вся съпостаты. И веру православную Христову утверди по апостолскимъ преданием и еретичествующих на православную веру Христову³² отгна, яко волки, и наречен бысть равен апостолом. И божием^Д волею сътвори град в³³ имя свое и нарече и³⁴ град Константин, еже есть Царьград и наречеса новыи Иерусалим³⁵. И болма простресе православная^Е вера Христова по всей земли.

По сих же летех избра себе³⁶ господь бог от идолопоклонникъ съсуд чист - благовернаго и³⁷ христолюбиваго великаго б исправлено по ТСЕА, в Сол. утрьдивше; в в исправлено из той же рукой и чернилами; г первая а написана поверх о той же рукой; д ъ написана по подтертому; е исправлено по ТСЕА. в Сол. православная.

10 нет А; 11 нет А; 12 нет А; 13 нет Е; 14 Исус А; 15 Христос Е; 16 залечатлевша А; 17 доб. и А; 18 божимъ Т, божием А; 19 церквам Т; 20 нет С; 21 нет СЕА; 22 предаваше Е, предаше А; 23 нет С; 24 во А; 25 нет С; 26 прихождении А; 27 нет С; 28 небеса С; 29 скупетр Е; 30 доб. бог А; 31 его А; 32 нет СЕА; 33 во А; 34 нет ЕА; 35 Рим Т; 36 нет Е; 37 нет Е.

князя Владимира Киевскаго и всея Руси, иже испытав о верах
и приим от Константина града яко цит непобедим в сердци си
1.613 православную веру Христову и крестися // снлтм крещенем
об. и³³ имл отца и сына и⁴⁰ снлтого духа. Идоли же съкруши и
неверныя в веру приведе⁴¹, и просвети все⁴² Русскую землю⁴³
снлтм крещенем и прием от бога оружия непобедим. ⁴⁴ одоле-
ним⁴⁵ на врагы, и⁴⁶ покори⁴⁷ под нозе свои всея⁴⁸ снлстаты.
И⁴⁹ утверди православную веру, яже в Христа бога, и порече
бысть вторым Константином.

И⁵⁰ ишло же, в последний шл лето, якоже⁵¹ и⁵² в перь-
вал, прослави бог сродники его⁵³, иже в православии просла-
вившаго⁵⁴ благовернаго и христоролюбиваго великаго князя Ивана
Басильевича, государя и самодержца⁵⁵ всея Руси⁵⁶, и новаго царя
Константина, новому граду Константину - Москве и всеи Русской
земли, и⁵⁷ иным многим землям государя. Якоже⁵⁸ господь рече:
"Прославляющих мя прославлю". И прославил ия его и слава⁵⁹
по всеи вселенней, и предасть ему господь бог скипетр⁶⁰ - не-
победимо оружие на вся врагы - и неверныя покори под нозе
его, и вся снлстаты предасть ему господь бог в руке его. И
веру православную, яже и Христа бога, утверди, еретичествую-
щих же⁶¹ на православную веру Христову отгна, яко волки.

По съвету же его⁶² и по повелению, государя всея⁶³ Руси,
1.614 благо//вернаго и христоролюбиваго великаго⁶⁴ князя Ивана Баси-
льевича⁶⁵, пресвященныи Зосима⁶⁶, митрополит всея Руси, упо-
вание имея възложи на господя бога и на пречистую его богوما-

ж союз и написан дважды, испр. по ТСЕЛ; з яко внесено позже той же рукой; и и исправлено из н той же рукой и чернилами.
38 крестився А; 39 по А; 40 доб. и С; 41 утверди А; 42-43 землю Русскую С; 44 непобедимое и А; 45 одоление ТСЕЛ, в А доб. и победу; 46 исправлено из поколи Е; 47 доб. врагы и А; 48 нет А; 49 нет А; 50 нет С; 51 исправлено из своего С; 52 восиявшаго А; 53-54 нет А; 55 нет С; 56 доб. и ТЕ, дважды и С; 57 доб. его А; 58 скупетр Е; 59 иже С; 60 нет С; 61 вся А; 62 нет С; 63 доб. и А; 64 в Е на нижнем поле (л. 220об.-221) к этому месту сделано примечание другим почерком XVI в.: Сии Зосима не священник митрополит, но северник и т. п., тогда тайно имея в себе ересь, Алексеем протопопом научен, по иже его яко волка обнажиша и с престола извергыше,

твое и честнаго вѣ Успенскѣ ⁶⁵, иже есть свѣдѣніи оубо бже-
сннхъ оубо града Божіа, и молитвами святыхъ отецъ оубо
оубо, яже второе в Никейи спешдихся на поутроболеніе Божько-
вѣ и мѣорець и иже в святыхъ отецъ наикъ иже наикъ Удоту-
дѣ и иже митрополитъ всея Руси Петра к ⁶⁶ Божіа и прог-
дѣніи оубо Божіа. По преданіи оубо святыхъ отецъ, иже в Ни-
кеи оубо оубо, иже имъ предади и заветованое, святымъ дру-
жкомъ, старей ⁶⁷ Божіа, митрополиту всея Руси, иудейскимъ по-
тѣмъ Божіа пасхалии на оубо тысячу лет ⁶⁸, а на иже
иже на иже прѣстѣна Христова. О дни же и часѣ шесто-
го ⁶⁹ вѣстѣ, иже и Божіа свѣдѣніи оубо: "Ты
мѣтѣ, иже суть на небесехъ ⁷⁰, тоио отецъ".

И съветовася ⁷¹ с ⁷² архиепископы и епископы и архидиак-
оны и всего освященнаго собора Рускыи мѣстоу и прѣдѣ
Божіа иже на утѣхѣ оубо и всемъ православнымъ //
крестованъ ⁷³, вѣдѣни суть ⁷⁴ свѣснене. О дѣтѣ же к о времени
иже иже оубо, но подобаетъ на ⁷⁵ чолити господѣ Божѣ
всѣдѣржати о утѣхѣи всего мѣра, и о Божіа свѣдѣніи, святыхъ
Божіа иже, и о пособленіи и ⁷⁶ укрѣпленіи Божіа
и крестованнаго ⁷⁷ великаго князя Ивана Васильевича всея Ру-
си самодержца ⁷⁸, и о утѣхѣи оубо и о спасеніи, и дабы го-
сподѣ Божѣ даи оубо одоленіе и побѣду на врагѣ, и покорѣи оубо
господѣ ⁷⁹ под ноге его вся врагѣ и ⁸⁰.

И аще где обрѣдѣтѣ иже оубо ⁸¹, иже оубо ⁸²
преданіи, и не по благословеніи нашего свѣдѣніа и всего
освященнаго собора, сии несъгласни и развратни, да отвѣра-
тѣся ⁸³, не приемятѣся, и от оубо свѣдѣніа и ⁸⁴
иже оубо стѣчатѣся такова мудрѣстѣ оубо. И оубо иже
оубо ⁸⁵ пасхалии на оубо тысячу лет ⁸⁶ в ⁸⁷ лето 7001-е ⁸⁸.

и ⁸⁹ на 7001-е ⁹⁰ соб. а.

65 мѣтѣ С, мѣтѣ Е, богомѣтѣ А; 66 Успенскѣ А; 67 нет С;
68 нет С; 69 смирен Е; 70 тысячу Т; 71 нет А; 72 доб. на Т;
73 доб. на А; 74 советася А; 75 нет С; 76 крестованіи А; 77
пути А; 78 нет С; 79 доб. о А; 80-81 крестованнаго и благо-
вернаго А; 82 всадержца государя А; 83 нет А; 84 доб. бог А;
85 сложенна С; 86 доб. и С; 87 нет А; 88 нет А; 89 нет А;
90 доб. да С; 91 доб. писати С; 92-94 нет Т; 93 нет А; 94
61-е С.

ВАСИЛИЙ ТУЧКОВ - СОВЕСЕДНИК МАКСИМА ГРЕКА*

Близкое "книжное" знакомство Максима Грека с молодым, но "весьма разумным" Василием Михайловичем Тучковым стало известно исследователям в 1836 году благодаря публикации судного дела Берсенья Беклемишева. В показании от 20 февраля 1525 г. одного из свидетелей по делу опального Берсенья - максимова келейника Афанасия - Тучков упоминался среди тех, кто "говаривал с Максимом книгами"¹. Еще раньше, в 1830 году, П.М.Строев обнаружил в Костромском Богоявленском монастыре рукопись с переводами Максима из греческого Лексикона Свиды, сопровождаемыми посланиями переводчика "князю-государю Василию Михайловичу", под чьим именем нетрудно было угадать Василия Тучкова - описание костромского сборника и скопированный текст двух посланий вошли в "Библиологический словарь", опубликованный в 1882 г.² А.Х.Востоков, описывая кодекс румянцевского собрания № 264, также обратил внимание на переводы Максима из Лексикона Свиды, к которым были присоединены послания "князю-государю Василию Михайловичу" и некоему корреспонденту, обозначенному как "имя рек" (1842)³. Первое послание было опубликовано по румянцевской рукописи Г.Геннади в 1858 г.⁴, второе - самим Востоковым в томе описания 1842 г. Этими наблюдениями, да указанием Строева на воскресенский список переведенных Максимом Бесед Златоуста, заказанный В.М.Тучковым Богдану Якимову в 1544/45 г.⁵, исчерпывались сведения о связях ученого грека с любознательным сыном окольного Михаила Васильевича Тучкова.

Впрочем, первое время ученые историки не соглашались видеть в корреспонденте, которому были адресованы послания Максима и переводы из Свиды, Василия Тучкова, ибо он никогда не носил княжеского титула, Максим же величает своего знаком-

* При обсуждении предварительного варианта этой статьи значительную помощь оказали автору замечания А.А.Турилова, Б.Л.Фонкича и А.Л.Хорошкевич.

ца "князем-государем". На этом основании С.А.Белокуров (1898) и Е.Е.Голубинский (1900) связывали переводы и послания Максима с князем Василием Михайловичем Верейским, женатым на племяннице Софьи Палеолог - Марии⁶. Лишь В.С.Иконников (1915) установил, что такое предположение невозможно, так как В.М.Верейский в 1483 году, задолго до появления Максима на Руси (1518 год), бежал в Литву, - следовательно, наиболее вероятным адресатом Максима мог быть единственный известный нам в окружении ученого афонца Василий Михайлович - Тучков⁷.

Гипотеза Иконникова не сразу вошла в научный оборот - не поддержал ее В.Ф.Ржига (1935-1936)⁸, и лишь к 60-м годам текущего столетия установилось общее убеждение исследователей, согласно которому корреспондентом послания Максима о Лексиконе (а, значит, и серии переводов из Свиды) и грамоты о типографском знаке Альда Мануция являлся Василий Тучков. Теперь предстояло определить объемы и последовательности переводов, сделанных Максимом из Лексикона для Тучкова, датировать эти переводы и прочесть их сквозь призму отношений Василия и Максима.

Счастливая находка Н.Н.Покровским (1971) наиболее полного Сибирского списка судного дела Максима Грека 1525-1531 гг.⁹ дала новый толчок изучению книжного знакомства Максима с младшим Тучковым. Сибирский список сохранил подробности судебного заседания, на котором Василий Тучков свидетельствовал против своего бывшего наставника. Новые материалы подробно разобрал С.О.Шмидт (1971) - он отнес выступление В.М.Тучкова к первому судебному разбирательству по делу "приезжего грека" - к 1525 году, тем самым установив хронологические пределы доверительного общения грека с "разумным" москвитом¹⁰.

Наблюдения В.С.Иконникова, соединенные с заметками С.О.Шмидта, создали неплохую базу для исследования всего комплекса переводов, адресованных Тучкову. Определенный шаг в этом направлении сделала Н.В.Синицына (1977) - она обнаружила подборку черновых материалов Максима в рукописи Рум. 264 и при помощи Л.С.Ковтун и Б.Л.Тонкича идентифицировала

77 из 96 страниц и 11 иллюстраций статьи Лексикона Свиди¹².
Археологические сведения о переводах Максима из Свиди
обобщил А.Д.Кавалов (1978)¹³.

Работы А.Д.Кавалова и Н.В.Савиной, при всех их достоинствах, не дали принципиально нового результата в анализе наиболеех переводов, сделанных для Тучкова. Разбор черновых набросков Гум.264 был существенно неполон, не было установлено, в каких отношениях находятся черновые выписки с вариантами зафиксированных переводов, мало прояснен вопрос о выписке из переписки статьи из Свиди, опубликованная в 3-м томе Лексикона Гум.¹⁴ Значение этой, казалось бы, важной для понимания той обстановки, в которой осуществлялись, адресованная Тучкову, явно должна относиться к периоду между деятельностью ученого в Сиди (до апреля 1924 г.), но вряд ли возможна дружба, способная выдержать критический анализ на долю отношений Максима с Тучковым. Следовательно, анализ рукописной традиции переводов следует дать без подбора более или менее точных датированных статей, при этом подборка в своей совокупности должна воспроизводить авторские тексты, составленные самим Максимом. В соответствии с этим анализ черновых выписок из Свиди и многочисленных рукописных и опубликованных вариантов в совокупности Максимом вымеченный путь представляется одним из самых плодотворных методов реконструкции первоначального творческого процесса ученого в Сиди (1918-1926 гг.). Именно так эту работу мы считаем лишь профессионально-тождественной, а первой шаг в этом направлении был сделан Д.М.Будзиным (1976, 1977, 1981)¹⁵.

Д.М.Будзин обратил внимание на то, что традиционное обращение Максима к Тучкову является формой "хитиз-госудца" (вздание о Лексикона Свиди, послание о знаке Лальд Минудия), это же обращение сохранилось в статье особой (так называемой 2-й) подборки переводов Свиди - следовательно, и эта подборка была адресована Тучкову. Исследователь также рассмотрел и опубликовал три послания Максима Тучкову, проявив, впрочем, недостаточность в атрибуции: два первых послания на основании выводов В.С.Иконникова вполне вероятно отнести к переписке с Тучковым, а как раз в них содержится обращение

"князь-государь", но третье - "благодарственное" послание - адресовано "благороднейшему князю Василию Михайловичу" (другие обращения: "пресвятое благородие", "твое благородие"). Это послание Д.М.Буланин справедливо связывает с перепиской Максима и Тучкова, но почему-то "Послание к начальствующим правоверно", содержащее обращение "добрейший Василии", и точно также, как и третье послание, не упоминающее о "князе-государе", изымается Д.М.Буланиным из переписки Максима с Тучковым.¹⁵ Обратим внимание на то, что "Послание к начальствующим правоверно" имеет общую топику с переводами, адресованными Тучкову, и сохранилось в той же рукописи, что и переводы из Свида, направленные Тучкову (ЦГИА, ф. 834, оп.4, № 1622), так что у нас слишком мало оснований отказываться от атрибуции В.С.Иконникова, зато открывается возможность видеть в постепенном изменении *inscriptio* посланий Максима отражение изменяющихся отношений ученого грека к Василию Тучкову.

Д.М.Буланин показал, что значительная часть переводов из Лексикона Свида сохранилась в устойчивых подборках. Состав списков с переводами Свида неоднороден, лишь их скрупулезное сопоставление может прояснить вопрос о первоначальной приклизации статей. Исследователь кладет в основу реконструкции 7 просмотренных им кодексов и один, известный ему лишь по описанию П.М.Строева (упомянутый выше сборник Боговиленского монастыря - далее: В)¹⁶. Наиболее авторитетный сборник - ГИМ, Рум.264 (далее: Р) составлялся в 1551-1555 гг. в Троице-Сергиевом монастыре под личным наблюдением ученого грека и правлен его рукой¹⁷. Сборник ГИБ, Ф. ХУП, 13 (П₁) представляет собой фрагмент значительно большей рукописи (сохранилось 117 л., утрачено не менее 472) неизвестного происхождения, 20-х гг. ХУП в.¹⁸ Рукопись ГИБ, ф. I. 219 (П₂) - конвольт, в древнейшей части относящийся к середине ХУ в. Сборник сочинений Максима 1660 г., созданный в Соловецком монастыре Прохором Шошиным (ГИБ, Солов. 495/514, далее: С). Оригинал поморского (по определению А.Т.Шашкова¹⁹) собрания сочинений Максима, правлений выгорецким князьем Анджием Денисовым, первой четверти ХУШ в. (ГИМ, Овчинников 131, далее: О). Сбор-

ник первой четверти ХУП в. - ЦГИА, ф.834, оп.4, № 1622 (А). Кодекс первой четверти ХУШ в., составленный Симеоном Моховиковым (ГБЛ, Ундольский 338, далее: У).

Переводы статей Свиды об Оригене, Иове, Аврааме и Мелхиседеке, упомянутые в сопроводительном послании Тучкову (кстати, в ином порядке: Ориген, Авраам, Иов и Мелхиседек) сохранились в кодексах РП₂БСО, причем в РО и Б вслед за этими статьями идет резюмирующая фраза: "Сиа вся преведошяся от премудрыя книги греческыя, глаголемыя Суида". В Р сопроводительное послание Тучкову помещено автором после подборки переводов, послесловия ("Сиа вся...") и статьи о манне, в Б - перед подборкой; иные списки послания Тучкову не сохранили.

Д.М.Буланин вслед за своими предшественниками совершенно справедливо определил в описанной подборке самостоятельный комплекс статей и назвал его I комплексом переводов. Сопоставление рукописей позволило исследователю предположить, что 9 других статей - "Сей день", "Первое апостоли", о Сатане, о Серухе, "Вдела-грех", "Мерзость заустения", "Что есть покоище?", "Душевен человек", "Вошь Содома и Гоморры" - также составляли особый цикл, отразившийся в П₁БС (в последней рукописи нет статьи "Вдела-грех"), ОАУ (нет статьи "Вошь Содома и Гоморры"), П₂ (нет статей "Вдела-грех", "Мерзость заустения", "Что есть покоище?", "Душевен человек", "Вошь Содома и Гоморры"). Цикл этот (Д.М.Буланин называет его 2 комплексом переводов), как заметил Д.М.Буланин, используя наблюдения С.А.Белокурова и В.С.Иконникова, также был отправлен В.М.Тучкову, ибо статья "Что есть покоище?" прочно соединенная с другими восемью статьями цикла, содержит традиционное для переписки Максима с Тучковым *inscriptio*: "князь-государь" (список П₁; списки СОАУ дают формулярное чтение: "имя рек государь"; в П₂ этот текст утрачен). Различия, разделяющие 7 известных Д.М.Буланину списков 2 комплекса, а также сведения о списке Б, почерпнутые из "Библиологического словаря" П.М.Строева, привели исследователя к мысли, что движение текста 2 комплексы осуществлялось поэтапно: П₁П₂ → Б → СО → АУ²⁰.

Стройную картину несколько нарушают дополнительные, "осложняющие" (по выражению Д.М.Буланина) статьи из Свиды, находящие место между 1 и 2 комплексами переводов в списках P_2BCO и перед 2 комплексом в P_1 (где 1 комплекс вовсе отсутствует). Это "дополнительные" статьи о Велисарии (P_1P_2BCO), Давиде (P_1P_2), о Прометее (P_2), "Апостольское житительство" (P_1), о рахманах и Крем (CO). Д.М.Буланину удалось обнаружить некоторые закономерности в распределении этих дополнительных статей; он предположил, что и немногочисленные переводы, "связывающие" 1 и 2 комплекс, также принадлежат к устойчивому циклу, и предпринял интересную попытку реконструировать первоначальный вид этого цикла переводов. Исследователь обратил внимание на то, что: а) переписчик 1660 г. Прохор Шошин предпослал статьям, следующим за 1 комплексом переводов (рахманы, Крем, Велисарий) заголовок: "Повести различны преведошася..." (список С), и значит, Прохор имел в виду не первую статью о рахманах, а цикл статей: рахманы, Крем, Велисарий; б) в списке Б, недоступном Д.М.Буланину, но описанном П.М.Строевым, послеловие к 1 циклу переводов было помещено "в качестве заглавия к статье о рахманах"²¹, что также дает основание предполагать в комплексе рахманы-Крем-Велисарий особый цикл; в) статьи сборника P_1 : Велисарий-"Апостольское житительство" - Давид, примыкающие ко 2 комплексу, "не нарушают его цельности"²² и значит, как я понимаю, не принадлежат 2 комплексу, но и не могут претендовать на самостоятельную циклизацию; г) цикл рахманы-Крем-Велисарий не должен рассматриваться как часть 2 комплекса, ибо его темы не связаны с экзегетическими статьями 2 комплекса, переведенными для Тучкова²³.

Приведенные соображения вполне логичны, но не исчерпывают всех возможностей по анализу "дополнительных" статей и нуждаются в уточнении аргументации: а) заголовок Прохора Шошина (С) нейтрализуется заголовком ближайшего, восходящего к тому же протографу, что и С, списка О: "Повесть преведеса от книги..." - а заголовок О не дает оснований предполагать наличие особого цикла рахманы-Крем-Велисарий, в нем речь идет лишь о первой из "дополнительных" статей; кстати, и заголовок С не дает оснований включать в цикл статью о

Велисарии: множественное число: "Повести..." вполне может соответствовать и двум статьям: рахманы-Крем; б) в списке Б, согласно списку Н.М.Строева, статьи о рахманах вовсе отсутствовали, ее существование Д.М.Буланин восстановил гипотетически, но в данном случае он опирается на собственное построение как на реальность; послесловие же I комплекса предшествовало, если верить Н.М.Строеву, не статьям рахманы-Крем-Велисарий, а одной статье о Велисарии; в) дополнительные статьи списка II, могут принадлежать ко 2 комплексу и не нарушать его цельности, ибо эти статьи не вторгаются в установленный ряд переводов, а открывают его; г) статья о Давиде вполне эзегетическая (благочестивый Давид создал алтарь) и соотносится как с темой 2 подборки, где, в противовес Давиду, "поизоватный" и нечестивый Антиох разрушил Иерусалим и поставил алтарь Зевсу, так и со статьей о Велисарии, ведь оба - Давид и Велисарий - были благородными воинами и отянулись к делу войны по-христиански.

Разбор аргументов Д.М.Буланина склоняет к противоположным выводам: первоначально цикл рахманы-Крем-Велисарий не существовал, а возник в позднейшей рукописной традиции на основании статей рахманы-Крем и статьи о Велисарии, оторвавшейся от цикла Велисарий-Давид (цикл сохранился в П₁П₂, то есть в списках, от которых, как показал Д.М.Буланин, зависят С0, где рахманы и Крем объединены со статьей о Велисарии). Гипотеза Д.М.Буланина в определенной степени опирается на предложенную им реконструкцию состава кодекса Б, где, как думает исследователь, "просвет" между I и 2 комплексами был заполнен статьями: рахманы-Крем-Велисарий, тогда как Н.М.Строев указывает лишь одну последнюю статью. Эта реконструкция вполне соответствует всем построениям Д.М.Буланина, однако ей противоречит проведенный выше разбор аргументов исследователя.

Кодекс Б, известный нам по "Библиологическому словарю", мог бы разрешить наши сомнения и стать необходимым контрольным списком. А.И.Иванов предполагал, что сборник Б хранится в Костромской областной библиотеке им. П.К.Крупской²⁴. Д.М.Буланин, не обнаружив рукописи в Костроме, высказал предполо-

жение, что кодекс был вывезен из монастыря П.М.Строевым и впоследствии погиб²⁵. К счастью, в самое недавнее время А.А.Турилову удалось обнаружить новую рукопись с переводами из Свиды, которая при проверке оказалась тем самым сборником, что в 1830 году П.М.Строев описал в Костромском Богоявленском монастыре. Оказывается, в 1915 году кодекс Б поступил в Исторический музей (инв. № 49510), его нынешний шифр - ГИМ, Музейское 1948.

Сборник В переписан на 315 л., в 4^о, одним полууставным почерком, шит из 40 тетрадей по 8 л. (в 1 тетради нет л.1, в 40-й нет л.6-8; перепутаны тетради 38-39, их нынешний порядок: 39-38), на бумаге 30-х гг. ХVII в. (знак "кувшин - 1" - тетради 1-13, 16-17; "рожок" - тетради 14-15, 18-22, 24, 26-27, частично 28; "кувшин - 2" - тетради 23, 25, частично 28)²⁶. Состав сборника: "Повесть о Варлааме и Иоасафе" (л.1-257 об., список не учтен в новейшей книге И.Н.Лебедевой²⁷), 2 патериковых статьи, записанных около 1526 г. со слов старца Павловой пустыни Антония Галичанина, возможно, старцами Волоколамского монастыря (л.258-265 об., 5 волоколамских списков этого сочинения названы Р.П.Дмитриевой²⁸), предисловие к пасхалии Геннадия Гонзова (л.266-277; списки довольно редки, близкий текст опубликован А.С.Павловым²⁹), переводы Максима из Лексикона Свиды и два послания В.М.Тучкову (л.277 об.-306 об.), "О телеси человеци и о души притчею сведено" (л.307-310, 295-302 об., 311-315).

Комплекс статей, связанных с Максимом Греком, сохранился в Б в следующем порядке: сопроводительное послание Максима В.М.Тучкову (л.277 об.), статьи об Оригене (л.277 об.-284), Иове (л.284-284 об.), Аврааме (л.284 об.-287), Мелхиседеке (л.287-288 об.), послесловие: "Сиа вся преведошася..." (л.288 об.), далее нет статей о рахманах и Креме, существование которых предположил Д.М.Буланин, а следуют две статьи "дополнительного" комплекса: о Велисарии (л.288 об. - 289 об.) и Давиде (л.289 об.-291 об. - не отмечена в описании П.М.Строева). Затем идут переводы 2 комплекса: "Сей день" (л.291 об.), "Первое апостоли" (л.291-292 об.), о Сатане (л.292 об.-293 об.), о Серухе (л.293 об.-294), "Вдела-грех"

(л.294^в об., далее перебиты листы: л.303), "Мерзость запустения" (л.303-303 об.), "Что есть покоище?" (л.303 об.-304), "Душевен человек" (л.304-305), "Воиль Содома и Гоморры" (л.305 - четыре последних статьи пропущены П.М.Стровым и удачно реконструированы в книге Д.М.Буланина). Замыкает подборку послание Максима В.М.Тучкову о типографском знаке Альда Мануция (л.305-306 об.).

Текст максимовых переводов в списке Б сохранил следы дефектного протографа, где отсутствовали или были повреждены листы. В I комплексе пропущены слова "прегрдно повествуют ~ венечника Иова", "всех сущих ~ себе одеснув" (с. 139-140 книги Д.М.Буланина; далее ссылки на эту книгу даются прямо в тексте; пропущенные фрагменты указываются по началу и концу, прочий текст обозначен тильдой), "божиа тайнный", "сьей почесть ~ ни сии бози суть. Такожде" (с. 141)..

В разночтениях текста I комплекса Б находится в группе P_2CO , противостоит чтениям Р (с.136, прим.4; с.137, прим. д,7,II,12 и др.). Послесловие к переводам (с.143, прим.22-23) в Б имеется, как и в О, и в Р (нет в P_2C). В двух случаях ("на небо" - с.139, прим. 48-49; "Сказание о патриархе Аврааме" - с.140, прим.74-75) Б совпадает с чтениями С; вполне возможно, что Прохор Шошин держал в руках не P_1 (как думал Д.М.Буланин), а именно Б.

Во второй подборке переводов Б в основном следует P_1 , но там, где переписчик P_1 дает испорченный текст, Б его чтений не повторяет, а следует всем другим спискам (с.144, прим.27 - за P_2CO ; с.144, прим. 38 - за P_2C ; с.144, прим. 54 - за P_2COAY). В I и 2 комплексах Б дает серию индивидуальных чтений, которые ни в одном списке не отразились: с.136, 26 св. "Оригин" вместо "Ориген", нет "и"; 28 св. "Аммону" вм. "Амьмониу"; 31 св. "муж" вм. "мужи"; 33 св. "держа" вм. "держаше"; с.137, 8 св. "чтением" вм. "стечением" (явная порча), 9,II св. "ся же" вм. "иже"; с.144, 33 св. "позвати" вм. "познавати" (порча); с.145, 4 св. "долготу" вм. "Лоту" (порча) и т.д.

Передача текста "дополнительных" статей Б (Велисарий-Давид) сближает новонайденный кодекс с P_2 (с.148, прим.14-16,

23), P_1P_2 (с.148, прим.26), P_1P_2O (с.148, прим.25). В одном случае Б ближе к P_2 (с.149, прим.2), но здесь переписчик P_1 предлагает нам явно испорченный текст, каким не мог быть протограф P_1 , зато во всех принципиальных разночтениях Б следует P_1 (с.149, прим.12: "обидену"). Серию индивидуальных чтений Б в "дополнительных" статьях не повторяет ни один список: с.148, 19 св. "раженин" вм. "сраженин"; с.148, 20 св. "почесть" вм. "Почести"; с.149, II св. "лвовы" вм. "лвов", 15 св. "единому" вм. "едину", "гонящу" вм. "гонящи", 27 св. "с тобош" вм. "и тобош", "отьсти" вм. "отмстит", 28 св. "преспеваше" вм. "преспеише", 31 св. "бочек" вм. "бок".

Список Б, как следует из анализа его состава и мелких разночтений, не занимает промежуточного положения между P_1P_2 и CO (как предполагал Д.М.Буланин), а близок списку P_1 и предшествует P_2 . Понятно, что реконструкция цикла, просвечивающего сквозь неустойчивый состав "дополнительных" статей, должна вестись не от поздних рукописей CO, имеющих общий протограф, зависящий от протографа P_1P_2 , но должна исходить из особенностей сборников, сохранивших стадиально более ранний этап жизни текста - P_1P_2 . Во всех этих трех кодексах общим ядром "дополнительных" статей являются два перевода - о Велисарии и о Давиде, причем в наиболее авторитетных сборниках P_1B (хотя и помладше возрастом, чем P_2) эти статьи переписаны в одинаковой последовательности: Велисарий-Давид, и прямо предшествуют 2 комплексу переводов. Статья о Велисарии сохраняется перед 2 комплексом переводов и в CO, вероятно, под влиянием P_2 . Есть ли у нас резон отрывать переводы Велисарий-Давид от 2 комплекса переводов, которому эти статьи предшествуют в P_1B , затем (в измененном виде) в P_2 , затем одна из статей - в CO, если общее движение текста переводов также выражается формулой: $P_1B - P_2 - CO$? Текстологических оснований для такой операции нет.

Выше указывалось, что заметно и тематическое единство статей Велисарий-Давид как между собой, так и со статьями 2 комплекса. Мне кажется, самое верное предположение таково: в первоначальном виде 2 комплекс статей содержал не 9 переводов, как считает Д.М.Буланин, а II, и открывался он статья-

ми о Велисарии и Давиде.

Со 2 комплексов переводов в списках П₁Б тесно связано послание Максима В.М.Тучкову о типографском знаке Альда Мануция. Переводы и послание предназначались одному адресату; велика вероятность того, что Максим переводил Свиду с издания того же Альда, где на последнем листе изображен знаменитый якорь с обвивающим его дельфином (издание февраля 1514 года, однако Д.М.Буланин почему-то везде пишет о издании Свида 1515 года³⁰), то есть можно предполагать тематическую связь переводов и послания; списки П₁Б сохранили наиболее ранний вид текста переводов - перечисленные аргументы свидетельствуют в пользу предположения, что уже на очень раннем этапе 2 комплекс переводов (II статей) был объединен с посланием Максима Тучкову. Вряд ли это произошло непосредственно при посылке максимовых переводов Тучкову, ибо о сопроводительных бумагах с переводами в послании нет ни слова.

Сравним комплексы текстов, совпадающих в близких сборниках П₁Б. Мелкие разночтения, как уже отмечалось, доказывают невозможность происхождения этих рукописей одной от другой. Каждая из них независимо исправляет текст там, где другая дает испорченное чтение. Порядок статей полностью совпадает. Однако есть и отличия, позволяющие предположительно возводить П₁ и Б к разным протографам. В П₁ между статьями о Велисарии и Давиде вставлен небольшой фрагмент из Свида (Д.М.Буланин определил, что он соответствует статье А 3560 по изданию А.Адлер); в измененном виде этот фрагмент есть и в подборке черновых переводов Максима, сохранившейся в Р (1551-1555 гг.), но, как показал Д.М.Буланин, выполненной в 1518-1525 гг.:

П₁ (с.148-149):
Великаго Василья. Апостольское жителство, еже есть очию бо его възрение, языку удръжание, телу порабощение, смирено мудрование, мысли чистота, гневу исчезение. Силюк поемлем прилагай,

Р (с. 54):
Апостольское житие, сиречь очасем опасество, языки въздержание, телу порабощение, мудрование смирено, мысли чистота, гневу исчезение. Поемлем прилагай, Сием терпи, лишаем не тялися, възненаги-

бьем приймай, лишаем не тязи-
ся, възненавидим любляй, го-
ним трѣли, хулим утешай, ум-
рѣтвися греху, сраспнися Хри-
сту, всю любов преложи к го-
споду.

дим любляй, гоним не сту-
жайся, хулим утешай,
умрѣтвися к греху,
съраспнися Христом, всю
любовь преложи к господу.

Приведенная выписка из Лексикона вызвала особенный ин-
терес в ближайшем окружении Максима – не случайно именно
статья А 3560 сохранилась в списке, который на четверть сто-
летия старше всех рукописей со статьями Свиды – в составе
"Слова ответна" Вассиана Патрикеева (кодекс конца 20-х гг.
XVI в. ГИМ, Синод. 384, л.268; "Слово" написано после нес-
ни 1523 года; ср. текст: Казанкова Н.А. Вассиан Патрикеев
и его сочинения. М.-Л., 1960, с.259, 4-9 сн., Suida Lexicon.
Ed.A.Adler.Stuttgart,1971, pars I, p. 322,3-8 св.). А.И.Иван-
нов обратил внимание и на другой, отличающийся мелкими раз-
ночтениями, вариант перевода статьи "Апостольское жительст-
во" (ГБЛ, Рум.264, л.170 об.; публ.: Булакин Д.М. Переводы
и послания, с.162).

В Р и П₁ мы имеем дело или с разными переводами, каждый
из которых принадлежит Максиму, или, что кажется более вероят-
ным, в П₁ дано переложение черновых материалов, в первоначальном
виде сохранившихся в Р. Среди статей В текста А 3560
из Свиды нет.

Второе отличие кодексов Р и П₁ – разные изводы заключи-
тельного послания о типографском знаке: в Р (как и в Е) –
первоначальный, в П₁ – формулярный, вторичный, откуда уст-
ранено имя Тучкова, зато сделано дополнение, в котором ав-
тор послания (Максим) пишет о греческой грамоте как о "на-
шей", то есть своей собственной. Д.М.Булакин справедливо
видит во втором исправлении следы авторской переработки.
Итак, кодексы П₁ и В, при всем их сходстве, сохранили два
разных вида подборки переводов (2 комплекс + послание о типо-
графском знаке): формулярный, по-видимому составленный авто-
ром, и первоначальный (В), подготовленный Максимом и отпра-
вленный Тучкову (возможно, в два приема: II статей + посла-
ние).

Кодекс П₂ не повторяет вставки П₁ и следует за Б; переписчик П₂ добавляет в свой сборник статью о Пафнутии, переведенную Максимом, по-видимому, для племянника Иосифа Санина Досифея Топоркова в начале 20-х гг. XVI в. (использована в Русском Хронографе между мартом 1518 - августом 1522 г. и, вероятно, сохранилась в иосифлянкой книжности),³¹ эта статья переходит затем и в С.

I комплекс сохранился в двух видах: I-й, первоначальный, читается в Б (отразился в П₂С0): сопроводительное послание Тучкову в первоначальном изводе, 4 статьи, послесловие; 2-й, формулярный, включен Максимом в сборник Р 1551-1555 гг.: послание о типографском знаке, "Разумевай убо", 4 статьи, "манна жертва", сопроводительное послание.

Подборка переводов в Б была составлена из I-го вида I комплекса, 2 комплекса (без вставки, сделанной в П₁) и первоначального вида послания о типографском знаке. Независимо от протографа Б Максим составил 2-й вид 2 комплекса со статьей А 3560 (П₁) - и, в соответствии с предположениями, высказанными выше, произошло это тогда, когда на руках у Максима были черновые материалы переводов из Свиды, т.е. или в начале 20-х гг. (до 15 февраля 1525 г., когда Максим уже сидел под арестом и начинался "великий взыск" его вин) или в начале 50-х гг., когда часть архива была ему возвращена (отразилась в Р). В пользу второго решения говорят следующие обстоятельства: а) объединение в П₁ переводов Свиды с поздними сочинениями Максима ("Слово благодарственное на победу 7049 г. на татар крымских", послание Ивану IУ); б) текст 2 извода послания Тучкову о типографском знаке исправлен таким образом, что притча о путях получения "вечного живота" стала обращена не ко "всякому властелю", а ко "всякому вкупе православному властелю", что вполне соответствует пафосу послания Максима Ивану IУ, вслед за которым переписаны переводы Свиды в П₁, а также теме всей поздней публицистики ученого грека; в) переводы в П₁ дополнены фрагментом, где Василий Великий прославляет "языку удрьжание... гневу исчезение" и проповедует непротивление: "бьем приимаи... гоним тръпи" - и в этих словах можно расслышать отклик Максима на гонения, постигшие его в 20-30 годы.

Представим взаимоотношение списков единой стеммой:

Стемма нуждается в более тщательном комментировании, и материалы для комментария дает история отношений переводчика и первого читателя, но даже и в таком виде наши знания о переводах Максима из греческого Лексикона сами просятся стать фактом биографии давно умерших людей.

К моменту появления Максима в России Василий Тучков был еще юношей: отец его поступил на службу лишь в 1500/01 году, надо думать, что и Василий родился никак не раньше этого времени. Знакомство младшего Тучкова с умудренным греком могло состояться как через кого-нибудь из постоянных посетителей Максима, так и с благословения отца. Михаил Тучков пять лет, с 1511 по 1515 год служил в Крыму, в Каффе, где выполнял обязанности московского посла при каффинском паше³². Максим же в составе патриаршего посольства, возглавляемого митрополитом Зихны Григорием, проезжал зимой 1518 г. через Каффу, где посольство было принято с почетом, и вплоть до весны 1519 г. митрополит Григорий из Москвы переписывался с каффинским пашой³³, так что Максим мог быть посредником в дипломатических знакомствах Михаила Тучкова.

Первое свидетельство о разговорах Василия с Максимом оставил нам максимов келейник Афанасий Грек. 20 февраля 1525 года, через несколько дней после ареста Максима и в ходе следствия над опальным сыном боярским Иваном Берсенем Беклемишевым, Афанасий перечислил наиболее частых посетителей максимовой кельи в Симоновом монастыре. В беловик следственного дела были внесены имена Берсеня, князя Ивана Ток-

мака, Василия Михайловича Тучкова, Ивана Даниловича Сабурова и князя Андрея Холмского, затем к ним приписали грека Юшку (Юрия, Георгия) Тютин³⁴. Перечисленные лица "говаривали с Максимом книгами". Обыкновенно всех, кого назвал Афанасий на следствии, зачисляют в особый "кружок" Берсеня, хотя и сам Афанасий свидетельствовал, что Максим ни с кем, кроме Берсеня, не "сидел... один на один", то есть не вел опасных тайных разговоров. И судьи, разбиравшие дело в феврале 1525 г., как будто не причисляли "советников" Берсеня к его единомышленникам: казнен был только один Берсень, да у Федора Жареного, не связанного с "кружком аристократов", вырезали язык за сомнения в милосердии великого князя³⁵.

Токмак, Тучков, Сабуров, Холмский и Тютин, упомянутые Афанасием, не могли избежать допроса, однако сохранившийся, хотя и неполный материал следствия (2 противня, черновой и белой, без начала и конца) нигде более о "кружке" Берсеня не упоминает. Есть основания считать, что и утраченные материалы февраля 1525 г. принципиально важных деталей не содержали, ибо в судебном списке безусловно выполняется законное требование опираться на показания не менее двух свидетелей по каждому пункту обвинения³⁶ - то при наличии в феврале 1525 г. лишь одного свидетеля и двух обвиняемых! Максим и Федор свидетельствуют против Берсеня, Максим и Берсень - против Федора. Афанасий не мог свидетельствовать против Берсеня, поскольку "выслался вон" во время скрытых разговоров на Симонове, вероятно, и члены берсеневского "кружка" находились в том же счастливом состоянии невведения.

Церковному суду над ученым греком, завершившемуся тремя месяцами позже светского суда над Берсением, 24 мая 1525 года, было бы желательно воспользоваться показаниями Берсеня, безуспешно спасавшего свою жизнь, против Максима (речи о "латинском" родстве Софьи Палеолог³⁷), однако к маю Берсень уже был обезглавлен, и на суде свидетельствовали Арсений Сербин и Герасим Замьдкий, уличавшие Максима в сомнениях по поводу каноничности поставления русских митрополитов³⁸.

С.О.Шмидт и Д.М.Буланин со ссылкой на судебный список утверждают, что на суде 1525 года против Максима свидетельствовал и Василий Тучков³⁹. Это ошибка. Н.Н.Покровский убедил

тельно показал, что компиляция, на основе которой мы судим о ходе заседаний 1525 года, была составлена в 1542-1543 гг. на основании судебного списка 1531 г. и двух писем 24 мая 1525 г. так что сведения о соборе 1525 г. были сконструированы из материалов 1531 г. и соборных приговоров 1525 г., и весь текст "передопроса" Досифея Забаллы с записями очных ставок, куда относится и очная ставка с Тучковым, передает ход заседаний 1531 года.

Шесть лет, разделяющих соборы 1525 и 1531 гг., Максим провел в 113 верстах от Москвы, в Волоколамском монастыре, под "соборной юзой", запрещавшей ему переписку, чтение книг, не упомянутых в соборном постановлении, и лишавшей его права покидать монастырь. Первое время приговор суда строго соблюдался как осужденным, так и его тюремщиками. Н.Е.Тихомиров обнаружил, что в псалтыри бывшего симоновского архимандрита Герасима Замыцкого (ГБЛ, Волк.152, л.454-455, 470), первоначально отправившегося на покой в Волоколамский монастырь, Максим выдал каламом 27 строк греческого текста. Аналогичный след "книгописания" Максима в годы, когда ему не давали чернил и пера, отыскал И.А.Тихонюк в сладованной псалтыри Иоасифа Тверитина, которой владел в 20-е годы XVI в. волоколамский соборный старец Геласий Суколенов (10 строк: ГИМ, Епарх.87, л.478 об.). Максим брал книгу у бывшего симоновского архимандрита, с которым совсем недавно вставал "с очей на очи" на церковном суде, и одалживался у своего тюремщика Геласия, одного из тех, кому митрополит и великий князь наказывали "беречи" ученого грека.

С годами положение Максима в монастыре стало более свободным, так что он имел возможность показать свой "необратный нрав", "отреченая мудрствоваше и послания писаши". Теоретически нельзя исключить предположение о переписке Максима с Василием Тучковым накануне суда 1531 года, однако ни одно из 4-х сохранившихся посланий Максима своему иному корреспонденту не могло быть написано из темницы: эти послания не содержат характерных "тюремных" жалоб.

Максим встретился с Василием в начале мая 1531 г. в митрополичьих палатах в Кремле, во время второго заседания

церковного суда над ученым греком, а более – над его сообщниками. Первое заседание, которое вел Даниил, проходило в отсутствие великого князя (Судные списки, с. 101: митрополит "тотчас к великому князю послад по то житие"), а все свидетели, как и на следствии по делу Герсона, были и обвиняемыми: Михаил Яковлевич Медоварцев, Вассиан Гушанин и Вассиан Патрикеев (Судные списки, с. 97, 15 св. – с. 107: "И митрополит ~ облыгают и остужают").

Второе заседание шло гораздо более торжественно, ибо действие разворачивалось на глазах великого князя. Заседание началось с "передопроса" Досифея Забеллы: сарский и подонский епископ выспытывал у Максима прошлые и "прибылые" вины (с. 90, 19 св. – с. 96, 4 св.: "И Даниил митрополит ~ бесплотных сил"; с. 108, 1 св. – с. 115, 13 св.: "И митрополит велел ~ простой старец"). "Передопрос" сопровождался очными ставками, вылившимися в целые прения "с очей на очи" между Максимом, Вассианом Гушаниным, Афанасием Греком, Федором Сербиным, Арсением Сербиным (он выступал и на суде 1525 г.), Вассианом Патрикеевым, Саввой Греком. Из семи человек – 3 грека, 2 серба, то есть заведомо люди "незнаемые" и "сиротины"¹³, зато один – потомок Гедимины и родственник самого Василия Ш, Вассиан Патрикеев, чья бабка – Анна Васильевна – была родной сестрой Василия П, деда здравствующего великого князя¹⁴. Независимо от знатности все перечисленные лица находились под юрисдикцией московского митрополита, потому свидетели в любую минуту могли оказаться обвиняемыми, что и случилось с Афанасием, Саввой, Вассианом Гушаниным, его тезкой по прозвищу Рогатая Вошь (упомянут в судебном деле Вассиана Патрикеева), уличенным в недоносительстве.

Тогда же, на втором заседании, Максим увидел среди своих обличителей и светских лиц – М.Я. Медоварцева и трех вельмож – боярина Михаила Гривевича Захарьина и окольного Михаила Васильевича Тучкова с сыном Василием. Захарьин поведал суду легенду о "римском" учителе Максима, уклонившемся вместе с учениками в "жидовский" закон и сожженном по приказу римского папы. Максим вышел из затруднительного положения, сославшись на потерю памяти ("отнюдь ни ума, ни памяти нег"). Хотя

Захарьин и ссылался на "многих достоверных свидетелей", та-
ковых суду представлено не было. Между тем мы знаем, что
Максим писал о своем итальянском ученичестве в послании
Василию Тучкову: "В Венеции был некий философ добре хитр...
ветхаго Рима отрасль, грамоте и по-римски и по-гречески
добре гораздо. Я его знал и видел в Венеции и к нему часто
хаживал книжным делом". Очевидно, суду 1531 г. это посла-
ние Максима оставалось неизвестным. И тем не менее нет ос-
нования пересматривать предложенную Д.М.Булагиным датиров-
ку послания Максима Тучкову (прежде 1525 г.) - скорее
Василий Тучков умолчал об этом послании, то есть рисковал:
знал - но не донес.

Василий предстал перед судом в качестве свидетеля по
другому вопросу: отец привел его на суд и бил челом велико-
му князю, чтобы тот спросил младшего Тучкова, что он узнал
от Максима, когда "ходил" к ученому греку. Как раз в этот
момент суд разбирал одну из самых таинственных тем: сущест-
вовали ли "затворенные грамоты", которыми Максим якобы при-
зывал турецкого султана "на разорение православная веры".
Об этих грамотах говорил митрополит и на первом заседании
(с.100, 13-10 сн.). Первым свидетелем, упомянувшим о "гра-
мотах", стал Арсений Сербин: он жил на Симонове и слышал
от дьякона Федора, что Савва Грек, тогдашний новоспасский
архимандрит, "послал... к салтану" какие-то грамоты, а перед
тем "плакал и сердитовал на великого князя". Второе извест-
ие Федора, слышанное Арсением, касалось "еллинского вол-
хования" Максима и повело следствие в сторону от темы
"турецких" грамот. Тут и понадобилось челобитие Михаила Туч-
кова и сообщение его сына Василия о крамольных речах Макси-
ма.

По словам Василия, Максим упрекал великого князя в го-
нении на христианство. Эта тема никак не связана с обвине-
ниями Максима в колдовстве, и все выступление Тучкова может
показаться странным нарушением сценария, если бы не первая
обмолвка Василия: "Яз, государь (Тучков обращается к вели-
кому князю - А.П.), к Максиму был приход и (далее в Сибирс-
ком списке утрачены 3-4 буквы, может быть: "дал"? "читал"? -

А.П.) мне грамоту греческую" (с.116). О содержании греческой грамоты Василий не говорит ни слова; С.О.Шмидт высказал предположение, что этот документ либо "касался его (Максима - А.П.) возвращения на Афон", либо упоминание о грамоте "допустимо понимать как свидетельство того, что Максим обучал Тучкова греческому языку". Второе предположение С.О.Шмидта повторил Н.Н.Покровский: Максим Тучкова "как теперь выясняется, видимо, обучал греческому языку" ⁴⁵.

Оба предположения вполне допустимы, однако они не объясняют логики построения всего эпизода, нанизывающего одну за другой три очные ставки: Афанасий и Савва против Максима, Тучков против Максима, Афанасий против Максима и Саввы. Первое стояние "с очей на очи": Афанасий говорит о колдовстве, но только что с ним вместе выступал Арсений Сербин и обвинял Савву в писании "затворенных грамот". По этому обвинению также, вероятно, была назначена очная ставка, но ее текст был утрачен уже в протографе Сибирского списка: в абзаце на с.115, 14 св. - 23 св. говорит Арсений, а следующий абзац на с. 115, 24 св. начинается уже с речей объясненного выше, но не введенного в действие Афанасия. Вторая очная ставка: Тучков говорит о греческих грамотах и крамольных словах Максима о "гонениях". Тема греческих грамот вновь затронута, но на очную ставку не вынесена: Максим объясняется лишь по поводу "речей" о государе. Третья очная ставка: Афанасий обвиняет Максима и Савву в писании "грамот к паше кафинскому" (более вероятное чтение А.Л.Хорошкевич) или "к паше к афинскому" (чтение Н.Н.Покровского - с. 116). Сквозная тема: греческие грамоты - "затворенные грамоты", "греческая грамота", "грамоты к паше кафинскому". Место показаний Тучкова внутри этого эпизода дает основание понимать его обмолвку о виденном в руках Максима документе именно как свидетельство о существовавшем или померещившемся Тучкову крамольном греческом послании.

Вместе с тем в отношении таинственной грамоты следствие ведет себя довольно неожиданно. Два первых упоминания о ней полустерты - компилятор 40-х гг. XVI в. или судьи 1531 г. исключили объяснения Саввы по поводу переписки с султаном,

Тучкова не заставили "довести на Максима" речи о "греческой грамоте", а единственное описание крамолы сделано со слов максимова келейника Афанасия. Афанасий говорил на суде, что Максим и Савва "писали грамоту к паше кафинскому, чтобы паша написал грамоту к салтану, чтобы салтан послал людей своих на великого князя землю морем в кораблех...". Грамоту эту держал в руках дьякон Федор, он будто бы и увез ее тайно в Царьград, хотя мы знаем, что тот же Федор в разговорах с Арсением недружелюбно отзывался о подобных замыслах Саввы.

Сам Афанасий ни строчки в "затворенной грамоте" не прочел, а о содержании ее судил по словам некоего старца Акакия, который вряд ли знал иностранные языки и, в свою очередь, схотнее ссылаясь на чужие разговоры по поводу злополучной грамоты. В рассказе максимова келейника не сходятся концы с концами: кафинский паша, как посредник между греками, хорошо принятыми в Каффе зимой 1518 г., и Сулейманом Кануни - вполне допустимая кандидатура, однако посылать войска "морем в кораблех", при том, что в 1526 году войска Сулеймана взяли Будду и вполне свободно передвигались на сухопутном европейском театре военных действий - нонсенс! И здесь следствие не предприняло попытки поглубже разобраться в политической крамоле греков, а ведь достаточно было поставить перед Максимом старца Акакия "с очей на очи" - появился бы второй свидетель (Арсений обвинял не Максима, а Савву, а Тучков молчал о содержании грамоты), и дело бы прояснилось. Закljučаем отсюда, что митрополита больше устраивал пересказ грамоты в афанасиевской редакции, чем любезные разъяснения этого вопроса. □

Среди черновых бумаг, вплетенных уставщиком Волоколамского монастыря Евфимием Турковым в сборник 60-х гг. XV в. ГИМ, Синод. 79.⁴⁶, находятся материалы не волоколамского происхождения, переписанные на бумаге второй половины 50-х гг. XV в. (л. 94-164, 9 тетрадей по 8 л., в первой и последней по одному листу утрачено, то есть оторваны защитные листы этого некогда самостоятельного блока). Эти материалы, как показали Б.М.Клосс и Д.М.Буланин, отражают содержимое максимова архива 1518-1525 гг.⁴⁷ Б.М.Клосс обнаружил здесь (но не

рассмотрел и не опубликовал) перевод послания султана Сулеймана I Кануни, прозванного в Европе Великолепным, от 28 января 1522 года. Послание обращено к венецианскому дожу Антонио Примани (установлено по: Cicogna G.C. Storia dei dogi di Venezia. Venezia, 1859, v. II, n. LXXVI) и сообщает о завоевании Турцией острова Родос, прежде принадлежавшего католическому ордену Иоаннитов:

"Султан Суилеман, божиею милостию Азии, Еуропа, Персиде, Аравеи, Кареи, Мадеи великей царь, дву морь государь - венедейскому князю и всему его государству, вам всем радоватися.

Хочу вас не неведати, понеже Родос, яко мое величество взял, татем бѣ прибежище, морским разбойником // и злодеем гнездо, кой мои морские реки многочислено находили и мои и ваши корабли переимали многие. То ради вини моему посмотрилося венечеству угодно быти на них самому поити, ими же многие учиних съступы. И они, видев многих своих убитых, многие выпустошены и изгублены места, преидоша они, от моего величества просят милости.

И аз им всего забыл, великому маистру и всей его братьи учинил милость, и всей братьи вкупе и прочим людем рех: с своим добром да поидут куды хотят. А похотят в граде жити - дѣмы, стяжания свои да имеют как прежде сего свободны на три годы от всех пошлин и оброков пребудут. А как проидут те три годы, обычая повинни да будут, как и все христиане моего государства имеют // под моею властїю. Дали мне того ради родосене с всеми городки, кой на том острове стоят, и с ѣными острови, тому же государству подликающему.

Сего ради моему гонцу верному приказал, да вас, аки моих друзей добрых, о моей победе известнейших учинит, вем убо вам в великой быти радости.

Дана в моего величества царьском дворце в Родосе, декабря 28^н.⁴³

Находим здесь основные подробности, которые в устной передаче могли вырасти в устрашающие детали афанасиевских показаний: султан, переписка с неизвестным "венецїйским князем" (подслушивающий Акакий мог и не слышать о существо-

вании Венеции, зато передающий его речь Афанасий твердо знал о благорасположении к грекам каффинского пашы), войско море, корабли. Мотивы совпадают, и их вполне достаточно для того, чтобы плести нити устных известий, "слухи и толки", где пересказ грамоты сольется с невнятными голосами шепчущихся греков. Подобным образом "многие достоверные свидетели" Захарьина запутали вопрос о флорентийском послушестве Максима Грека. Думаю, что соборная "кза" 1531 года, констатирующая посылку греками грамот "к турецкому салтану и к пашам его", опиралась на эту единственную "турскую" грамоту, содержание которой, к неудовольствию обвинения, было не столь уж крамольным. Не случайно Даниил предпочел подлинному тексту грамоты признания перепуганного Афанасия.

Послание Сулеймана Великолепного явно не было рассчитано на широкое распространение в славянском мире (например, потому что в тексте, как заметил мне А.А.Турилов, нет сербизмов, характерных для стамбульских переводчиков на славянские языки), однако грамота какими-то неиспоредимыми путями попала в келью Максима (о подобной документации в венецианском архиве см.: Tamansky V. *Secrets d'Etat de Venise*. S.Fb., 1884). Думаю, что оттоманская реляция не была выменена на соболей русскими дипломатическими службами, обратившимися к Максиму как к переводчику (версия Б.М.Клосса), так как Максима вряд ли допускали к секретной посольской документации. Скорее ученый грек, минуя дозволенные каналы, получил грамоту у своего знакомого Искандера Саки, грека и турецкого посла в Москве (1524 г.). Обратим внимание еще на одно датированное свидетельство особого интереса Максима к турецкой теме в 1521/22 г.: сохранился комплекс мелких переводов, в том числе и переводов из Свиды (упущены исследователями), где есть рассказы о "Станбуле", о суммах оброка патриарха и слятогорцев "царю турецкому" и дается перечень 12 чинов оттоманской табели о рангах - от пашей до азымдуланов¹⁹.

Если принять предложенную атрибуцию таинственной "грамоты" судного списка как переведенной Максимом реляции Сулеймана Великолепного, получают объяснение два эпизода майского суда 1531 года: во-первых, станет понятна нераспорядительность судей в допросах Афанасия и Арсения, во-вторых, прояснится логика поведения на суде Василия Тучкова. Тучков

соединил в выступлении две темы: "греческую грамоту" и то, что великий князь - "гонитель на христианство". Грамота Сулеймана являла многие милости султана к христианскому населению Оттоманской порты и еще раз подтверждала излюбленный тезис афонца о нерушимости греческого православия даже и под нечестивыми правителями. Это вполне соответствует словам Максима, записанным 20 февраля 1525 г. судьями, расследовавшими преступления Берсеня: "Цари у нас злочестивые, а у патрархов и у митрополитов в их суд не вступаются"⁵¹ (Максим передает слова в самой благоприятной для себя формулировке). И антитезой милостям Сулеймана звучат сомнения Максима в "милости" Василия III⁵², речи Берсеня о "малом жаловании"⁵³ от великого князя и Федьки Жареного о "жестокости и немилостивости" Василия⁵³. И Тучков связывает "грамоту" (свидетельства милосердия нечестивых царей) с речами Максима, называвшего Василия III "гонителем на христианство". Можно полагать, что младший Тучков рассказал на суде подлинный эпизод, точно отразивший настроения ученого грека накануне февральского следствия 1525 года.

Еще более откровенным источником, отразившим тайные разговоры Максима с молодым Тучковым в начале 20-х гг., являются подборки переводов из Лексикона Свида, отправленные греком Тучкову. Юный собеседник Максима не знал греческого языка и, разумеется, не он выбирал и компоновал статьи огромного греческого тома in folio. 2 комплекса переводов из Лексикона - это два различных сообщения, отправляя которые, Максим как бы продолжал начатые в его келье разговоры. При условии, что содержание этих разговоров оставалось тайной для "внешних", можно было не рискуя обмениваться подобными "посланиями", ибо правильно прочесть и дешифровать их было под силу лишь знающему, посвященному в тайну. К несчастью для Максима, но к радости его биографов некоторые келейные разговоры ученого грека получили огласку - их повторили на февральском следствии 1525 г. Берсень, сам Максим (в "отредактированном" виде), а на суде 1531 г. - Василий Тучков.

I комплекс объединен общей темой: философия. "К нему приходяще, велию плъзу приемляху" - это тема греческой мудрости

и христианского понимания "еллинских" художеств: диалектики, геометрии, арифметики, музыки, грамматики, риторики. Максим, опытный ловец душ, привлекает к себе молодого пристократа, учит, проповедует. Первый комплекс больше говорит о самом Максиме, мечтавшем о возобновлении "Новой Академии", наподобие той, что окружала Альда Мануция в Венеции, куда и сам Максим "хаживал... в мирских платьях". Переводы статей об Оригене, Иове, Аврааме, Мелхиседеге утверждают право христианского учителя на "еллинскую" и "иудейскую" мудрость. Отношения Максима и Василия еще в самом начале, на двор к Тучковым послана "черная тетрадка" с переводами, сделанными не одному Василию, но и "иным", которые также "питали такой веш".

Тема 2 комплекса: Воин, воинские доблести и христианское благочестие. Велисарий "кроток и слягсприступен", в его образе собрано все то, чего, по мнению Максима, не хватало московскому великому князю, но Максим "мненьем... своим то себе держал в сердце". Герсень говорил, будто Василий III "людей мало хвалует"⁵⁴, Герсертштейн слышал о том, как Василий и против собственного обещания не хотел повышать жалованье немцам-пушкарям в 1521 году⁵⁵ - а Велисарий "храбрествовавшим почести дающе, гривны златыя и псалня". Максим говорил, что государь не оказывает "милости" к "вдовицам" (то есть не дарит их милостыней)⁵⁶, - а Велисарий был знаменит немалым "попадением" и "любящим".

Ключевым текстом, позволяющим прочесть то, что держал Максим "в сердце", является статья о Давиде. Максим сам на нее сослался 20 февраля 1525 года, выгодно пересказывая на следствии свои "возражения" Герсени: "Изнешний государь князь велики, - говорил Максим, - уподобися царю Давиду, и как господь бог сохранил царя Давида от всех окрестных иноплеменник, так и нашего государя господь бог сохраняет"⁵⁷. Сличение этих слов с переводной статьей Свиды раскрывает "дукавство" грека и по-новому заставляет звучать характеристику Василия I, отлучая от великих чертами несходства. Давид был кроток - а Василий "жесток и немилостив" (слова Федора Ларенного, переданные следствием Максимом). Давид был

"мужествен, яко никто же ин, в бранех же яже от подручников пръвы в бедах устремляшеся, трудом своим и бранью подвизая воины на противоположение, а не яко властель - повелением..." - а Василий на глазах у всей Москвы в панике бросил столицу и бежал от войск Мухаммед-Гирея, оставив город на попечение ничтожного отряда Петра Куйдакула (29 июня - 24 августа 1521 г.)⁵⁸ и, по слухам, на волоколамской дороге прятался в стогу от татарских отрядов⁵⁹. В течение месяца Кремль был наводнен беженцами, татары чудом не взяли Москвы, и все это происходило на глазах у Максима и не могло не обсуждаться в его чудовской келье. Хотя "господь бог сохранил" Василия Ш, но куда как далеко было московскому князю до ветхозаветного Давида!

2 комплекс предназначался уже одному Тучкову (включает прямое обращение к нему в статье "Что есть покоище?") и явно был отправлен после 1-го комплекса переводов. Четыре послания Максима Тучкову, видимо, распределяются так: первое было послано адресату вместе с "черной тетраткой" 1 комплекса, второе, о знаке Альда,⁶⁰ предшествовало или последовало 2 комплексу, третье, "благодарственное", следовало за вторым посланием и 2 комплексом (ср. тему "лукавства", развивающую отдельные положения уже отправленной в составе 2 комплекса статьи о Давиде), замыкало цикл "Послание к начальствующим правоверно".

Встреча Максима с Василием Тучковым на суде, воскресившая события шестилетней давности, явно дает понять, что между 1525 и 1531 г. общения между ними не было. Значит, протографы 1 и 2 комплексов определенно сложились не ранее марта 1518 - 15 февраля 1525 г., причем протограф 2 комплекса - скорее даже не ранее лета 1521 года (набег Мухаммед-Гирея). Выше было высказано предположение, что особый извод 2 комплекса, сохранившийся в П₁, был составлен самим автором в 40-х гг. XVI в. Основное распространение текстов 1 и 2 комплексов происходило не благодаря авторской подборке П₁, а в результате копирования протографа 1-2 комплексов (отразился в Б). Кто и когда составил этот протограф и тем положил начало рукописной традиции большого цикла максимовых переводов?

Все компоненты протографа I-2 комплексов были в свое время отправлены Максимом Василию Тучкову и вплоть до суда 1531 года, как видно из материалов суда, широкому распространению не подлежали. I-2 комплекс был составлен между 1531 г. и серединой XVI в. (датировка П₂, зависящего от В); обратим внимание на то, что к этому времени сам Максим не был обладателем I-2 комплекса: в П₁ и Р (авторизованный сборник) порознь включены I и 2 комплексы в оригинальном, не связанном с протографом I-2 комплексов, виде. Если Максим в 40 - начале 50-х гг. XVI в. не имел в своих бумагах списка I-2 комплекса переводов, его не могли держать в руках и иосифляне, временные "хранители" максимова архива и "душеприказчики" опального грека в 1525 - 40-х гг. XVI в. Единственная вероятная возможность состоит в том, что сам Василий Тучков являлся составителем I-2 комплекса переводов из Свиды.

Протограф I-2 комплекса появился не ранее 1531 г. (более вероятно: середины 30-х гг., когда отношение к Максиму медленно начинало улучшаться, а Тучков познакомился в 1537 г. с новгородским архиепископом Макарием, благоволившим впоследствии к осужденному греку) и не позднее 13 февраля 1548 г. (дата смерти Тучкова⁶¹). Вероятнее всего появление I-2 комплекса в 40-х гг. XVI в., незадолго до смерти Василия Михайловича, когда он после исполнения должности рязанского дворецкого (1541-1545 гг.) занялся домашними делами и заказывал для себя копии сочинений Максима, все еще лишенного причастия и замаливающего свои грехи в Твери.

По времени редакторское предприятие Тучкова совпадает и с формированием первого, предшествующего Великим Минеям Четъм, вида максимовых переводов посланий Фотия ("сложи же ся Максимом Греком иноком, иже в Твере в заточении")⁶², с составлением компиляции судного списка 1525-1531 гг., и является началом второго рождения максимовых сочинений в широкой рукописной традиции. На следующем этапе, в середине XVI в., подборка Тучкова была пополнена и оказалась самой представительной коллекцией переводов Максима из Свиды, превышающей по объему материалы, возвращенные автору и отразившиеся в кодексе Р.

Историк вправе судить своих героев - не потому, что кроме него их судить некому, а потому, что без его оценок труднее будет понять время, которому эти герои принадлежали. Племянник Василия - Андрей Курбский - восхваляет Максима и умалчивает о Тучковых, возможно, сознавая вину своего кривди в несчастьях афонского философа⁶³. Максим поместил в кодексе Р первое сопроводительное послание Тучкову в обезличенной редакции - формулярном изводе, но третью грамоту Тучкову, где грек предостерегал Василия против пути грешных и нечестивых, святогорец, собственноручно поправив мелочи⁶⁴, сохранил в первоначальном виде, с полным именем адресата: возможно, и посмертно пенял ему на измену.

Тучков говорил о Максиме на суде 1531 года примерно то, что сам Максим шесть годичи раньше говорил о Федоре Жареном. Федору по приговору 1525 года вырезали язык, Максим же отделался много легче: ни в 1525, ни в 1531 году он не был передан митрополитом в руки светского суда, а после второго процесса получил явное послабление, перебравшись из Волоколамского монастыря в гораздо более гостеприимную Тверь. Historики недоумевают, подыскивая объяснения счастливому повороту колеса максимовой фортуны: "жули" и "выш" Максима все прибывают, против него выступают все новые и новые "достоверные" свидетели - а наказание смягчается. Если считать, что суд 1531 г. был тем, чем его объявлял митрополит - судом над Максимом, то никак нельзя объяснить такое нарушение логики.

"Дукавство" митрополита состояло, очевидно, в том, что в ходе суда 1531 года впервые отвечали за свои грехи все члены "нестяжательского" вассиановского кружка, а Вассиана Патрикеева дополнительно судили на специальных соборных заседаниях. Максим, уже осужденный в 1525 году, был привезен в Москву с Волока как живое обвинение каждому, кто надеялся быть на суде свидетелем. Михаил, Исаака и других подталкивали на обвинения уже обличенного Максима, с которым они не виделись шесть лет - и выходя на очные ставки свидетели поневоле признавали свои вину в том, что знали, да не донесли, а не донесли "страха ради Васьянова". Так с каждой минутой "суд над Максимом" превращался в

суд над недавним "великим временным человеком" - Вассианом Патрикеевым.

Василий Тучкову в этом сценарии была отведена очень скромная роль: его показания прямой ниточки к Вассиану не давали, а на судьбу Максима повлияли мало. Публичное предательство пошло на пользу придворной карьере его отца: Михаил Тучков вскоре после суда 1531 года был пожалован боярством. Младший Тучков за всю жизнь не выслужил никаких придворных чинов. Шесть лет спустя после суда, летом 1537 г., в Новгороде, работая над новой редакцией жития Михаила Клопского, Василий Тучков вспомнит о недолгих своих занятиях в максимальной "академии": "Слышах бо некогда, - напишет он осторожно, скрывая подробности своих "книжных" знакомств, - книгу прочитаем у Тройского пленения, в ней же многия похвалы плетены едлинном от Смира же и Овидия...²⁵ - но и здесь соблюдет осторожность, не забудет в противовес чужеземным мудростям восславить свои, христианские. И лишь образ "князя-бегуна" Дмитрия Шемяки ("Михайлушко, - жаловался Шемяка, - бегав своя встчины, збили мя с великаго княжения с Московскаго..."), ясно и по-новому написанный Тучковым, заставляет вспомнить о тайных, осуждающих бегство Василия III из столицы, разговорах в максимальной келье, об уроках, полученных молодым Василием у опального грека.

1 Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией императорской Академии наук (далее: ААЭ). СПб., 1836, т.1, с.141.

2 Строев П.М. Библиологический словарь и черновые к нему материалы. СПб., 1882 (Об.ОРАС, т.29, № 4), с.205-207.

3 Востоков А.Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, с. 369.

4 Гемнади Г. О типографском знаке альдинских изданий. (Из сочинений Максима Грека). - Библиографические записки, 1858, т.1, № 6, стб. 185.

5 Строев П.М. Библиологический словарь, с.201; Сеницына Н.В. Максим Грек в России. М., 1977, с.66.

6 Белокуров С.А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898, с.СХХ; Голубинский Е.Е. История русской церкви. М., 1900, т.ii, первая половина, с. 670.

- 7 Иконников В.С. Максим Грек и его время. Изд. 2-е. Киев, 1915, с. 135.
- 8 Ржига В.Ф. Неизданные сочинения Максима Грека. - Византиноведение, 1935-1936, т. УІ, с.94.
- 9 Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки. М., 1971.
- 10 Шмидт С.О. Новое о Тучковых (Тучковы, Максим Грек, Курбский). - В кн.: Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971, с.129-141.
- 11 Синицына Н.В. Максим Грек, с. 57-60.
- 12 Иванов А.И. Несколько замечаний к вопросу о лексиконе "Свида". - Богословские труды. М., 1978, т.18, с.223-230.
- 13 Сочинения преподобного Максима Грека. Казань, 1862, ч.Ш, с.49-53 (6 статей 2-го комплекса переводов опубликованы по рукописи ГПБ, Солов. 495/514).
- 14 Буланин Д.М. К изучению переводческой деятельности Максима Грека. - Русская литература, 1978, № 3, с.119-125; он же. Лексикон Свида в творчестве Максима Грека. - ТОДРЛ. Л., 1979, т.34, с.257-285; он же. Переводы и послания Максима Грека. Неизданные тексты. Л., 1984, с.53-81, 128-181. 191-194, 198-202.
- 15 Буланин Д.М. Переводы и послания, с.57, прим.17.
- 16 Там же, с. 58-59.
- 17 О нем см.: Синицына Н.В. Максим Грек, с. 240-261.
- 18 Буланин Д.М. Переводы и послания, с.58, прим.20. с.62-63. Здесь рукопись датирована последней четвертью XVI в., но мне кажется вероятной более поздняя датировка - дочерк может быть отнесен к типичному книжному письму первой половины XVII века, а бумага - к первой четверти этого столетия (Герасимов 477 - 1622 г., 438 - 1622 г.).
- 19 Шатков А.Т. Поморский кодекс сочинений Максима Грека - В кн.: Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск, 1977, с. 93-123.
- 20 Буланин Д.М. Переводы и послания, с. 64.
- 21 Там же, с. 62.
- 22 Там же, с. 63.
- 23 Там же, с. 65.
- 24 Иванов А.И. Литературное наследие Максима Грека. Характеристика, атрибуции, библиография. Л., 1969, с.70, прим. 33.
- 25 Буланин Д.М. Переводы и послания, с. 58, прим.21.
- 26 Герасимов 935 (1631-1633 гг.), 1099 (1638 г.), 702-704 (1628-1630 гг.).
- 27 Повесть о Варлааме и Иоасафе. Памятник древнерусской переводной литературы XI-XII вв. Подгот. И.И.Лебедевой, Л., 1986.

- 28 Дмитриева Р.П. Волоколамские четьи сборники XVI в. - ТОДРЛ. Л., 1974, т.28, с.220.
- 29 Русская историческая библиотека (далее: РИБ). СПб., 1900, т.У1, стб. 806-817.
- 30 Буланин Д.М. Переводы и послания, с. 77, 80. См. описание издания Свиды 1514 года: Renouard Ant. Aug. Annales de l'imprimerie des Alde. Paris, 1803, t.1, p.109-110; Aldo Manuzio editore Pedicche. Prefazioni. Milano, 1975, t.1-2, p. 128. Ср. экземпляр Лексикона в издании 1514 г., хранящийся в Научной библиотеке МГУ под шифром 9 в1 17 f.
- 31 Плигузов А.И. Противостояние митрополичьей и вассиановской кормчих наклонне судебных заседаний 1531 года. - В кн.: Исследования по источниковедению истории СССР до-октябрьского периода. М., 1985, с. 40-43.
- 32 Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, с.205-207; Шмидт С.О. Новое о Тучковых; Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. М., 1972, с.274.
- 33 Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV - начала XVI в. М., 1980, с.200-201.
- 34 ААЭ, т.1, стб.141; ср.: Синицына Н.В. Максим Грек, с.133, прим. 274.
- 35 ПСРЛ, М.-Л., 1959, т.26, с.313; СПб., 1910, т.24, с.222; Тихомиров М.Н. Новейший памятник московской политической литературы XVI в. - В кн.: Московский край в его прошлом. М., 1930, ч.2, с.112.
- 36 РИБ, т.У1, стб.753. О нормах проведения светского следствия и суда в XVI в. см.: Зимин А.А. Смерть царевича Дмитрия и Борис Годунов. - Вопросы истории, 1978, № 9, с.92-111, ср.: ААЭ, т.1, № 187, 192, 194, 330 и др.; Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб., 1864, т.П, № 230; Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Киев, 1800, т.1, № 62 и др.
- 37 ААЭ, т.1, с.145.
- 38 Судные списки, с. 111.
- 39 Шмидт С.О. Новое о Тучковых, с.136, но ср. с.139; Буланин Д.М. Переводы и послания, с. 66.
- 40 Судные списки, с. 36-89; ср.: Казакова Н.А. Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI века. Л., 1970, с. 221-222; Синицына Н.В. Максим Грек, с.140, прим.292.
- 41 Судные списки, с.121, 124. В настоящий момент Б.М.Клоссом, И.А.Тихомиром, Б.Л.Фонкичем и мною готовится специальная статья о волоколамских автографах Максима.
- 42 Там же, с. 97.
- 43 Там же, с.101; ААЭ, т.1, с.141. Упомянуты также митрополичьи старцы Дионисий, Фома, Исая, но они не давали показаний на суде.

- 44 См.: Зимин А.А. Княжеская знать и формирование состава Боярской думы во второй половине XV - первой трети XVI в. - Исторические записки. М., 1979, т.103, с.2 - 204, 230. Н.А.Казакова без ссылки на источник неоднократно писала о том, что Вассиан Патрикеев был родственником Сабуровых (Казакова Н.А. Счерки, с.119), что в течение ряда лет вызвало недоуменные вопросы А.А.Зимина (Зимин А.А. Княжеская знать, с. 230). Мнение Н.А.Казаковой сложилось, вероятно, под влиянием книги В.В.Пассека (Пассек В.В. Историческое описание московского Симонова монастыря. М., 1843, с. 95), где утверждается, что Соломония Сабурова была внучатой сестрой Вассиана. (Ср.: Хрущов И.П. Князь иннок Вассиан Патрикеев. - Древняя и новая Россия СПб., 1875, № 3, с.272). Мнения это ошибочно: Сабуровы происходят из боярской костромской семьи Зерновых, и дед Соломонии - Константин Сверчок - ни в каком родстве с патрикеевскими не состоял.
- 45 Шмидт С.О. Новое о Тучковых, с.137 Судные списки, с.70.
- 46 Кодекс ГИМ, Синод. 791 обычно датируется на основании владельческой записи на л.1: "... смиренный архиепископ Феодосие Великого Новгорода и Пскова руку свою приложил лета 7051 (т.е. 1543) февраля в 22 день". Начнем с того, что запись эта сделана не Феодосием, а его учеником Евфимием Турковым (впервые отмечено Б.М.Клоссом, см. прим. 47). Почерка Феодосия на листах Синод. 791 не находим вовсе, зато встречаем здесь руку Евфимия Туркова, келейника Феодосия - Феодосия Плещеева (л.75 об.-77 об.), монаха Иеремии (л.87-93 об.), и пишут они на бумаге 60-х гг. XVI в., хранившейся в келье Евфимия и Иеремии (ср. сборники ГБЛ, Волж. 514, 572, 564, л.286-300а); л.1-94 - Лихачев 1863 (1563 г.), Брик 10930 (1551 г.), Лихачев 1891 (1567г.), 1878 (1567 г.). К этим тетрадам пришиты выписки Дмитрия Лалшина (л.172-186 - Ликкар, "голова быка", л.256-259, 1527-1541 гг.; Ликкар, "корона", л.73, 1545-1559 гг.), Евфимия Туркова (л.165-171, бумага сер. XVI в. без филиграней) и материалы Максимова архива (л.95-164 - Брик 12900, 1554 г., ср. ВАН, 17.13.10). Впервые в литературе правильную датировку сборника Синод. 791 дал А.Д.Седелников (Седелников А.Д. К изучению "Слова кратка" и деятельности доминиканца Вениамина. - Известия ОРЧС. Л., 1926, т.30, с.218, прим.1: третья четверть XVI в.), однако его выводы не были замечены исследователями.
- 47 Клосс Б.М. Максим Грек - переводчик повести Энея Сильвия "Взятие Константинополя турками". - Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1974 г. М., 1985, с.56; Буланнин Д.М. Переводы и послания, с. 71-72.
- 48 ГИМ, Синод. 791, л.125-125 об., 158. К грамоте Сулеймана приписана фраза: "Не ослабляй убо руку дружающимся за добродетель, не продолжай уныния спящим".
- 49 ЦГАДА, ф.181, № 748, л.563 об. (список сер. XVII в.).
- 50 ААЭ, т.1, с.141.
- 51 Там же, с.141, прим.1.
- 52 Там же, с.142.

- 53 Там же, с. 144.
- 54 Там же, с. 142.
- 55 Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1908, с. 151.
- 56 ААЭ, т. I, с. 141, прим. I.
- 57 Там же, с. 142.
- 58 Зимин А. А. Россия, с. 242-244.
- 59 Герберштейн С. Записки, с. 76, 148, 152, ср. с. 15.
- 60 Можно высказать предположение, что Василий Тучков выдал книжки эпитафии Альда Мавуция на одной из книг в максимовой коллекции — это могло быть издание Лексиконъ Свиди 1514 г. или Дидимовы толкования на Гомера, изданное в мае 1521 года (см. прим. 65). С мая 1502 года, когда впервые в греческой книге Альда появился знаменитый «якорь», до конца 1524 года (после этого среди Максим был лишен возможности получить французские издания) из типографии Альда и его преемника Торезано д'Азола вышли 54 греческие книги, каждая из которых могла послужить новодом послания Максима Василию Тучкову.
- 61 Шмидт С. О. Новое о Тучковых, с. 132.
- 62 Буланин Д. М. Переводы и послания, с. 85. Заметим, что Д. М. Буланин, разобрав состав латинской подборки из посланий Ютия в ВМ, упустил перевод послания Ютия к римлянам о опресноках — 721, Синод. 103, л. 662-663.
- 63 Шмидт С. О. Новое о Тучковых, с. 129-141.
- 64 Силицкая Н. В. Максим Грек, с. 248.
- 65 Повести о житии Михаила Клопского. Подготовка текстов и статья Я. А. Дмитриева. М.-Л., 1958, с. 164; ср.: Смирнов И. И. Очерки политической истории русского государства 30-50-х годов XVI века. М.-Л., 1958, с. 477-482. О реминисценциях Максима к гомеровскому эпосу см.: Буланин Д. М. Переводы и послания, с. 16-17. Тучков упоминает не издание гомеровских поэм, а какую-то книгу, где текст Гомера сопровождается «похвалами» Овидия. Если учесть, что греческие выходы пришел Д. М. Буланин), а единственное «библиографическое» описание, сделанное Максимом в послании Тучкова посвящено изданию Альда, то не лишено вероятности предположение, что Тучков имеет в виду Дидимовы толкования на Гомера (опубликованы Торезано д'Азолой в мае 1521 г.: Renouard Ant. Aug. Annales, p. 157).

КНИГА ЗАПИСЕЙ ЛИТОВСКОЙ МЕТРИКИ № 13
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В БЕЛОРУССИИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА

Одним из главных источников по истории землевладения в Белоруссии является Литовская Метрика (далее ЛМ), в том числе книги записей. Среди 220 книг записей ЛМ выделяется книга № 13. В отличие от других книг этой группы документы книги записей № 13 локализируются территорией Брестского воеводства, главным образом Брестского повета. Редкая книга ЛМ имеет такой локальный территориальный скват. Книга необычна и по своему составу. Документы в ней расположены по группам владельцев земли.

Эта книга не раз привлекала к себе внимание исследователей. Ее использовал М.К.Любавский при написании своей работы "Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута".¹ С.Л.Птавицкий в своей работе "Описание книг и актов Литовской метрики" определяет книгу записей № 13 как сборник привилеев, относящихся к г.Бресту и датирует ее создание 1554 г.² Его указания на хронологию и типы документов не точны. Конечно, автор не мог, ставя целью описание всего архива великокняжеской канцелярии, дать более широкую характеристику состава каждой книги, а также датировать входящие в книги документы.

Однако источниковедческому анализу книги записей ЛМ по истории Белоруссии не подвергались. Целью данной статьи является изучение книги записей ЛМ № 13 как источника по социально-экономической истории Брестской земли в I пол. XVI в. и главным образом феодального землевладения. Нуждаются в уточнении хронологические рамки книги, территориальное распределение ее документов, характеристика самих документов. Необходимо выяснить и причины создания подобной книги, столь географически узкой, с определенной систематизацией документов по группам владельцев земель, причины попадания докумен-

тов местной администрации в книгу, провести анализ форм записей книги по их содержанию, проанализировать информативные возможности документов книги для истории землевладения.

Книга записей № 13 ЛМ – рукопись второй половины XVI в. Переплет старый. Обложка представляет собой обтянутый двумя слоями кожи бумажный картон с вытесненным орнаментом на лицевой и тыльной стороне книги. В книге 139 листов. 83% документов книги записей ЛМ № 13 написаны кириллицей, остальные латиницей. Почерк и чернила кириллических документов книги везде одинаковые. Тем же почерком написаны заголовки к документам, точно соответствующие их содержанию. Это говорит о том, что заголовки составлялись в момент переписки книги. То, что книга № 13 была переписана с подлинной книги ЛМ, свидетельствует ее датировка, проведенная по водяным знакам. Водяные знаки: 1) В виде трех правильных окружностей – 3, 5, 6 см. в диаметре. Внутри первого круга изображена крестообразная стрела. Между первой и второй окружностью латиницей выписано "Leo Сапега Вел. кн. Лит. Канцелярия". Третья окружность построена в виде растительного орнамента и делится на четыре равных части крестиками. По Лауцявичюсу филиграня этого вида относятся к 1586 г. (№ 1866 – 1867). Бумагу с такими водяными знаками в 1586 г. выпускала I-я бумажная мельница в г. Вильнюсе³. В книге № 13 бумага с такими знаками занимает первые 115 листов книги. 2) Герб "Кирвис": в сердцеобразном картуше заключен топор. Высота знака 4 см., ширина 3 см. По Лауцявичюсу бумагу с такими филигранями (№ 1702) употребляли в 1573–1600 гг.⁴ Листы 116–137 книги № 13 имеют эти водяные знаки. Расположение филиграней в сетке вержеров и понтюзо подтверждает выше приведенную датировку производства этой бумаги. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что книга записей № 13 была составлена в конце XVI в. путем переписки с подлинной книги ЛМ. Однако эта книга не является обычной копией и отличается от других книг-копий ЛМ тем, что была переписана несколько ранее того, когда началась массовая переписка книг ЛМ. Хотя дата производства бумаги не означает, что в этом же году она была упот-

реблена в дело, не исключается и эта вероятность. Поэтому нижней хронологической границей составления книги записей № 13 ЛМ, как показывают филигрены, можно принять 1586 г. Тем самым, книга записей № 13 является более ранней переделкой подлинной книги ЛМ. В подтверждение этой мысли говорит и внешний вид книги (изношенность, старый переплет) отличающийся от обычных книг-копий конца 90-х гг. XVI в. А также то, что такой элемент начального протокола условного формуляра, как интитуляция, во всех документах книги № 13 шведских от великого князя, дан полностью в отличие от других книг-копий, где он часто сокращен.

Итак, книга записей № 13, хранящаяся ныне в ЦГАДА, фонд 309, является ранней переписанной книгой-копией 90-х гг. XVI в. Основная же переписка книг проводилась в конце XVI начале XVII вв. Во второй половине XVII в. подлинние книги в большинстве своем погибли. Однако, по сохранившимся книгам-копиям можно составить представление о подлинных книгах, в свою очередь представляющих собой копии документов, выдаваемых канцелярией Великого княжества Литовского (далее ВКЛ) челобитчикам. В подлинные книги вносились копии документов как исходящих от великого князя и шлох ради, так, вероятно, и поступавших к ним. Подобные книги текущих дел составляли Метрику ВКЛ. После записи в книги Метрики ВКЛ оригиналы документов выдвигались заинтересованным лицам за определенную пошлину, как доказал Ю.Бардах¹. В раннее время, вплоть до начала XVII в. копии документов вносились в книги метрики в хронологическом порядке. Затем документы стали группироваться и в зависимости от содержания вписываться в соответствующие книги - привилеев, жалованных, получивших название "записей", "дел судебных", "посольских" и др. Насколько строго соблюдался этот принцип, можно установить по книге записей № 13, где насчитывается около 10% судебных документов.

Эта книга написана на старобелорусском языке. Но имеются и примеси латыни. 17 документов книги записей № 13 написаны на латинском языке. Книга снабжена двумя реестрами содержания, вынесенными в начало книги. Это перечни заглавий дел. Один из них написан кириллицей, другой на польском языке.

Изучение реестра, написанного на старобелорусском языке (лл.14-21 об.), приводит к мысли, что в практике делопроизводства великокняжеской канцелярии было заведено правило, по которому при оформлении законченной книги составлялся порядковый перечень дел (их заглавия), который записывался перед началом дел. Этот реестр книги записей № 13 составлялся тем же лицом, что и сама книга, так как почерк идентичный.

Реестр на польском языке (лл.1-13 об.), является по существу переводом кириллического реестра и помещен перед ним. Водяной знак бумаги этого реестра напоминает кленовый лист размером 10х6 см. Бумага с такими филигранями употреблялась в последней четверти ХУШ в. Происхождение этого реестра связано с деятельностью в последней четверти ХУШ в. польского дворянского историка А.С.Нарушевича (1733-1796 г.), по указанию которого в 1786 г. все книги были переплетены, обозначены буквенными индексами и тогда же были составлены польские переводы реестров этих книг⁶.

Анализ документов книги записей № 13 позволил уточнить данную ей С.Л.Пташицким хронологию. Хронологические рамки входящих в книгу документов раздвигаются, с одного 1554 г., как полагал С.Л.Пташицкий, на более чем полстолетие (с 1486 по 1556 гг.). Наиболее ранний документ книги - это известительная грамота великого князя Казимира от 5 марта 1486 г. к населению Ваганова и его окрестностей о том, что он копящему своему виленскому и дворному пану Михайлу двор Ваганов и приселки Светичово и Поинквы отдал. Наиболее поздний документ, касающийся спора о земле между попом Матином из местечка Дорогичена и землянином Станиславом Издебским, датирован 1556 г.⁸

Распределение документов книги записей № 13 по годам можно представить в виде следующей схемы.⁹

Хронология	Количество документов
I половина ХУІ в.	83
II половина ХУІ в.	12
I четверть ХУІ в.	11
II четверть ХУІ в.	75
I десятилетие ХУІ в.	6

Хронология	Количество документов
7-е гг. XVI в.	14
10-е гг. XVI в.	15
15-е гг. XVI в.	27
10-е гг. XVI в.	20
XV в.	2
1486 по 1556 г.	100*

Основная масса документов относится ко второй четверти XVI в., особенно к 40-м годам XVI столетия. Значительно меньше документов датируется I четвертью XVI столетия, особенно первым десятилетием, где их всего 6. В книгу внесено по 6-7 записей в некоторые годы, как, например, в 1529, 1547, 1549, 1550, 1552 гг. За некоторые же — по одной записи, как, например, в 1486, 1498, 1510, 1513, 1514, 1516 и другие годы. На многим годам, особенно I четв. XVI в. записей вовсе нет. В двух документах дата не проставлена. По схеме можно судить о времени формирования подлинной книги записей № 13, а также об интенсивности работы канцелярии над ней. Возможно книга была составлена в течении всего промежутка времени с 1486 по 1556 гг. Копия же второй подлинной книги была создана значительно быстрее, может быть в течении года, в результате переписки с подлинной.

Расположение материала в книге дает основание думать, что книга-копия ЛМ № 13 заключает в себе две подлинных книги ЛМ, что, как доказал Н.Г.Бережков, при переписке книг делалось часто ¹⁰. При анализе состава книги нетрудно заметить, что она распадается на две части, самостоятельные по географическому признаку и по способу группировки документов. Первые 67 документов книги сгруппированы по адресатам: "Листы Гречановича", "Листы Колтевичов" и т.д. и относятся только Брестской земле, а затем следует 33 документа, относящихся уже только к Дорогичскому и Мельницкому поветам без группировки по адресатам. Таким образом, можно думать, что здесь переписаны две подлинных книги в одну копию.

Книга-копия записей ЛМ № 13 была переписана в конце XVI в. одним человеком, что видно по почерку. Подлинная же книга, с которой снималась эта копия, как и документы, выдававшиеся на руки подолбанным писались многими писарями. Голь-

шая часть документов книги написана великокняжескими писарями (см. таблицу I).¹¹ Хотя не исключено, что документы писались не писарями, но дяками (особенно те, которые означены г. Вильно), а писарь при этом присутствовал и подписывал их. Дяки в великокняжеской канцелярии находились в подчинении писарей и выполняли техническую работу. Такого значения придерживается польский историк Ю. Бардах.

Из таблицы I видно, что свыше 50 документов, занесенных в книгу, написаны 12 писарями великого князя. Среди них 4 писаря латинских званий "секретарями" — это Станислав Якоби, Станислав Комарский, Иван Филип и Валериян. Им на латинской книге составлено более 11 документов книги записей № 13. Больше всего документов этой книги изготовлено русским писарем Иваном Горностаем — 18. Его деятельность как писаря по этой книге прослеживается от 1513 по 1551 гг. По 7-6 документов составлено писарями: Коптем Васильевичом, Михайлом Васильевичом, Валерияном и Патеом. Последних два трудились в 40-е гг. XVI столетия. Михайлом Васильевичом подписаны документы 30-х гг. XVI в., а деятельность Коптя Васильевича как писаря падает на 1514-1530 годы. Писаря трудились над составлением этих документов как при великокняжеской канцелярии в Вильно, так и во многих других местах государства, а также за пределами княжества во время поездок великого князя, находясь при нем. В таблице I это видно по месту датировки возникавших документов.

Великокняжеские писари занимали довольно высокое положение в системе служебных отношений. Среди писарей книги записей № 13 наивысшее служебное положение занимают Иван Горностай, Копоть Васильевич, Богущ Боговитинович, Михайло Васильевич. Книга записей № 13, охватывающая документы более чем за 50 лет, позволяет определить не только период деятельности писарей и других лиц из великокняжеской и местной администрации, но и показывает движение их по служебной лестнице. Что касается писарей, то из таблицы I видно, что в начале своей карьеры они просто писари, затем становятся державцами в небольших населенных пунктах, а потом уж маршалками, подскарбиями земскими. Так, Иван Горностай, будучи

писарем уже в июле 1513 г., назван наместником дорсунишским в июне 1527 г., маршалком в марте 1530 г., подскарбием земским в 1533 г., а к концу своей карьеры был одновременно воеводой новгородским, маршалком надворным, подскарбием земским, писарем, старостой слонимским, державцей кревским.¹³ Копоть Васильевич — 5 мая 1514 г. упоминается как наместник жижиорский, 28 июня 1529 г. — как маршалок, а в документе книги записей № 17 ЛМ от 9 августа 1530 г. к перечисленным выше добавляется еще — пан державца медницкий и перелальский¹⁴. Михайло Васильевич 26 июля 1531 г. был наместником мельничским, в январе 1538 г. значится уже державцей кревским и мельничским, а в июле 1543 г. еще и державцей волковийским. Писарь Богусь Богонитинович в 1522 г. упоминается как пан маршалок, подскарбий земский, державца каменецкий.¹⁵ Латинский писарь Станислав Коморский назван маршалком в документе книги записей № 13 от 11 июля 1550 г.¹⁶

Занятие такого высокого положения в управленческой деятельности давало возможность писарям участвовать в общественно-политической жизни в государстве. Они принимали участие в работе сеймов, часть из них имела доступ в великокняжеский совет т.н. паны рада.¹⁷ Являясь наместниками и державцами, писаря чинили суд и управу на своих территориях.

При отправлении своей должности писари получали часть платы за выданный документ. А сами назначения их на должности, видимо, следует рассматривать, как "кормление", как одно из средств содержания их за службу. Иметь в своем управлении наместничество, державу было очень выгодно.

Кроме того, писари становились нередко довольно значительными землевладельцами. Используя свое служебное положение — близость к великому князю и правящим кругам — они часто обращались с просьбами о пожаловании им земель. Эти челобитья, как правило удовлетворялись. Так, писарь Копоть Васильевич имел имение Гошово в Слонимском повете. В 1516 г. великий князь Сигизмунд I дал ему в обмен более крупное имение Вейсей в Гродненском повете с прибавкой 20 служб людей в Переломском повете "со всеми тых людей цршии, с поборы, с службы, з работими и з их уходом, и з землями пчель-

ными в наших лесах."¹⁸ Кроме того, по листу, данному в Переломе 17 мая 1530 г., к Коптю отошла сенсжагь и люди именин Сонтоттовичи в поветах Переломском и Черевальском - всего 6 служб вблизи имения его Вейсеи. Затем последовал привилей великого князя на пожалование ему пущи между реками Гнедой и Инчюй. На все это Копоть взял великокняжесков подтверждение от 9 августа 1530 г.¹⁹ Таким образом к 1530-г. у него оказалось на руках уже около 5 великокняжеских листов "твердостей" - данин, привилеев, подтверждений - частный архив. Недаром он легко выиграл земельный спор, когда крестьяне - осочники, неоднократно на него жаловавшиеся из-за притеснений и захватов земли с его стороны, обратились, наконец, к великому князю за помощью. В это время, писарь Копоть представил выехавшему для разбора тяжбы воеводе полоцкому палу Петру Станиславовичу "листы-твердости" на эти земли, которые он заблаговременно взял у великого князя и выиграл спор, как имеющий документы.²⁰ По статуту 1529 г. иски решались в пользу представившего документы или, если их нет в пользу выставившего достойных свидетелей. Конечно, крестьяне не имеющие таких возможностей оградить свои земли письменными документами, проигрывали дело.

Часто употребляемая в документах клика JM титуловка писарей "пан" - указывает на их социальный статус. В большинстве своем писари набирались из среды господствующего класса. Но по своему имущественному и социальному положению они сильно разнились между собой - от пана-землеуладельца до безземельного дворянина, от обыкновенного писаря до маршалка и воеводы.

Помимо документов, написанных великокняжескими писарями или под их присмотром и засвидетельствованных их подписями, книга записей № 13 содержит еще 28 документов, в которых отсутствуют подписи писарей и указания на того, кто их писал.²¹ Разбор всех этих документов приводит к выводу, что эти акты исходят от местной администрации: от воевод виленьского и новгородского, от старост и подстарост берестейского, меляницкого, доричинского, от заместника берестейского, от подсудков и служебников. Большая часть документов являются

по своему характеру судебными, часть "увязными" (на ввод во владение), часть по административным распоряжениям. И хотя нет указания в источнике, кто писал эти документы, нетрудно догадаться, что они создавались писарями и дьяками при местной администрации. Предшествующая литература тоже признает существование писарей и дьяков при местных правителях. М.К.Любавский считает, что при наместниках-державцах были дьяки, а при старостах и воеводах, кроме дьяков, еще и писари.²² С этим можно согласиться.

Обычно такая документация оседала в поветовых городских и земских книгах. Каким же образом эти 28 документов оказались в одной из книг великокняжеской канцелярии? Размышление над этим фактом приводит к мысли об еще одной интересной особенности работы великокняжеской канцелярии. А именно, к тому, что в книги ЛМ заносилось немало копий с документов, написанных на местах. Подлинники их оставались на руках у владельцев, а копии их можно найти и в книгах местных канцелярий. В канцелярию великого князя они, видимо, попадали через административных лиц, которые почему-либо считали нужным занести их в государственный архив, так и через частных лиц, при обращении их к великому князю за подтверждением данных им на местах листов. В книгах ЛМ имеется много подтвердительных грамот, в которые вписаны местные листы. Так, 16 апреля 1529 г. пан Федор Михайлович Вагановский выиграл тяжбу о земле с токаревскими крестьянами и получил судебный лист. А 28 июля того же года он получил подтверждение на эти земли.²³ Сначала в книгу записей № 13 ЛМ был вписан лист судебный, затем копия подтверждения на него. При вписывании таких документов в книги ЛМ, эта работа вероятно исполнялась дьяками. Поэтому нет на таких копиях подписи писаря, а также этим можно объяснить пропуски в датировке документов. Часто отсутствует индиктильный счет, встречаются пропуски числа, месяца, года, места выдачи, чего нельзя сказать о документах, оформленных великокняжескими писарями.

Большой интерес представляет состав книги записей № 13 по форме и содержанию ее документов. Терминология самоназ-

ваний актов книги записей № 13 ЛМ отличается большим разнообразием. Для наглядного представления в таблице 2 показаны встречающиеся разновидности записей по терминологии источника и по современной русско-язычной классификации актов²⁴. Принципы такой классификации, в том числе и актов ЛМ, разработаны в трудах советских историков С.М.Каштанова,²⁵ А.Д.Хоросhevич,²⁶ Н.П.Ковальского²⁷. 17 форм записей на основании их содержания и формы могут быть объединены в 12 разновидностей грамот.

Ввиду того, что часть документов написана на латинском языке, то и наименования их тоже латинские. Это - конфирмация - подтверждение (от лат. confirmo - подтверждать), рекогницио - рассмотрение (от лат. recognitio - смотр), литерэ - распоряжение (от лат. litterae - указ), ремиссио - отмена (от лат. remissio - освобождение), позицио - положение (от лат. positio - положение). Слово "выведанье" в делопроизводстве того времени обозначало запись свидетельских показаний, "оповеданье" имело значение жалоба.

Больше всего в книге записей № 13 следующих разновидностей записей: "лист" (жалованная данная, жалованная указная грамота), "лист-подтверждение" (жалованная подтвердительная, жалованная данная подтвердительная грамота), "привилеи" (жалованная данная, уставная, уставная подтвердительная грамота) "лист судебный" (судная грамота). Книга записей № 13 ЛМ выделяется среди других книг этой группы и тем, что она включает значительное количество документов, вышедших от местной администрации, а именно 30%. 70% документов книги были изданы от имени великого князя.²⁸

Среди документов книги записей № 13, вышедших от великого князя по содержанию и форме выделяются следующие разновидности "листов": I. "Листы - распоряжения или указные грамоты, направленные местной администрации по хозяйственным и финансовым вопросам: "Лист" Сигизмунда I от 9 июня 1523 г. старосте берестейскому Прию Ивановичу Ильинича, "абы пану Рафаку Прокулеевичу кривду в млине под Буркрабичами чинити не казал",²⁹ "Лист" Сигизмунда I от 1537 г. старосте Александру Ивановичу Ходкевичу, "абы подданного Матеи Зкглиговского при земли Роденинской в повете Берестейском чаховид".³⁰

Всего великокняжеских "листов" этой разновидности в книге насчитывается 12.

2. "Листы" - пожалования или жалованные данные грамоты о предоставлении земельных владений и крестьян феодалам: "Лист" Сигизмунда I от 17 июня 1527 г. маршалку и писарю пану Копцю Васильевичу "на ставищо старое людей кодерских и русиловских в повете Берестейском на реце Пивони",³¹ "Лист" Сигизмунда I от 8 октября 1536 г. попу Станиславу ломазскому церкви Святого Николая "на две земли от короля данные",³² "Лист" Сигизмунда I от 18 января 1539 г. землянину Гаврилу Гричиновичу "людей осаживать на певных дубровах Воинских, померяючи волоки, а ему как войту десятую волоку и куг земли на фольварок до воли господарское",³³ Всего таких "листов" от великого князя в книге записей № 13 - 9. "Листы-пожалования", как и "привилеи", о которых будет сказано ниже, объединяются в одну разновидность жалованных данных грамот. Они показывают главным образом, процесс перераспределения земельного фонда, рост частного землевладения за счет государственного. В этих грамотах отражается образование средней и мелкой феодальной земельной собственности, преимущественно светской и формы перехода земель в частное владение.

3. "Листы" - ознакомительные или известительные грамоты: "Лист" короля Казимира от 5 марта 1486 г. людям вагановским, светичовским и пониковским, "ознаймучи их его королевская милость конюшему своему виленскому и дворному пану Михайлу двор Ваганов и приселки Светичово и Поники отдати рачил".³⁴ По своей сущности, эта грамота является фактом оформления отношений господства и подчинения в феодальной деревне.

4. "Листы-подтверждения" или подтвердительные жалованные и подтвердительные жалованные данные грамоты о подтверждении ранее данных или приобретенных земельных владений и крестьян феодалам: "Лист-подтверждение" Сигизмунда I от 15 июля 1513 г. землянину Павлу "на корому волыну в 5 чачех и на жеребья Поповский и Денисовский вечностью",³⁵ "Лист-подтверждение" - Сигизмунда I от 7 июня 1515 г. землянину Павлу Горбовскому "на став и влян его на ставищи Вобедевском веч-

ностью³⁶ и др. В книге записей № 13 ЛМ насчитывается 9 таких листов. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что земля которая жалуется тому или иному лицу, по различному называется. По книге записей № 13 можно насчитать 11 названий, упоминаемых в документах. 18 раз при пожалованиях земли употребляется термин "село", но 7 раз "имение", "жеребий", "земля", "остров земли", несколько реже упоминается "обруб земли", "ставище", "дворище", "приселки", "урочища", "кут". Термины "дворище", "жеребий" и "земля" характерны для этой территории при обозначении земельных единиц в начале XVI века. Термин же "село" употребляется ближе к середине XVI века. А в общем такой набор в терминологии объясним, так как каждый из них обозначал различные по своим размерам земельные пожалования. Ясно, что "дворище", "жеребий" — это более мелкая земельная единица, чем "имение" и "село", а "обруб земли", "кут" еще более мелкая, чем "дворище" и "жеребий". М.К.Любавский считает, что название "дворище" указывает на то, что эта земельная единица была совладением крестьянской семьи или рода, жившего на одном дворе. А название "жеребий" указывает на первоначальный долевое деление земли между крестьянскими семьями, или родами, селившимися вместе.³⁷ Вводимая же исподволь здесь волочная система еще пока не вытеснила старинного деления крестьянских земель на "жеребьи". Поэтому они так часто встречаются в актовых документах.

Близкими по содержанию с "листами-подтверждениями" в книге записей № 13 являются 13 документов с самоназванием "подтвержение" и "конфирмация" или подтвердительные жалованные грамоты и подтвердительные уставные грамоты. В зависимости от того, представителями каких социальных классов они выдавались, могут быть разделены на следующие группы:

б) подтвердительные грамоты владетельным лицам ("землянам") на владение недвижимым имуществом (землей): "Подтвержение" Сигизмунда I от 6 июня 1549 г. листа землянина печатского Мица Байчица даного ему "на войтовство и на злеценье ему села",³⁸ "Подтвержение" Сигизмунда I от 10 июня 1543 г. землянину дорожницкому Криштофу Бориковскому" на обруб земли Мошенское на вечность³⁹ и др. . . .

б) подтвердительные грамоты духовенству: "Потверженье" Сигизмунда I от 29 мая 1523 г. Михайлу Андреевичу протопопу берестейскому "на дворине Сыччинской Добрятичах к церкви в Берестеи за Муховцом вечностью",⁴⁶ "Потверженье" Сигизмунда I от 30 ноября 1537 г. полу с Полорцов Семену Михайловскому "на земли, огороды присужовие"⁴⁷ и др. ...

в) подтвердительные грамоты мещанам: "Потверженье" Сигизмунда I от 8 октября 1533 г. мещанину Нестеру Некрашевицу "на землю в повете Берестейском в Добрятичах Зеньковщину, вечностью на цингу".⁴⁸ "Привилей-потверженье" Сигизмунда I от 4 января 1548 г. мещанину Матвею Хадинскому "на землю с домами, огородами в месте Дорогичком по небожичку Андрею Черным"⁴⁹ и др. ...

Приведенная выше разбивка подтвердительных грамот по социальным группам свидетельствует о наличии на этой территории трех форм феодального землевладения – светских феодалов, церковного и мещанского. Земельной собственностью в Белоруссии в это время обладали как на правах условного владения, так и на правах потомственного вотчинного владения. Условность феодальной земельной собственности основывалась на том, что мелкие и средние феодалы получали от великого князя (а иногда и от крупных феодалов) землю на определенных условиях, за выполнение военной службы. По терминологии документов книги записей № 13 этот вид пожалования обозначался – "до воли господарской", "до ласки господарской", "до живота", последнее пожалование было пожизненным. Термин "на вечность" означал пожалование в вотчинное потомственное владение.

Не менее распространенным видом записи в книге являются "привилеи" или жалованные данные и уставные грамоты. К этому виду записей близки по содержанию "лист-пожалования". Они фиксируют пожалования шляхте, представителям местной администрации на земельные владения, на занятие административных должностей, устанавливают юридически статус различных групп населения. В книге записей № 13 насчитывается 15 "привилеев". Вот некоторые из них: "Привилей" Сигизмунда

1 от 30 июня 1533 г. войту рокитницкому Павлу Васильевичу "на войтовство киевецкое вечностью данный,"⁴⁴ "Привилей" Сигизмунда I от 15 октября 1523 г. пушкарю берестейскому Марку Зубрицкому "на три земли пустовских в повете Берестейском вечностью,"⁴⁵ "Привилей" Сигизмунда I от 15 мая 1516 г. Николаю Ликгозе "на войтовство милейчицкое да живота,"⁴⁶ "Привилей" Сигизмунда I от 7 апреля 1522 г. на право магдебургское "на место Вринское в повете Берестейском,"⁴⁷ "Привилей" Сигизмунда I от 22 ноября 1529 г. войту корницкому Павлу Кривцевичу "на приданье ему к тому войтовству двух волок земли"⁴⁸ и др... В динной разновидности грамот имеется немало документов, связанных с войтовством. Кроме информации о самой этой должности, они могут быть использованы как источник по феодальному землевладению. Так как за отправленные своей должности войт наделялся землей, то по этим грамотам можно проследить кому, где и сколько давалось земли. Это был один из путей формирования мелкого и среднего частного землевладения.

В состав книги записей № 13 ЛМ входит 30 документов исходящих от местной администрации - воевод, старост, подстарост, наместников, подсудков, служебников. В таблице 2 - это позиция № 13 - 17. "Листы" местной администрации можно разбить на четыре группы: 1) "Листы увязчие" или ввязчие грамоты, 2) "Листы судовце" или судные грамоты, 3) "Листы на отмену" или жалованние меновнице грамоты, 4) "Листы" - указные грамоты.

Ввязчие грамот в книге записей № 13 ЛМ - 9. Ввязчая грамота фиксировала ввод во владение именован, на которое была выдана жалованная грамота великого князя или по поводу которого велось судебное разбирательство. В книге имеются оба вида этих грамот. Так, после пожалования великим князем Сигизмундом I войту Петру Борыховскому земли в селе Журобичох Мельницкого повета, последовал "увязчий лист" старосты мельницкого Николая Андрушевича от 13 апреля 1535 г. на ту же землю.⁴⁹ Ввязчей грамотой, появившейся в результате судебного разбирательства, был "лист" воеводы виленского старосты берестейского Николая Радивиля от 13 апреля 1551 г. пошу полонезкому Семену Михайловскому "на став и млын ему

подлуг листу судебного подсудка пана Матея Левицкого.⁵⁰ Увязчей грамотой оформлялось также пожалование великого князя на должность войта. К примеру, в 1540 г. Сигизмунд I дал Павлу Хибовскому привилей на войтовство в селах Селпице и Клепачеве Мельницкого повета, а в 1543 г. староста мельницкий пан Никодим Янович Стехоновец выдал ему на них "лист уязчий".⁵¹

Судних грамот в книге записей № 13 ЛМ - 8. Большой частью они представляют собой решения старост по земельным спорам между землевладельцами и крестьянами. Вот некоторые грамоты этой группы: "Лист судовой" старосты берестейского от 18 августа 1539 г. между подданными господарскими Лебедевцами и пушкарем берестейским Марком Зубрицким "о вступованье их квалтовное в пруд и став его и о иншие шкоды,"⁵² "Лист судовой" старосты берестейского Александра Ивановича Ходиевича от 30 декабря 1547 г. между попом половецким Семеном Михайловичом и людьми половецкими "о землю Верхнура",⁵³ "Лист судовой певних судей от 16 апреля 1529 г. межи панями Вагановскими и людьми господарскими Токаревскими о землю Пужицкую и Токаревскую"⁵⁴ и др. Сюда же относится одна судная грамота великого князя Сигизмунда I от 16 мая 1523 г. "Вырок межи землинном берестейским Иваном Волковицким з братью и землянами берестейскими Васковичами о именье Токари."⁵⁵ Во всех трех приведенных примерах феодальный суд правыми нашел представителей класса феодалов. Здесь видны попытки борьбы крестьян за землю и деятельность феодального суда как органа классового государства, охраняющего привилегии господствующего класса от их нарушений со стороны эксплуатируемого населения. Четвертая грамота рисует борьбу двух феодалов между собой за обладание земельным участком и право эксплуатации крестьянского труда. Судебные тяжбы отражают земельные отношения. Попытки крестьян добиться положительного решения своих дел не давали никаких результатов. Спорная земля закреплялась за феодалами, а крестьяне получали отказ в иске. Таков был суд охраняющий интересы господствующего класса.

В книге записей № 13 имеется 6 жалованных меновных грамот. Примером таких грамот является "лист" старосты берестейского от 12 мая 1550 г. землинну Александру Кучуку "на

отмену за земли его в Киевцы, в померу волочную взятие",⁵⁶ а также "лист" старосты берестейского от 8 сентября 1552 г. Коптевичам "на отмену за земли их имения Опольского на померенье волок взятие"⁵⁷ и др. Эта новая разновидность документов середины XVI века. Своим появлением эти грамоты обязаны проведению аграрной реформы Сигизмундом Августом, первые пробы которой проводились на этой территории. Предпосылкам, ходу и результатам этой реформы посвящена монография В.И.Пичеты, — "Аграрная реформа Сигизмунда Августа в Литовско-Русском государстве." Он подчеркивал, что усиливающееся значение товарообмена с Западной Европой, влекло за собой ряд хозяйственных мероприятий со стороны правительства ВКЛ по поднятию производительности и доходности господарского дворового хозяйства.⁵⁸ Одной из важных сторон аграрной реформы было упорядочение государственного земельного фонда, которым правительство могло бы распоряжаться для своих нужд. Проводилось разграничение государственных и частных земельных владений. Государственные владения округлялись за счет частных, но последним за это выдавались соответствующие отмены. В отличие от аналогичных правительственных мероприятий в Русском государстве, где правительство мало заботилось о судьбе испомещенных собственников, в ВКЛ владельцам земли за отнятый участок давался равноценный в другом месте, так называемая отмена. Эти процессы и нашли свое отражение в меновных грамотах середины XVI в. Изучение этих грамот позволяет проследить аграрные мероприятия правительства с целью налаживания рационального предпринимательского сельского хозяйства, рассчитанного главным образом на удовлетворение потребностей внешнего рынка, а также на приобретение надежного источника материальных средств для проведения внутренней политики.

Четыре не великокняжеские указные грамоты, входящие в книгу записей № 13, как и все документы подобного типа, являются распоряжениями вышестоящей местной администрации к низшей. Это — "Лист" воеводы виленского, старосты берестейского Миколая Радивиля от 4 апреля 1550 г. намеснику в Войне "абы дворанина Гаврилу Гричановича при цойтовстве, фольварку, корчме и волоках водле листу короля заховал"⁵⁹, "Лист" того

же Николая Радивиля от 20 января 1553 г. подстаростему берестейскому Станиславу Гомляю," абы подданных повету Берестейского в повинности жадине не приворочали, аоставили при старине до присаду пана Андрея²⁰ и др.

Таким образом, произведенный выше анализ документов, входщих в книгу записей № 13 ЛМ, в которых отразилась социально-экономическая история Брестской и части Поддольских земель в I пол. XVI в., свидетельствует о больших потенциальных возможностях источниковой информации этой книги. Геднообразна тематическая предстванительность входящих в книгу записей № 13 документов. Это жалованные и подтвердительные грамоты местечкам, "привилей" на магдебургское право, грамоты, касающиеся отдельных слоев населения. Однако основная масса документов книги записей № 13 - 65% может быть использована для изучения землевладения на этой территории. Причем 30 документов из них являются сугубо земледельческими и представляет собой жалованные данные и жалованные подтвердительные грамоты на землю. Остальные так или иначе связаны с землевладением. Сведения, содержащиеся в этих грамотах позволяют сделать ряд наблюдений по истории землевладения на этой территории в I половине XVI в. Раздача великим князем земельного фонда была одним из путей образования частной земельной собственности. Через выслугу и куплю земли крупные феодальные вотчины стали создаваться в Белоруссии в конце XIV-XV вв. К началу XVI в. мы застаем их уже в расцвете. Их дальнейшее развитие происходит в I пол. XVI в. Наряду с крупным землевладением, протерпевало значительные изменения, неразрывно с ним связанное, среднее и мелкое землевладение. Документы книги записей № 13 ЛМ отражают в большей степени землевладение именно мелких и средних светских феодалов. По этой форме землевладения также видны наступившие изменения в структуре формирования частной земельной собственности. В таблице 2 четко просматривается баланс между жалованными данными и жалованными подтвердительными грамотами. Это говорит о том, что сократились раздачи земель великим князем, в книгу больше заносится подтвердительных грамот на ранее приобретенные земли, ужесточается борьба за

земли внутри класса феодалов, все чаще ставится вопрос о перераспределении земельного фонда, увеличивается число судебных грамот. Дальнейшие пути приобретения земли несколько изменились. К началу XVI в. в основном закончилось распределение земли между прослойками класса феодалов и началось ее перераспределение. Как неизбежный результат этого усиливается внутриклассовая борьба. Мелкие собственники находятся в постоянном страхе перед всемогущим магнатом за судьбу своего небольшого владения. Этот страх оказаться поглощенным более сильным соседом, толкает его приобретать юридические "крепости" на свою собственность. В результате в книгах записей увеличивается число подтвердительных грамот. Возрастает число судебных исков, при разбирательстве которых также требуется предъявлять документальное доказательство своих прав на землю. И владельцы земли стремятся застраховаться ими. У них откладываются собственные небольшие архивы. Отражение формирования таких архивов, хорошо видно по книге записей № 13, где по 15 адресатам отложено по несколько документов. Одним из примеров таких групп документов в книге записей № 13, являются "листы" землянина Гаврилы Гричиновича. В 1521 г. он получает жалованную грамоту великого князя на войтовство Воинское.⁶¹ В 1539 г. великий князь Сигизмунд I жалует ему кут земли на фольварок на условном праве владения.⁶² В этом же году он получает вязкую грамоту старосты берестейского пана Александра Ходкевича.⁶³ Далее следуют две указные грамоты по тому же владельцу: 1) от 4 апреля 1550 г. маршалка земского ВКЛ Миколая Радзивила к наместнику в Войне, чтобы при всех пожалованиях короля его оставил⁶⁴ и 2) от 1552 г. короля к Миколаю Радзивилу, чтобы дал информацию по делу Г. Гричиновича.⁶⁵ По таким группам документов, относящихся к одному лицу, в книге записей № 13 прослеживается вся процедура оформления земельного пожалования, от получения великокняжеского пожалования до введения во владение через вязкую грамоту. Это очень интересный материал по истории фамильного землевладения.

Таким образом книга записей № 13 ЛМ является ценным источником по истории землевладения в Белоруссии в I пол.XVI в.

Анализ состава входящих в нее документов позволяет сделать ряд наблюдений по этой теме. Информационную отдачу книги записей № 13 ЛМ можно еще усилить, если провести формулярный анализ ее документов.

- 1 Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута. М., 1892, с. 780.
- 2 Пташицкий С.Л. Описание книг и актов Литовской метрики. СПб., 1887, с.82.
- 3 Лауцявичю Э. Бумага в Литве в XV-XVIII вв. Вильнюс, 1967, с.267.
- 4 Там же, с.126.
- 5 Bardach J. Studia z ustroju i prawa Wielkiego księstwa litewskiego XIV-XVII w. W-wa, 1970, s.371.
- 6 Ptaszycki S. Encyklopedia nauk pomocniczych historii i literatury polskiej. Lublin, 1921, s.216.
- 7 ЦГАДА, ф.389, кн. зап.13, л.87 об.
- 8 Там же, лл. 107-108.
- 9 Подсчитано по: кн.зап.13 Лит.метр., л.22-137 об.
- 10 Бережков Н.Г. Литовская метрика как исторический источник. М.-Л., 1946, с.101-103.
- 11 Составлена по кн.зал.13 Лит.метр. л.22-137 об.
- 12 Bardach J. Op.cit., s.362-363.
- 13 ЦГАДА, ф.389, кн.зап.13, л.41об.; 36об-39об.; 34об.-35; Wolff J. Senatorowie i dygnitarze WKŁ. 1386-1795. W-wa, 1885, s. 256-264.
- 14 ЦГАДА, ф.389, кн.заш.17, л.94-95.
- 15 Русская историческая библиотека. СПб., 1903, т.20, с.1133-1135.
- 16 ЦГАДА, ф.389, кн.зап.13, лл.43об.-44.
- 17 Любавский М.К. Литовско-русский сейм. М., 1900; Малиновский И.А.Сборник материалов, относящихся к истории панов-рады Великого княжества Литовского. Томск,1901.
- 18 ЦГАДА, ф.389, кн.зап.7, л.628.
- 19 ЦГАДА, ф.389, кн.заш.17, л.94-95.
- 20 Там же (9.УШ.1530).
- 21 Там же, л.22-137 об.

- 22 Любавский М.К. Областное деление, с.667,817-818.
- 23 ЦГАДА, ф.389, кн.закл.13, л.80об.-87.
- 24 Таблица составлена по: ЦГАДА, ф.389, кн.закл.13, л.1-139.
- 25 Каштанов С.М. К вопросу о классификации и составлению ва-
головков жалованных грамот. - Исторический архив. 1956,
№ 3; Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики. М., 1970.
- 26 Хорошкевич А.Л. Жалованные грамоты ЛМ конца XV в. и их
классификация. - В кн.: Источниковедческие проблемы исто-
рии народов Прибалтики. Рига, 1970, с.47-74; Хорошке-
вич А.Л. Каштанов С.М. Правила издания кириллических
текстов "Литовской метрики". Проект, М., 1982.
- 27 Ковальский Н.П. Источники по истории Украины XVI-XVII вв.
в Литовской Метрике и фондах приказов ЦГАДА. Днепрпет-
ровск, 1979.
- 28 Подсчитано по: ЦГАДА, ф.389, кн.закл.13, л.1-139.
- 29 ЦГАДА, ф.389, кн.закл.13, л.80.
- 30 Там же, л.30-39 об.
- 31 Там же, л.44 об.
- 32 Там же, л.34 об.-35.
- 33 Там же, л.25-26 об.
- 34 Там же, л.87 об.
- 35 Там же, л.29-29 об.
- 36 Там же, л.48об.-49 об.
- 37 Любавский М.К. Областное деление, с.714.
- 38 ЦГАДА, ф.389, кн.закл.13, л.35-36.
- 39 Там же, л.133об.-135.
- 40 Там же, л.54-54 об.
- 41 Там же, л.60-60 об.
- 42 Там же, л.53-53 об.
- 43 Там же, л.98об.-100.
- 44 Там же, л.37об. - 38 об.
- 45 Там же, л.47об.-48 об.
- 46 Там же, л.75об. - 76об.
- 47 Там же, л.22-24.
- 48 Там же, л.115.
- 49 Там же, л.130 об. - 133 об.
- 50 Там же, л.63-65 об.
- 51 Там же, л.119об.-121 об.
- 52 Там же, л.50об.-51 об.
- 53 Там же, л.61-63.

- 54 Там же, л.80-81 об.
55 Там же, л.87об. - 89.
56 Там же, л.89об. - 90 об.
57 Там же, л.43об. - 45.
58 Пичета В.И. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве. М., 1958, с.35.
59 ЦГАДА, ф.389, кн. зап.13, л.27об.-28.
60 Там же, л.69-70.
61 Там же, л.25 об.-26.
62 Там же, л.26-26 об.
63 Там же, л.26 об.-27 об.
64 Там же, л.27об.-28.
65 Там же, л.28-29.

Таблица 1

Документы книги записей № 13, вышедшие за
подпись великокняжеских писарей

№	Ф.И.О. писаря	Занимаемая им должность кроме писаря	Кол. док.	Датировка документов	Место напи- сания доку- ментов				
1	2	3	4	5	6				
1	пан Иван Горно- отай (Иванка)	Подскарбий земский, маршалок надворный, наместник доросунжский	18	15 июля 1513	Мельник				
				29 мая 1523	Краков				
				29 мая 1523	Краков				
				9 июня 1523	Краков				
				17 июня 1527	-				
				18 июня 1529	Вильно				
				9 сентября 1529	Вильно				
				22 ноября 1529	Вильно				
				18 марта 1530	Краков				
				30 июня 1533	-				
				15 октября 1533	Краков				
				7 июня 1535	Вильно				
				8 октября 1536	-				
2	пан Копоть Василь- евич	маршалок, наместник, дер- жавца медниц- кий и пере- вляцкий	7	5 мая 1514	Вильно				
				15 мая 1516	Вильно				
				1 ноября 1521	-				
				28 июня 1529	Вильно				
				16 ноября 1529	Бельск				
				30 ноября 1522	Петриков				
				11 октября -	Луков				
				3	пан Михаил Василь- евич Свинюк	наместник, мель- ницкий, дер- жавца кревс- кий, волко- выйский, мед- ницкий	7	26 июля 1531	Краков
								8 октября 1533	Вильно
								8 октября 1533	Вильно
18 марта 1537	Краков								
2 января 1538	Краков								
13 апреля 1539	Краков								
10 июля 1543	Краков								

1	2	3	4	5	6
4	пан Бо- гуш Боговити- новитинович	подскарбий земск.	2	7 апреля 1522	Торунь
				20 января 1516	Берестье
5	Патей	-	4	10 мая 1548	Берестье
				5 октября 1549	Краков
				6 июня 1549	-
				14 февраля 1550	Краков
6	Валериян	-	6	1 марта 1547	Вильно
				3 марта 1547	Вильно
				11 октября 1548	Радомля
				20 февраля 1549	Краков
				1 августа 1549	Краков
				12 августа 1549	Краков
7	Ермоген	-	2	25 октября 1551	Вильно
				15 января 1552	-
8	Остафей Волович	-	1	31 марта 1552	Петриков
9	Мартин Мац- кович	-	1	7 мая 1552	Берестье
10	Станислав Якоби	секретарь	2	21 января 1527	Неполониче
				16 января 1528	Вильно
11	Станислав Коморский	маршалок	2	- " 1556	-
				11 июля 1550	Берестье
12	Иоан Филип	-	1	- 1510	-

Примечание: Тире в таблице означает отсутствие этих данных в источнике.

Таблица 2

Состав книги записей № 13 Литовской метрики.

1486 - 1556 гг.

Формы записей или самоназвание	Кол-во док.	Разновидности грамот по современной клас- сификации	Кол-во док.
1. Лист	43	1. Жалованная данная грамота	21
2. Лист привилей	4	2. Жалованная льготная грамота	1
3. Лист подтверженье	9	3. Жалованная данная подтвердительная грамота	4
4. Подтвержение	7	4. Жалованная подтвердительная грамота	20
5. Конфирмация	6	5. Указная грамота	15
6. Реконгноцио	3	6. Указная меновная грамота	7
7. Литерэ	2	7. Уставная грамота	5
8. Ремиссио	1	8. Уставная подтвердительная грамота	2
9. Познцио	1	9. Известительная грамота	2
10. Привилей	10	10. Судная грамота	10
11. Привилей подтверженье	1	11. Вязочная грамота	9
12. Лист вырок	1	12. Грамота - запись	4
13. Лист судовый	7		
14. Лист увялчий	1		
15. Выведанье	2		
16. Чиненье выведанья	1		
17. Спсведанье	1		
Всего записей	100	Всего грамот	100

ИЗВЕСТИЯ О СИБИРИ В РУССКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ XVII ВЕКА И ИХ ИСТОЧНИКИ

(Новый Летописец, Свод 1652 года, Латухинская Степенная книга)

Успехи советского источниковедения в деле изучения памятников сибирского летописания неоспоримы¹. В то же время нельзя не заметить, что внимание авторов в основном концентрируется вокруг произведений собственно сибирского происхождения, а аналогичные по тематике известия в составе сочинений, созданных вне Сибири, привлекаются в исследованиях эпизодически². Цель данной работы – попытаться выявить источники и судьбу известий по истории Сибири в трех памятниках русской исторической мысли XVII века: Новом летописце, Своде 1652 года и Латухинской Степенной книге. Из большого массива сочинений, созданных в переходный период развития исторических знаний страны, эти выделяются особым вниманием к прошлому "Сибирские земли"³.

Новый летописец (далее НЛ) официальное сочинение о "Смутном времени" был создан в окружении патриарха Филарета около 1630 г.⁴; история присоединения Сибири к Российскому государству описана в первых двух главах НЛ.

Еще В.С.Иконников обратил внимание на любопытный факт, часто и сейчас проходящий мимо внимания исследователей: в статьях о Сибири НЛ "делает буквальные извлечения" из Есиновской летописи (далее Е)⁵, созданной, как известно, значительно позднее – в 1636 г. тобольским архиепископским дяком Саввой Есиновым. Позже С.В.Бахрушин пришел к выводу о том, что в основу НЛ и Е легли сибирские известия одного происхождения⁶. А.И.Андреев солидаризовался с выводами С.В.Бахрушина, предполагая, что "обе летописи (НЛ и Е – А.Л.) могли независимо друг от друга заимствовать эти рассказы из общего протографа."⁷

В.И.Сергеев, коснувшийся вопроса об источниках первых

двух глав III, предположил, что основной текст почерпнут из общего со Строгановской летописью (далее С) источника. Последняя хронологически, в отличие от Е, это допускает, ибо датируется автором 2-й пол.20-х гг. XIII в.⁸ Кроме того, указанный текст, по В.И.Серебрякову, имеет общие черты с Кунгурской летописью – ранним источником Рязановской летописи. В то же время вопрос о соотношении обоих чтений III в Е автором не ставится.

Новейшие данные о близких III по составу Летописи о многих местах и так называемом Поле Летописца по списку Оболенского показывают, что последние два, очевидно, восходят не к III, а к общему для всех трех произведений протографу.⁹ Следовательно, и сам текст III, в том числе и по Сибири, не первичен.

Еще больший объем сибирских статей включен в Свод 1652 года – общерусское летописное повествование, созданное между 1652 и 1656 годами при пятицаревой кафедре в годы правления Николая¹⁰.

Сибирские известия Свода заиманы по одному из сохранившихся списков памятника под названием "Кешиновской летописи по Гумящевскому списку" (СР РГБ, собр. Гумящевского музея № 379 – далее Рум.).¹¹

По поводу Рум. и его связи с Е и С были высказаны два мнения.

Единственной по существу попыткой исследовать так называемые "краткие редакции" Е (в том числе и Рум.) по сей день остается работа Е.И.Даргазовой-Скоп; автор отождествляет основной источник Рум. с гипотетической "Новостью о Сибири", не дошедшим до наших дней памятником сибирского летописания, положенным Саввой Кешиновым в основу Е.¹² В новейшей работе Е.И.Даргазовой-Скоп указывается еще более определенно, считая этот текст первым официальным описанием "сибирского ваятия", созданным для какого-то большого летописного свода¹³. Исследователи хорошо знают Свод 1652 г.¹⁴ но в работе не отмечена тождественность его сибирских известий и Рум.

Предположение о существовании "Новости о Сибири" вызва-

ло возражения В.И.Сергеева в связи с предполагаемой им зависимостью Е от С¹⁵, однако пример лучшего прочтения в С общего для летоисей текста приведен всего один (к нему мы вернемся ниже), и, самое главное, в предложенной автором схеме взаимоотношения сибирских летоисей не нашлось места для такого надежно датированного памятника, как ИЛ.

Датухинская Степенная книга (Далее ЛС) составлена архимандритом Макарьева-Желтоводского монастыря Тихоном в 1678г.¹⁶ Историкам ЛС известна еще со времен Н.М.Карамзина; списки памятника учтены и систематизированы¹⁷, привлекались при исследовании летоисания "Смутного времени"¹⁸, силлабической поэзии¹⁹. В работах по истории сибирского летоисания ЛС не упоминается и не используется.

Н.А.Дворацкой составлен крайне важный перечень рукоисей, содержащих рассказ о походе Ермака в Сибирь²⁰, однако, кроме Рум., в нем учтен только один из известных ныне полотора десятков списков Свода 1652 г. (ОР ГБЛ, собр.ОЦР № 128), а ЛС и ИЛ не учтены вовсе (последний, впрочем, известен в таком большом количестве рукоисных копий, что составление списка их - задача специального исследования).

Таким образом, введение в оборот сибирского летоисебедения списков трех указанных произведений не только увеличит источниковую базу для исследований, но и позволит выделить круг сибирских известий, имевших хождения в официальных московских кругах, предположительно определить их источники, связь как между собой, так и с собственно сибирскими летоисями. Последняя проблема тесно связана с дискуссионными вопросами истории ранних эталов сибирского летоисания.

ИЛ и Свод 1652 г. - памятники, связанные единством происхождения известий за последнюю треть XVII - первую половину XVIII вв.²¹ Рассказ о присоединении Сибири в них предшествует описанию событий "Смуты". Важно отметить и тот факт, что оба были созданы при патриаршей канцелярии.

Самое близкое знакомство с сибирским текстом ИЛ убеждает в том, что редакторы 1650 г. сократили, подчас достаточно неаккуратно, более ранний текст: "...Царство рекомое Сибирское, в нем же живяше царь Кучум, вера же их (! - А.Л.) бусурманская...", "...и поиде (Ермак - А.Л.)...рекою Иртышею доид

городил, где кочевал царь Куцом, и была с ними (I - А.Л.) бой...²² Государь же царь тех сеунчиков поздравил, а с ним (I - А.Л.) посла воевод".²² Совершенно исключено редакторами ИЛ описание сражений с войсками Куцума, хотя и сообщается, что "бой была многи".²³ Конечная часть первой статьи ИЛ, повествующая о контактах между Ермаковыми казаками и московским правительством - результат совмещения сообщения протографа ИЛ о двух одновременных событиях: приезде в столицу "сеунчиков" и послании в Сибирь первых московских официальных чинов - воеводы С.Д. Волховского и И. Глухова. ИЛ приписывает посылку воеводы Федору Иоанновичу, в то время как Е и С согласно связывают это событие со "второй посылкой" от казаков к Ивану Грозному²⁴. Пленение же наследника сибирского престола царевича Маметкула, о котором, если верить ИЛ, Грозный не знал, Е и С характеризуют как один из поводов для этого посольства²⁵. Причину путаницы в ИЛ объясняет Е: к моменту прихода "атаманов и казаков к Москве" Грозный умер, хотя посольство отправлялось именно к нему²⁶. Впрочем при Федоре Иоанновиче русские послы за рубежом неоднократно подчеркивали особые заслуги царя в завоевании Сибири, не стесняя себя хронологической неувязкой²⁷. Возможно, сокращение источника ИЛ проводилось в конце XVII в. в правление последнего Рюриковича.

Еще одно указание на сокращение протографа ИЛ содержится в уже упоминавшейся первой главе. Желая дать преамбулу князьямеху походу в Сибирь, редакторы 1630 г. сочли необходимым несколькими фразами обрисовать объект похода - "Сибирское царство". Выше приводились открывающие ИЛ сведения о Сибири. Источник его был несомненно один для свода 1652 г., ИЛ и Е²⁸:

Е	Свод 1652 г.	ИЛ
"Сия убо Сибирская страна и царство...отстает же от России царствующаго града Москвы...яко до двои тысяч пачец пачец."	"Страна Сибирская от Московского государства...разстояние имеет:...яко две тысячи поприщ..."	"От царствующаго града Москвы есть царство рекомое Сибирское; в нем же живяше царь Куцом;

По сим же рекам жи-
тельство имеют тати-
рови Моамета прескля-
това закону... и инши
многмя язцы...закриа
никакова не имеют...
но кланяютца идолом"

(СД, с.177,179-180)

По сих же реках жи-
тествуют татаровя
...и прочия язцы.
Тотара закон дер-
жат Бахметев,
[другие же народы/
закона не имеют, ко
идолом поклоняхуса".

(Б., л.160об.-161;
П., л.185об.-186)²⁹

вера же их бусур-
манская Магометова
закону, а инше яз-
цы кумиром служаху
и идолом поклоня-
хуси, а инше же...
вери и закону не
знаху".

(НД, с.33)

Как видим, НД и здесь представляет собой продукт авторс-
кой правки.

Завершается вышеприведенный текст НД фразой, еще раз
показывающей, что в руках редакторов 1650 г. находился более
пространный текст о Сибири: "отсиду же н а ч а х о м (раз-
рядка наша - А.Л.) глаголати, яко покори бог под руку царст-
ву Московскому³⁰. Редакторы НД интересуют только суть со-
бытий, поэтому идущий следом рассказ о Ермаке действительно
можно считать началом повествования.

Опущены в НД и подробности похода Ермака, за исключе-
нием рассказа о гибели "славного атамана"³¹.

Несомненно, однако, что в распоряжении редакторов НД
находился текст, как и в вышеприведенном случае, близкий
Е и Своду 1652 г., а не С. Так, в НД есть рассказ о постав-
лении в Сибири первого русского города Тьмени воеводой П.И.
Сукиным и Тобольска Д.Чулковым, о чем из всех сибирских
летописей известно только Е.³² Сведения эти есть и в Своде,
причем текст последнего ближе Е, чем НД:

Е	Свод 1652 г.	НД
"...придоша с Гуси воеводы Василей Су- кин да Иван Мясной. ...поставиша же град Тьмень.	"...придоша с Москвы воевода Василей Сукин да Иван Мясной...и по- ставиша город Тьмень".	"...они же (В.Сукин "с ратными"-А.Л.) подойдоша до Ть- менскова гороки- ца и поставиша первой город в Сибири Тьмень.

...Воевода Данило Чалков... доидеши реки Иртыша... благоизволи ту приветити место... старейшина бысть тот град Тоболеск... и вместо царствующаго града причтен Сибири".

...Воевода Данило Чалков... дошед реки Иртыши и ту постави град Тоболеск. И бысть вместо царствующаго града Сибири град Тоболеск старейшина".

А из Ткмени воевода Василей (Сукин-А.Л.) послял гололу Данила Чалкова, и Данила прииде и постави в устья, острог и даша имя тому острогу Тоболеск, и ныне в том Сибирском царстве тот город столной".

(СЛ, с. 153-155)

(Б., л. 170 об.; П., л. 197) (НЛ, с. 34)

Глава НЛ в одной фразе совместила события, разделенные во времени двумя годами: Е датирует строительство острога в Ткмени 7093 г., а в Тобольске 7095 г.

Еще один показательный пример неудачного сокращения первоначального текста дает начало 2-й главы НЛ, рассказывающей о гибели Ермака: "Прииде весть к воеводе и к Ермаку, что идут в Сибирь с торгом бухарци. Ермак же... поиде против бухарцов".³⁴ Текст НЛ не дает никаких объяснений цели последнего похода Ермака, так как, в отличие от Е и С, а также Свода 1652 г., ничего не сообщает об угрозе среднеазиатскому купеческому каравану со стороны Кучума.³⁵ Несомненно, первоначальный текст содержал это важнейшее со всех точек зрения указание.

В то же время не приходится сомневаться, что основа сибирских известий Свода и НЛ едины, на что указывает целый ряд чтений, встречающихся только в этих произведениях: это и сообщение о том, что в поход с Ермаком выступило 150 казаков (Б., л. 168 об.; П., л. 195)³⁶, и рассказ о лазутчике, проникшем в стан Ермака (Б., л. 169; П., л. 195 об.)³⁷. Несомненно близость именно к НЛ обнаруживает и описание бегства "достальных людей" после гибели атамана:

Е	С	ИЛ	Свод 1652г
"...оставшая во граде... изыдоша из гра- да тай и поп- лыша по Иртышу и по великой Оби и чрез Камень бежаша на Русь."	"И не по мно- гих днех ата- ман Матвей Мещеряков со оставшими ка- заки поидоша на Русь".	"Воевода же Иван Глухов... погребли ре- кою Иртышею на низ до реки Оби, а Оби в до- гребли особи до Бере- зоя, а от Березова через Ка- мень".	"Слышав же син во граде и побегоша ис града вниз по реке Иртышу до реки Оби и Оби до реки Ос- би (так-А.Л.) и до Ве- резона и от Ве- резона через Камень".
(СЛ, с.149-150)	(СЛ, с.38)	(ИЛ, с.34)	(В., л.169об.; П., л.196)

Таким образом, в руках составителей ИЛ находился текст, составленный ранее 1630 г., близкий Е и полнее сохранившийся в Своде 1652 г.

Сравнивая Рум. с Е, Е.И.Дергачева-Скоп отметила сухость и лаконичность текста по Сибири известного ей списка.³¹ С полным правом это относится и к остальным спискам текста Свода 1652 г. Но даже этот первоначальный текст восходит, очевидно, к двум источникам.

Заглавие сибирского раздела Свода - "Сказание о Сибирском царстве и о взятии" (В., л.160; П., л.186 об.)³² само подразделяет повествование на две части: собственно "взятие" и предшествующее ему "сказание" о Сибири. Действительно, Е и Свод, в отличие от С, начинаются описанием "Сибирских земель" ее природы животного мира и народов Оурацкы (В., л.160 об.-162 об.; П., л.186-187 об.)³³. Остатки этого повествования, как показано выше, сохранились в ИЛ.

Есть основания думать, что составлено оно было задолго до 1630 г. Так, несмотря на заглавие в заглавии соответствующих статей ИЛ и Свода наименования Сибири "царством", в

самом тексте Зауралья именуется исключительно "Сибирской землей" или "страной"⁴¹. Эти земли, скорее всего, еще не получили в момент написания "Повести о Сибири" того статуса, который в сознании современников и согласно средневековой политической терминологии соответствует слову "царство". О государственном подчинении Сибири можно было бы говорить только в том случае, если с политической арены исчезнет предшествующий повелитель государства – сибирский хан. В дипломатических документах Сибирь именуется "царством" только с 1585 г. – года гибели Кучума⁴².

Подтверждает неслучайность употребления термина "земля" и эволюция царского титула в "сибирской" его части. Характерно, что Иван Грозный и до, и после похода Ермака именовал себя "всеи Сибирския земли повелитель" (вариант – "обладатель")⁴³, и сохранялся этот расплывчатый титул довольно долго – при Федоре Иоанновиче⁴⁴, Борисе Годунове⁴⁵, Василии Шуйском⁴⁶. До официального венчания на царство (11 июля 1613 г.) так титулуется и Михаил Федорович⁴⁷, но уже в августе того же года в "титле" первого Романова появляется "царь Сибирский"⁴⁸, а само "царство Сибирское" перемещается из конца титула в начало, непосредственно за другими "царствами" – Казанским и Астраханским, где прочно закрепляется⁴⁹. Именованье Сибири "землей", в таком случае, можно рассматривать как своего рода хронологическое указание на сравнительную древность "Повести о Сибири".

Со слабым знакомством с Зауральем в начальный период его освоения связана и скудость географических и этнографических сведений текста. Все перечисленные в нем сибирские реки ограничиваются на востоке Обским бассейном (Тура, Ница, Тобол), а из многочисленных сибирских народов "Повесть" знает только племена Западной Сибири, населяющие тот сравнительно небольшой регион, в котором будет действовать казачья дружина: упоминается "тотаровя" и "остяки" – ханты⁵⁰, "колмаки" – телеуты, причем неизвестно даже "кои закон держат или отцев предание" (Б., л. 161; П., л. 186)⁵¹, "мунгалы" – вогулы Верхотурья⁵² и "Пегая орда" – селькупы⁵³. Как видим, географические сведения данного текста строго ограничены

небольшим районом Зауралья, и интересно, что самое раннее русское повествование о Сибири — "Сказание о человецех незнаемых", составленное на рубеже XV-XVI вв., описывает ту же небольшую часть территории "Восточной страны"⁵⁴.

Обращает на себя внимание и тот факт, что, описывая Мангазейскую губу, "Повесть" не сообщает о наличии там русского поселения. Согласно III, город "ставил" боявода Я. Исасальский-Рубец в 1599 г.⁵⁵ (по другим сведениям в 1601 г.⁵⁶ по строительные работы велись и в 1600 г.⁵⁷).

В.И.Сергеев предполагая сходство III с Б.Вешнова с III⁵⁸, но, кроме самого III, существовал, как показано выше, и его более пространный "сибирский" протограф, позднее сокращившийся в Своде 1652 г. Скорее Е непосредственно связана именно с ним.

Разумеется Свод 1652 г. имеет и сокращения относительно Е, причем в таких местах, которые трудно связать с "распространениями" 1636 г. Так, Е подробно информирует читателя о генеалогии сибирских ханов от легендарного брата до Кучума⁵⁹, в то время как Свод ограничивается только этими двумя именами (Б., л.161 об.-162; П., л.187-187 об.). Аналогичные сведения есть и в С, но структурно текст Свода сопоставим именно с Е, поскольку родословие в них открывает летописный текст, а в С помещено в середине рассказа. Неслучайно и в III остатки описания Сибири идут вслед за сведениями о Кучуме именно в начале I главы⁶⁰.

Составители Свода 1652 г. использовали в своей работе не только летописный текст, легший в основу Е. На несомненное знакомство с другим "летописцем" в Своде есть прямая ссылка. "Иной летописец", известный в кругах Никона в середине XVII в., рассказывает о роли Строгановых в организации похода: "именитые люди" "призвали" волжских казаков, дали им, согласно тому же "иному летописцу", "имения и одежды" и оружие — пищали и "пушки полковые" (Б., л.162 об.; П., л.187). Как вставку в текст протографа Е, сделанную позднее 1636 г. этот текст расценивает Е.И.Дергачева-Скоп⁶¹.

Как известно, сведения об участии Строгановых в организации похода Ермака содержит С, но это место Свода обнаруживает близость к иному памятнику — Истории Сибири С.У.Реме-

попа, составленной в начале XVIII в. Одним из ее источников был, в свою очередь, Кунгурский летописец – одно из самых ранних повествований о сибирских событиях. По предложению В.И.Сергеева, он написан в Москве, в Посольском приказе в 1592-1593 гг.⁶² Именно в Р говорится о наличии в казачьей дружине "пушек полковых",⁶³ в то время как С говорит об "оружии огненном пушечках"⁶⁴.

Этот же источник отразился и в НЛ: так, кроме Р только НЛ особо подчеркивает роль Максима Строганова в "призвании" казаков⁶⁵. С же говорит обо всех Строгановых – Семене, Максиме и Никите⁶⁶. Только в сопоставлении с Р может быть как-то объяснена невнятная последняя фраза главы I НЛ: "а к Ермаку повеле государь писати не отаманом но князем Сибирским"⁶⁷. "Князем" Ермака, согласно Р, величали сибирские татары⁶⁸.

Во всяком случае, факт установления контактов между казаками и Москвой уже в 1585-1586 гг. не вызывает сомнения⁶⁹.

Есть еще один, правда косвенный, пример сближения источника Свода с этим ранним повествованием. С, опираясь на "опальную грамоту" Ивана Грозного Строгановым, сообщает о причине царской "опали" на казаков – погроме ногайского посольства на Волге⁷⁰. Состоятельства этого инцидента проясняют документы Посольского приказа⁷¹. С очевидию, конкретные причины "государевой опали" в Москве, в отличие от Соль-Вычегодска были забыты; иначе трудно объяснить, каким образом редакторы НЛ пишут с тем, что казаки "громяху... послов К о з л б я в с к и х"⁷². Единичные дипломатические контакты с Персией имели место и ранее, но начало регулярным посольским связям положила только миссия Андисека 1587-1588 гг.⁷³, посетившая Россию уже после гибели Ермака. И кстати, как и ногайское посольство 1561 г., "кизилбашли" подверглись нападению казаков на Волге: "...воры казаки волжские и донские пришли на проезде...и поминки...поймали"; последовала очередная "опали" – "тех воров казаков сыскав, казнити... смертию"⁷⁴.

Трудности с поиском уже в XVII веке документов о начале сибирского похода закономерно связываются с последствиями каслинского пожара 1626 г., уничтожившего значительную часть

приказной документации⁷⁴. Несомненно сказались и антропогенные для сохранности приказных архивов последствия "мутного времени"⁷⁵. Наглядной иллюстрацией этому служит попытка Записного приказа, созданного в конце 1657 г. для составления новой общегосударственной летописи, отыскать сведения о ранних этапах освоения Сибири. Как вышло, в Сибирском приказе и Приказе Казанского дворца в это время документы "о прибылых землях" имелись только начиная с царствования Федора Иоанновича⁷⁶.

Отсутствие в использованном редакторами III тексте точных указаний на причины "опалы" могло подтолкнуть экстраполяцию на начало 30-х годов XVI в. событий, имевших место позднее. Это тем более вероятно, что Волга и позже продолжала оставаться главной посольской дорогой на Восток.

Если предположить, что Свод 1652 г. восходит к более раннему тексту по Сибири, чем III, то можно ожидать, что в Своде будет говориться о факте опалы, но ее конкретная причина, т.е. указание, на то, какое именно посольство "разбито", названа не будет. И действительно, так оно и есть: о "погроме" Своду известно, но о конкретной принадлежности посольства той или иной державе - ни слова (Б., л.162 об., П., л.188). Особенно интересно и то, что этих данных нет и в Р.

В литературе уже ставился вопрос о зависимости Р от III⁷⁸, но не была ли она более сложной? Не объединяет ли их использование близких по происхождению и достаточно ранних сведений о походе Ермака? Сопоставление Свода, III и Р делает такое предположение вероятным:

III	Свод 1652 г.	Р(93 статья)
"Ермак же...поиде ...к реке Вохаю и и не доиде реки ста начевати в пра- лире(так! - А.Л.) и нача спати,и не еди- ного от них страха не бысть. Кучым же ...видя их на ост- рову. Татарин же у	"Ермак же...поиде в стречи им(булаццам- А.Л.)но реке Иртышу в стругах. И дошед до ре-и до устьи ки Вагаю...и пак и поиде по Вагаю Вверх до мес- та зовоного	"Ермак же...по- иде ввек по Иртышу... в стругах... и до устьи Вагаю до- шед...и вверх до Адбашу до- иде по Ва-

ивно Кучума в вине,
 в посла его Кучум
 в реку: "Отведай
 мне...броду; бу-
 дет отведаешь, и
 я тебя от казни
 покажу..."

А доши не гави от-
 обрете, и возв-тола во
 ратишася... вратишася
 и доидоша до Пе-перекопи
 рекопи и на усть Барак и
 тубиоче в в-перекопью рече
 стражи же себе виша стан и
 не поставиша. Кучум о биче в а-
 же уведи их на ост-ша с я, стражи
 рору, У него же бе же себе не по-
 татарин вьин в ставиша.
 с м е р т н о я, и И Кучум же их
 посла его в реку от-злюбне тайно
 ведати броду..." назираше..."

(ИД, с.34)

(Б., л.168об.-169;П., (СЛ, с.341-344)
 л.195-195 об.)

Цитируя, правда, всего один, сокращенный Е относительно
 общего с С, но предположительно автора, текста приведен В.И.Сер-
 ревини,⁸⁰ и это положение можно было бы принять, если бы в ана-
 логичных местах Р и Свода 1652 г. не имелась бы важная логи-
 ческая связка, отсутствующая в С, и в Е:

С	Свод 1652 г.	Р
"...поймаша татар. Един бе...именем Таузак...и поведи ася по риду про си- бирских царей и князей... и про ца- ря Кучума. Они же уведаша от него о всем...и отпусти- ша его, да скажет Кучумови...примес- тивне русским вои- нор и их мужество и храбрость...И	"...поймаша тотарина ...именем Тоузак. И той сказа вся про ца- ря Кучума. И на ча- ша при нем стреляти и э оружия и потом отпустиша его к царю Кучуму, да скажет про их пришествие. Той же татарин пришед сикова царю...яко егда они из лута стреляют, яко не конца огня и	"...в то же время казацы имениша его...и приведоша его к Ермаку... показующе храбрость свою и стрельбу огненную... Приведшу же Куту- гаю до Кучума... ...возвещая... невидимое стреля-

поведя еще: таковы и дым исходит...
бо суть рустии воини
силнии:егда стреляют
из луков своих, тогда
огонь пахнет(так - А.Л.)
и дым велик..."

(С,с.16-17)

и дым исходит...
ние...сказа
со удивлением
и страхом вели-
ким".

(Б., л.162об.-163;
П., л.168-168об.)

(СЛ,с.321-322)

Действительно, если следовать за С, непонятно, откуда Таузаку-Цутуган были известны боевые качества огнестрельного оружия: ни одна из летописей не говорит о том, что имело место боевое столкновение. "Додумывание" составителями Свода и С.У.Ремезовым этой мысли тоже конечно, не исключается, но все-таки кажется маловероятным.

В этом случае, как и в вышеприведенных, выявляется не текстологическое заимствование источника Свода и НЛ из материалов, использованных позднее в Р, а скорее привлечение их в качестве справок и дополнений.⁸⁰

Сибирские известия Свода и НЛ не исчерпываются собственно повествованием о присоединении к Российской державе восточных земель; упоминания о Сибири встречаются и в дальнейшем т.е. в статьях о "Смутном времени", следующих за сибирскими статьями. Как правило, они носят отрывочный характер и связаны со ссылкой в Сибирь участников политической борьбы конца XVI-начала XVII в. - восставших жителей Углича (Б., л.182; П., л.210)⁸¹, Романовых (Б., л.146; П., л.226)⁸², Годуновых и Сабуровых (Б., л.241; П., л.246)⁸³, И.Катырева-Ростовского (Б., л.241; П., л.275об.)⁸⁴. Источники этих сведений - московского происхождения; о событиях в Сибири в эпоху "Смуты" НЛ и Свод ничего не сообщают.

Определить круги, в которых родилась использованная в НЛ и Своде "московская версия" похода Ермака можно только предположительно. Не один Посольский приказ, в ведение которого первоначально входили Зауральские земли, был заинтересован в сибирских делах. Напомним, что согласно Р, инициатором сбора сведений о Ермаке выступил в 1621 г. царь "с

и патриархом по совету⁸⁵.

Указания на строительство церквей в Сибири уже с конца XVI в. всть в сибирских летописях, имеются и сведения о наличии там лиц духовного звания⁸⁶, хотя первый архиепископ был назначен в Сибирь только в 1621 г.⁸⁷ "Ставить" священников для вновь открывавшихся церквей, следовательно, должны были первоначально где-то в России, скорее всего, в Вологодской епископии: именно из Вологды в Сибирь в 1585 г. были направлены десять священников с семействами⁸⁸. Связи с Вологодской епархией, ближе всего подходившей к Уралу, поддерживались очень тесные — владчиками Устьжского Михаило-Архангельского монастыря между 1599 и 1617 гг. числятся 23 сибирских казака и атамана, из коих один, возможно, участник Ермаковой дружины — донской казак Петр Трофимович Айдаров, владчик 1599 г.⁸⁹

Вообще церковное ведомство не могло не интересоваться Сибирью — ее присоединение открывало широкий простор для миссионерской деятельности, в памяти свежи были аналогичные события, связанные с присоединением Поволжья (не это ли было причиной того, что одно время Сибирь "ведалась" в Приказе Казанского дворца?). На рубеже XVI—XVII вв. в Сибирь из столицы неоднократно отсылались книги и церковная утварь⁹⁰, что указывает на тесные контакты высших церковных кругов Москвы с "новоприбылыми землями".

Как известно, в послесловии к Апостолу 1564 г. первоиздатель Иван Федоров в качестве одной из причин заведения типографии в Москве указал необходимость снабжения книгами вновь присоединенных земель Казани. Безусловно с ведомств церковных властей, в подчинении которых находился Печатный двор, в послесловии к Цветной триоди, изданной после присоединения Сибири в 1591 г., говорится, что книга предназначена "всем человеком" "в Москве... и во всей России... паче же в невопроседаемых землях... во граде Казани и Асторохани и в С и б и р и и во окрестных градах и местех".^{90а} Неслучайной представляется и фигура первого официального сибирского "историографа" Саввы Епископа. Занимая пост архиепископского дьяка, он не мог быть креатурой главы сибирской церкви

Чектария уже потому, что прибыл в Тобольск несомненно ранее назначения последнего. Впервые Есипов упоминается в 1635 году в приходо-расходных книгах тобольского архиепископского дома⁹¹. Этим же годом датируется обнаруженный в ГИМ неизвестный ранее документ, подписанный Есиповым - отписка его и другого приказного Софийского дома, Максима Трубачинова, воеводе И.И.Гомодановскому о приеме ими денег, собранных с томского духовенства⁹².

Другие данные об авторе Есиповской летописи пока не известны, но надо отметить, что среди нескольких десятков Есиповых конца XVI - первой трети XVII в.⁹³ были и служившие "по Москве"⁹⁴, а один из них, Иванис Афанасьевич, упоминается несудим в 1598-1599 гг. службу в Сибири⁹⁵. Еще один "московский" Есипов - Семен известен как защитник Троице-Сергиева монастыря в 1600-1610 гг., позднее принимавший участие в обороне Москвы от войск королевицы Владислава, причем и в том и в другом случае его непосредственным начальником был князь И.Д.Болховской - брат первого сибирского воеводы.⁹⁶

Обязанности архиепископского дьяка - фактического представителя светской власти в окружении высокого церковного иерарха - были всегда настолько серьезны, что назначение его являлось прерогативой непосредственных центральных светских властей.⁹⁷

Основа Е, таким образом, вполне могла быть одной из тех повестей о Сибири, существование которых в Москве предполагал еще А.И.Андреев⁹⁸. ИЛ и Свод 1652 г. подтверждает факт существования такого раннего текста.

Вхождение Сибири в состав Российского государства и стягивание ее в сферу постоянных политических и хозяйственных интересов центральных органов власти естественно диктовало необходимость использования в трудах русских "историографов" XVII в. более широкой информации о Сибири.

Хотя Латухинская Степенная книга и писалась вне Москвы, ее автор был тесно связан с окружением Федора Алексеевича. В своем незавершенном труде, посвященном Степенной Тихона Макарьевского, П.Г.Васенко вскользь заметил, что сибирский

текст ЛС скомпилирован на основе Е с добавлением сведений ИД⁹⁹. Действительно, Е в полной редакции (изданной по Сачевскому списку) включена в ЛС целиком, а из ИД заимствован только рассказ о "побое" посольства, в Е отсутствующий¹⁰⁰. К письменному памятнику восходит и еще одно "распространение" текста ЛС, не отмеченное П.Г.Васенко: источником его послужило географическое сочинение конца XVII в. — "Описание новые земли Российского государства"¹⁰¹.

Тихону Макарьевскому был знаком и Свод 1652 г. Раздел ЛС о Сибири начинается фразой: "Царство Сибирское а по древи оуму С кирь..." (Л.371). Рассказ о легендарной стране Скирь, расположенной за "высокими непроходимыми горами по величьи реки Оби" содержится в Сказании о Словене и Гусе — исторической легенде, открывающей Свод 1652 г. (В., л.4; П., л.5)¹⁰².

В то же время ряд мелких дополнений ЛС не находит параллелей в письменных памятниках. Так, к рассказу о деревьях Сибири, заимствованному из Е,¹⁰³ в списке произрастающих за Уралом "древ" добавлены "груши и яблоки" и далее продолжено: "Дубу и ясену несть тамо" (ЛС, л.371). Здесь же к восходящему в Е описанию сибирских рек добавлен перечень обитающих в них рыб: "И много в них (реках — А.Л.) рыб: осетра, стерляди и пелмы бирач белая налима, и тайшени, что походит на лосося, точно беловидна, муксур да сирок, подобны сиру..." (ЛС, л.371). Такого же рода "ихтиологическое" дополнение сопровождается идущий ниже текст ЛС, заимствованный Тихоном из "Описания новыи земли...": рассказ об озере Байкал¹⁰⁴ заканчивается фразой: "А в том озере вся всякая рыба" (ЛС, л.372). Трудно сказать, принадлежат ли эти дополнения самому Тихону — это вполне вероятно хотя бы потому, что Макарьев-Желтоводский монастырь стоит на Волге недалеко от Нижнего Новгорода — но сделаны они, наверное, не сибиряком.

Н.А.Дворецкая отметила наличие такого же рассказа о рыбах в Окладной книге Сибири, составленной в Сибирском приказе его главой дяком А.А.Виниусом в 1694–1695 гг.¹⁰⁵ Сибирские известия Окладной книги А.И.Андреев возводил к "выпискам из Степенной книги 17-й, из Нового Летописца и Есиповской

летописи¹⁰⁶. Если использование второго и третьего вариантов сомнений не вызывает, то со Степенной имеет место такое недоразумение. "Книга Степенная царского родословия" составлена царским духовником – будущим митрополитом Афанасием оканчивается задолго до похода Ермака – 60 годами XVI в. – "границю шестнадцатой".

М.И.Наврог, уточняя содержание начальной части Окладной книги, верно отмечает наличие в ней не трех, а двух текстов, расположенных последовательно – первого, заимствованного из "какой-то не дошедшей до нас Степенной книги" и второго, справедливо отождествленного с Е.¹⁰⁷, причем к этой гипотетической "Степенной книге" автор относит и тексты Е,С и ИЛ.

Путаницу внесло заглавие ИЛ, ибо начальный текст Окладной книги дословно списан оттуда (л.1-3): "Книга глаголемая Новый летописец с т е п е н ь ц а р я и в е л и к о г о к н я з я Ф е о д о р И в а н о в и ч л в с я я Р у с и и".¹¹³ "17 я степень" несомненно надо воспринимать как пересмысление "безномерной", но идущей действительно за "степенью 16-й" Степенной книги, "степени" ИЛ.¹⁰⁸

Второй текст Окладной книги (л.3-18) представляет собой интерполицию Е отрывками ИЛ и дословно совпадает с сибирской главой ЛС. Отметим, что этот же текст под другим заглавием – "О Сибирском царстве, како оное под Российское владение получено" – помещен в описании "провинции Соли Камской" известной книги И.К.Кириллова "Цветущее состояние Всероссийского государства" (1727 г.)¹⁰⁹.

Таким образом наши наблюдения совпадают с предположением Е.К.Ромодановской, отнесшей включение событий сибирской истории в контекст общерусской не позднее чем к 70-80-м гг.ХУПв.¹¹⁰ Начальной же датой, очевидно, надо признать 1630 год – год составления Нового летописца.

Сибирь, как видим, постоянно находилась в поле внимания московских "историографов" ХУП века: в крупнейших сочинениях этого времени известия об освоении "Сибирских земель" представлены достаточно подробно. По мере расширения знаний о крае рос и интерес к нему, причем особое внимание уделяется географическим особенностям Сибири. Характерно, что "московс-

кан" традиции сибирского летописания базировалась не на С, оставшейся личным предприятием "именитых людей", а на памятниках круга Е - как ее предшественниках, так и на самой летописи Саввы Есипова, очевидно, расценивавшейся современниками как официальное повествование о присоединении Сибири.

- I Буганов В.И. Отечественная историография русского летописания (обзор советской литературы). М., 1975, с.101-105, 191-194, 235-236.
- 2 Проображенский А.А. Некоторые итоги и спорные вопросы изучения начала присоединения Сибири к России. (По поводу книги Р.Г.Скрипникова "Сибирская экспедиция Ермака"). - Историки СССР, 1984, № 1, с.101-118.
- 3 Ср. Соловецкий летописец (Корацкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. - Летописи и хроники. 1980. М., 1981, с.240), Пискаревский летописец (ПСРЛ, М., 1976, т.33, с.195), Мазуринский летописец (ПСРЛ, М., 1968, т.51, с.142). О присоединении Сибири к Российскому государству только упоминается в Степенной книге Федора Грибоедова (Федора Грибоедова Истории о царях и великих князях Русской земли, По списку СПб. Духовной академии № 306. СПб., 1896 (ЦДП, т.СХХI) и Симонисе И.Гизеля (Киев, 1874).
- 4 Черошкин Л.В. "Смута" и историографии XVII в. (Из истории древнерусского летописания). - Исторические записки, М., 1945, с.82-86. Новый Летописец издан в ПСРЛ, М., 1965, т.14. Далее в сносках III.
- 5 Иконников В.С. Опыт русской историографии. Киев, 1903, т.2, кн.2, с.1245, сп.2.
- 6 Вахрушев С.В. Научные труды. М.-Л., 1961, т.III, ч.1, с.22.
- 7 Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. М.-Л., 1970, ч.1, XVI воев, с. 241-243.
- 8 Сергеев В.И. У истоков сибирского летописания. - Вопросы истории, 1970, № 12, с. 59 (схема).
- 9a Мнения о времени написания памятника расходятся. - См.: Скрипников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982, с.57-60.
- 9 Жарков И.А. "Новый Летописец" по списку М.А.Оболенского. - Летописи и хроники. 1976. М., 1977, с.294; Назаров В.Д. "Новый Летописец" как источник по истории царствования Лжедмитрия I. - Летописи и хроники. 1973. М., 1974, с.306. Сведения о Сибири этих памятников и III практически идентичны.
- 10 Нисонов А.П. История русского летописания XI - начала XVIII века. М., 1969, с.483 и след.; Лаврентьев А.В. Свод 1652г. - памятник русского летописания XVII века. Автореф.канд. - дисс. М., 1964.
- II Сибирские летописи. СПб., 1907, с. 261-270 (Далее - СЛ).

В наш перечень списков Свода 1652 г. полного состава Рум. не включен (См.: Лаврентьев А. В. Списки и редакции летописного Свода 1652 г. - В кн.: Источниковедческие исследования по истории феодальной России. Сб. ст. под ред. В. И. Буганова. М., 1931, с. 62-82). Описание рукописи см.: Востоков А. X. Описание русских и словенских рукописей Румянцовского музея. СПб., 1842, с. 565-566, где рукопись в целом охарактеризована как "исторический сборник". Книга в 4^ю, 449 л., скоропись XVII в., водяной знак 1667-1672 гг. (Дьянова Г. В., Костюхина Л. М. Водяные знаки рукописей России XVII в. Новосибирск, 1980, № 313).

- 12 Дергачева-Скоп Е. И. Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск, 1965, с. 127.
- 13 Очерки русской литературы Сибири. Новосибирск, 1932, т. 1, с. 51-53.
- 14 Ср. Дергачева-Скоп Е. И. Краткие повести о походе Ермака в Сибирь в составе общерусских летописных сводов. - В кн.: Сибирь в ее прошлом, настоящем и будущем. Тезисы докладов на Всесоюзной научной конференции. Новосибирск, 1981, т. 1. Сибирь в эпоху феодализма и капитализма, с. 16-16.
- 15 Сергеев Н. И. У истоков сибирского летописания..., с. 48, 52.
- 16 Рассико П. Г. Заметки к Латухинской Степенной книге. СПб., 1902, с. 3. О Тихоне Калтоводском см.: Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1898, с. 321-322.
- 17 Муравьева Л. Л. О списках Латухинской Степенной книги. - Археографический ежегодник за 1964 г. М.-Л., 1965, с. 85-91.
- 18 Коретский В. И. К вопросу об источниках Латухинской Степенной книги. - Летописи и хроники. 1973. М., 1974, с. 101-113.
- 19 Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973, с. 107-109.
- 20 Дворжичка Н. А. Археографический обзор списков повестей о походе Ермака. - ТОДРЛ, М.-Л., 1957, т. XIV, с. 467-482. Автор, как и издатель СЛ, относит оба текста к числу позднейших переработок Е.
- 21 Лаврентьев А. В. Свод 1652 г. ..., с. 19-20.
- 22 НЛ, с. 33 (Здесь и далее разрядка текста наша - А. Л.).
- 23 Там же.
- 24 СЛ, с. 33, 214. Е датирует приезд воевод 1583 г.
- 25 Там же, с. 33, 215.
- 26 Там же, с. 215.
- 27 Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVII - начале XVIII века. М., 1972, с. 51. Посылку в Сибирь отряда Ермака приписывают Федору Ивановичу и некоторые исторические сочинения - Вискаревский летописец (ПСРЛ, М., 1978, т. 33, с. 195) и составленная патриархом Иовом Повесть о честном житии... Леодора Ивановича (ПСРЛ, М.-Л., 1965, т. 14, с. 4).
- 28 Все цитаты Свода даны по спискам ГО ГБЛ, собр. Большакова,

№ 143 (далее Б) и ОР ГПБ им. М.Е.Салтыкова-Щедрина, собр. Погодина № 1406 (далее П). - См.: Лаурентьев А.В. Списки и редакции..., с.68-70.

29 Ср. и Рум. - СЛ., с. 261-263.

30 ИЛ, с. 35.

31 Там же.

32 СЛ, с. 188, 186.

33 Там же, с. 153-154.

34 ИЛ, с. 33.

35 СЛ, с. 37, 147. Причиной, побудившей казаков принять меры к охране каравана, могли быть торговые интересы Строгановых, поддерживавших коммерческие связи с бухарцами. - См.: СЛ, с.54; Введенский А.А. Торговый дом XVII-XVIII веков. Л., 1934, с.94-95.

36 ИЛ, с. 43.

37 Там же.

38 Дергачева-Скоп Е.И. Из истории литературы..., с.36.

39 Ср.Рум. - СЛ, с. 261.

40 Ср.Рум. и Е. - СЛ, с.108-113, 261-262. Возможно, именно это отдельное повествование имеет в виду Мазуринский летописец, отмечающий: "...а подлинной обо всех боях (Ермака - А.Л.) написано в Сибирском взятии". - ПСРЛ, М., 1973, т.31, с.142.

41 Характерно, что редакторы 1630 г. озаглавили сибирский текст ИЛ "...вначале убо книги о взятии царства Сибирского" (ИЛ, с.33). Современный Ермаку летописец тоже отказывает Сибири в царстве, хотя и называет ее правители царем: "Того же году... казаки донские и волжские... сибирского царя и землю его со всеми людьми себирскими взяли ко государю" (Корецкий В.И. Соловецкий летописец..., с. 240).

42 Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. - СПб., 1851, т.1, с.922, 1042 (далее ПДС).

43 Древняя Российская вивлиофика. - М., 1791, изд.2, ч.ХУ1, с.136, 138. Неопределенность сибирской титулатуры Грозного отменил В.И.Сергеев. - См.: Сергеев В.И. Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков. - В кн.: Актуальные проблемы истории СССР. М., 1979, с.19.

44 Древняя Российская вивлиофика..., ч.ХУ1, с. 131, 154; Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1894, ч.5, с.165-187 (далее СГГД).

45 ПДС, т.1, с.37, 174.

46 Там же, с.190.

47 СГГД, М., 1882, ч.3, с.65.

48 Там же, с.88.

49 Там же, с.105, 165, 297, 323.

- 40 Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960 (Труды Института этнографии АН СССР, новая серия, т.1У), с.7,64.
- 41 Там же, с.104. Уже в начале XVII в. о незнакомстве в России с "колмаками" не могло быть и речи: они приняли русское подданство. - См.: Эрдниев У.Э. Калмыки. Историко-географический очерк. Элиста, 1980, с.37.
- 52 Там же, с.21.
- 53 Там же, с.87.
- 54 Анучин А.Д. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. Древнее русское Сказание о человецах неизвестных в восточной стране. - Древности. Труды Московского археологического общества. М., 1890, кн. XIУ, с.227-228.
- 55 НЛ, с. 51.
- 56 Книга записная. Томск, 1973, с. 8.
- 57 Там же, с.6-7. См. также: Резун Д.Я. К истории "поставления" острогов и городов в Сибири. - В кн.: Сибирские города XVII - начала XVIII вв. Новосибирск, 1981, с.37.
- 58 Сергеев В.И. У истоков сибирского летописания..., с.48.
- 59 СЛ, с.17-18, 113-118.
- 60 НЛ, с. 33.
- 61 Дергачева-Скоп Е.И. Из истории литературы..., с.124.
- 62 Сергеев В.И. У истоков сибирского летописания..., с.59; его же. Источники и пути исследования..., с. 18.
- 63 СЛ, с.315. Ср.Б., л.162 об.; П., л.188.
- 64 СЛ, с.11.
- 65 СЛ, с.315; НЛ, с.33.
- 66 СЛ, с.10.
- 67 НЛ, с. 33.
- 68 СЛ, с. 322.
- 69 Корецкий В.И. "Ермаковы казаки" в Москве и Новый Летописец. - В кн.: Сибирь в прошлом, настоящем и будущем..., в.1, с.11-14. Хорошо освещены в Москве о сибирских делах показывают исследованные А.А.Преображенским документы Посольского приказа. - См.: Преображенский А.А. Русские дипломатические документы, второй половины XVI века о присоединении Сибири. - В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. Сб.ст., посв. 75-летию проф.С.Н.Валка. М.-Л., 1964, с. 390; его же. Урал и Западная Сибирь..., с.46.
- 70 СЛ, с.14-15: Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб., 1846, т.1, с.184-185.
- 71 Сергеев В.И. Источники и пути исследования..., с. 22 и сл.
- 72 НЛ, с. 33.

- 72а Бушев П.П. Становление русско-иранских отношений в 1586-1612 гг. (по русским архивам). Автореф. канд. дисс. М., с.18-20; его же. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586-1612 гг. (по русским архивам) М., 1976, с.52.
- 73 Веселовский Н.И. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1890, т.1 (Труды Восточного отделения Археологического общества), с.5.
- 74 Преображенский А.А. Некоторые итоги и спорные вопросы... с.105.
- 75 Описи царского архива XVII в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960, с.107. В посольских делах "тетради сибирские" лежали "с нагайскими да с казанскими да с асторканскими делами". См. также: Гальцов В.И. Архив Посольского приказа во второй половине XVII - начале XVIII вв. - Археографический ежегодник за 1981 г. М., 1983, с.143.
- 76 Белокуров С.А. Из духовной жизни московского общества XVIII века. М., 1902, с.78.
- 77 Сл., с. 317.
- 78 Сергеев В.И. У истоков сибирского летописания..., с. 54
- 79 Там же, с.48.
- 80 Там же, с.57.
- 81 НЛ, с. 42.
- 82 Там же, с. 54.
- 83 Там же, с. 66.
- 84 Там же, с. 80.
- 85 Там же, с. 346.
- 86 Шляпин В.П. Акты Велико-Устьинского Михаило-Архангельского монастыря. Вятка, 1913, ч.П, с. 171,180; Верхотурские грамоты конца XVI - начала XVII вв. Сост. Е.Н.Ошанина. М., 1982, в.1, с.18-21, 37-38.
- 87 Сл., с. 163-164.
- 88 Макарий. История русской церкви. СПб., 1887, т.У1, кн.1, с.353.
- 89 Шляпин В.П. Акты..., ч.П, с. 179,180,183, 185-187,190, 192,193,195,196,201,204,206-208. Устюг традиционно составлял сибирских промышленщиков и землепроходцев - достаточно вспомнить имена Е.Хабарова, С.Дежнева, В.Атласова.
- 90 В 1592,1599,1600 гг. (дважды) и в 1602 гг. - См.: Макарий. История русской церкви. СПб., 1881, т.Х, кн.1, с.75-77.
- 90а Троиць цветная. М., 1591, л.246об.-247.
- 91 Ромодановская Е.К. Русская литература в Сибири..., с.52.
- 92 ГИМ, отд.письменных источников, ф.443, ед.хран.23.

- 93 Боярские списки последней четверти XVI - начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. Указатель состава государственного двора по фонду Разрядного приказа. М., 1979, ч.1, с.241, 324; ч.П, с.9; Савелов Л.М. Родословные записи. М., 1909, в.3, с.231-237.
- 94 Боярские списки..., ч.1, с.224.
- 95 Боярские списки..., ч.1, с.186.
- 96 Горский А.В. Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1879, ч.1, с.92; Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI в. Опыт исторического исследования. СПб., 1889, с.205, 541-543; Белокуров С.А. Разрядные записи за Смугинское время (7113-7121 гг.) М., 1907, с. 235-237; О родстве Болховских см.: Долгорукий П. Российская родословная книга СПб., 1856, ч.3, с.11.
- 97 Кашперов Н.Ф. Светские архиерейские чиновники в Древней Руси. М., 1874, с. 93-94.
- 98 Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири..., с.1, с.241.
- 99 Васенко П.Г. Заметки к Латухинской Степенной книге..., с. 63, 87.
- 100 ГИМ, отд. рукописей, Синодальное собр., № 293, л.374. Далее ссылки на этот список ЛС даются в тексте.
- 101 СЛ, с.385 и сл. А.И. Андреев (Очерки по источниковедению Сибири ..., т.1, с.69) приписывает ее авторство подьячему Посольского приказа И.Вонюкону, а сам памятник датирует 1636 г. Наличие выдержек из него в ЛС заставляет поставить под сомнение дату и авторство "Описания".
- 102 См. о ней: Гольдберг А.Л. Легендарная повесть XVII в. о древнейшей истории Руси. - Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1982, т.ХШ, с.50-62.
- 103 СЛ, с.109.
- 104 Там же, с. 385.
- 105 Дворецкая Н.И. Археографический обзор..., с. 471 (№ 19) Автору известен только один список РО ГПБ Ф.1v.76. О других см.: Наврот М.И. Окладная книга Сибири 1697 г. - Проблемы источниковедения. М.-Л., 1965, т.У, с.185-186.
- 106 Андреев А.И. Очерки источниковедения Сибири..., т.1, с.128.
- 107 Наврот М.И. Окладная книга Сибири..., с.187-188, 190. Исследуемый автором список Окладной книги из коллекции П.И.Шукина ОПИ ГИМ ныне имеет новый номер - ОПИ ГИМ, ф. 113, ед.хран.34. Все ссылки в тексте даются на него.
- 108 М.И.Наврот отмечен случай серьезного расхождения ИЛ и Окладной книги, не позволившего идентифицировать тексты - отсутствие в ИЛ рассказа о поставлении Мангазеи. Это недоразумение, поскольку совершенно схожий с Окладной книгой текст помещен в ИЛ, но не в начальной "сибирской" части, а несколько ниже (ИЛ, с.51).

- 109 Кириллов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977, с. 522-529. Ссылка на "Степенную книгу" ввела в заблуждение и авторов интереснейшей статьи о Кириллове-историке. См.: Гольденберг Л.А., Троицкий С.М. О занятиях И.К.Кириллова русской историей. (Материалы к биографии И.К.Кириллова и В.Н.Татищева). - Археографический ежегодник за 1970 г. М., 1971, с.149.
- 110 Ромодановская Е.К. О летописной части Окладной книги Сибири 1696-1697 гг. - В кн.: Археография и источниковедение Сибири. Рукописная традиция XVI-XIX вв. на востоке России. Новосибирск, 1953, с.45.

В.К.Былинин,
Л.У.Эвонарева

ОККАЗИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКО-САТИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ XVII ВЕКА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Для Московского государства и его западного соседа — польско-литовской федерации XVII век оказался насыщенный глобальными катаклизмами и потрясениями. Причины последних были разные и протекали они в неодинаковых общественно-политических условиях. Однако из их общего потока наверняка можно выделить две группы событий, отделенные друг от друга временной дистанцией приблизительно в 40 лет, но которые все же сближаются между собой по целому ряду признаков. Имеются в виду события эпохи "Смуты" в России и "Потопа" в Речи Посполитой. В обоих случаях был на лицо кризис государственной власти, проводимых ее экономических и политических курсов. В обоих случаях народы подверглись иностранной интервенции, всем ужасам затяжной захватнической войны, при этом наблюдалось мощное возбуждение гражданского и патриотического сознания, высокой духовной активности у самых разнообразных социальных и этнических слоев населения данных стран, поднявшихся на священную освободительную борьбу. Все это, с учетом также знаменательной историко-философской и историко-культурной типологии указанных явлений, должно было давно определить интерес отечественной историографии к литературе "Потопа" и, в частности, к восточнославянским литературным источникам периода польско-шведской войны 1655-1660 годов. В народно-освободительном движении, которое стало набирать силу в Речи Посполитой с середины XVII века, принимали живое участие многие украинцы, белорусы и русские — жители "восточных кресов" сарматской республики. Возникавшие в их среде многочисленные литературно-поэтические отклики на реально происходившие события хранят в себе немало ценных сведений как исторического, так и художественного характера. Тем не менее, до сих пор именно эта литература остается практически неизученной у нас, и лишь частичное ее исследование в контексте анализа польско-

немецких произведений—откликов на те или иные драматические эпизоды освободительной борьбы проводилось преимущественно польскими учеными.

К сожалению, большую часть литературных сочинений восточнославянского происхождения, посвященных коллизиям польско-шведской войны и создавшихся где-то в тот же период, еще предстоит обнаружить в рукописных собраниях и архивах. Поэтому есть смысл пока сосредоточиться на анализе отдельных памятников. Мы рассмотрим в источниковедческом аспекте два малоизученных польскоязычных стихотворения видного славянского поэта и просветителя XVIII в., Симеона Полоцкого. Его политические сатиры "Desperatia króla szwedzkiego" и "Któż szwedzki oficerów słuch szuka..." вошли до нас в единственном черновом списке в составе автографического сборника разных польско-латинских и белорусских стихов, дневниковых записей Симеона за 1648-1660 гг. — ЦГАДА, собрание библиотеки Синодальной типографии, ф. 381, № 1800¹. Надо полагать, они были написаны поэтом по свежим впечатлениям: еще до заключения Оливского договора (1660 г.) между Польшей и Швецией, поскольку о нем ничего не сказано в поэмах, а в основном повествуется о событиях 1656-1657 гг. Несмотря на искусную словесную аранжировку (свидетельство отменной поэтической изобретательности молодого Симеона), определенную самостоятельность его публицистических трактовок, "Desperatia" и "Krol szwedzki" — это не вполне оригинальные творения поэта. Их общий идейный замысел восходит к анонимным немецким сатирическим стихотворениям типа "Das pohlische Piequett-Spiel" (изд. 1655 г.) или "Auf des Königes in schweden Caroli Gustavi... Generale und andere Officirer" (1656 г.). С 1656 г. появились, как правило, расширенные, дополненные новыми данными (не только явно исторического, но и легендарно-эпического свойства) переработки этих немецких поэмок о военных неудачах шведского короля Карла X Густава, его вассалов и союзников, они получили хождение в Польше в большом количестве вариантов. Одни из них образовали цикл так называемых "пикетов" (название "pikieta" перешло в польскую барочную поэзию из популярной в то время в Европе игры в карты): "Pikieta

wojenna" (1656 г.), "Wesoła Echo Pikiety wojennej" и т.п., другие - цикл "Lamentownej Dudy" - своеобразного сатирического плача шведского короля; первым польскоязычным произведением в этом цикле была "Lamentowna Duma Karola Gustawa, króla szwedzkiego, nad częścią pojmanemi, częścią pobitemi książętą, kawalerami i officyerami..." (1656/57 г.). Вместе с немецким прототипом - элегией "Auf des kñniges" она послужила основой для последующих стихотворных интерпретаций, как-то: "Carolus Gustafus, Rex Sveciae, swoich wiernych i miłych przywołuje"; "Rozmowa króla szwedzkiego z swemi"; "Echo szwedzkie"; "Pieśń o królu szwedzkim i oficyjerach jego", а также "Groza króla szwedzkiego po przegranej z królem polskim Janem Kazimierzem" и др. Как отмечает София Либировская, все это были весьма произвольные, далеко отступившие от своего первоначального источника поэтические переработки. В них "неизвестные по имени, доморожденные польские поэты проявили огромное богатство мысли, юмора и пропагандистских трюков... В зависимости от адресата, на которого эти произведения ориентировались, они могли быть представлены в разной форме - с более или менее развитым содержанием, с простыми формулировками или же учеными выводами, с неидентично, наконец, обозначенной версификацией".²

Следует подчеркнуть, что в с я созданная, так сказать, на злобу дня (окациональная) поэзия, о которой здесь идет речь, была анонимной и стихотворные интерпретации Симеона Полоцкого суть первые точно атрибутированные произведения подобного рода. При их составлении Симеон мог пользоваться разными рукописными и даже устными источниками, но, скорее всего, он не был знаком с печатными изданиями сатирических поэм о Карле Густаве (в то время в свет вышли две публикации "Wesoła Echo Pikiety wojennej i Lamentownej dudy Karola Gustawa" первая - в Раве 1657 г., вторая - в Кракове в 1658 г. "у вдовы и наследника Франциска Цезаря, его королевской милости типографа")³. Дело в том, что упоминаемые им имена многих шведских военачальников и государственных деятелей имеют искаженное написание (причем, в отдельных случаях одно имя пишется один раз верно, а другой нет, например: Kromwelu -

które swieli, Leon Hauptl – Samen Hauptl и т.п.). В его поэмах мы видим: иное расположение материала, более умеренный сатирический тон (ср. в "Lamentownej Dusie" шведский король называется "безбожным тираном", "ядовитым" и "проклятым зверем" – у Симеона же такие определения отсутствуют). Кроме того, Симеон значительно расширяет в "Desperatii" те разделы, где говорится о лицах или событиях, относящихся к белорусско-литовскому ареалу (к примеру, о политике Януша Радзивилла, об антишведских военных кампаниях москвичей и т.д.). Последнее обстоятельство подтверждает концепцию общенародной популярности в Речи Посполитой конца 50-х гг. ХУП ст. антишведской сатирико-обличительной литературной тематики, ее равноактивного с центральными областями Короны бытования в культуре провинциальных окраин, к каким относился тогда г. Полоцк, где, будучи монахом Братского Богоявленского монастыря, Симеон, видимо, и "создал" обе поэмы.¹

И все же было бы важно знать, какие для этого оригинальные тексты могли быть взяты поэтом за образец. Опуская подробности сравнительного анализа, заметим, что набор известных (по всей видимости) Симеону литературных памятников антишведского сатирического содержания выглядит довольно внушительным. Возьмем в качестве примера лишь начальные строфы "Desperatii Krola szwedzkiego" (фрагмент 1-5). Как уже отмечалось выше, по своему главному идейному и, добавим, – структурному замыслу эта поэма относится к циклу "Lamentownej Dusy": она построена по принципу "воинской переклички" или – курьезного барочного диалога. На каждый вопрос – мольбу о помощи, адресуемый Карлом X кому-либо из своих офицеров или союзников, с их стороны следует непременно негативный ответ. Кстати, ответы раздаются как из мира живых (хотя, в основном, из-за тюремной решетки), так и из "царства мертвых", что усиливает гротескное звучание произведения.

Из известных нам памятников данного цикла ближе всего к "Desperatii" Полоцкого стоит "Lament Gustawa Karola Krola szwedzkiego nad pobitemi i pojmanymi w Polsce regimentarzami i kawalerami w roku (1656)"², который позволяет уточнить персональную ономастику, а также некоторые исторические сведения,

встречаемые у Симеона. Так, в 3-м фрагменте "Desperatii" выведен некто "мудрый Эшкот". При сопоставлении с аналогичным местом из "Lamentata" получаем более точную транскрипцию имени - "Esklin", таким образом выявляется имя шведского генерала Александра Эркина, взятого после освобождения Варшавы в июле 1656 г. в польский плен и впоследствии умершего в замойской тюрьме.

В 4-м фрагменте читаем о конвое к Замойской крепости плененных в Литве полковников Адама Бейгера и "молодого Лео-на Хаулта" (-Лёвенхаупта, что в переводе значит "львиная голова"). "Lament" не только уточняет дату (1656 г.) и место пленения - "państwo Nurozyskie", но и дополняет к списку высокопоставленных шведских пленников секретаря-наместника Лапра Кантерптейна.

Так же, как и в "Lamente", первый фрагмент стихотворного произведения Полоцкого представляет собой авторский монолог, но его содержанию во многом специфично. Это - довольно развернутая (12 строк) медитация о вечном противоречии между Надеждой и Фортуной человека, которое переносится далее на "высочайшую голову" короля. Сходное начало находим в пародийной псевдолирической поэме "Pikieta nies-tateoznej fortuny, kunsztowna gra, szwedzkiej w Polsce wojny proceder po szwedzi wyciagnajęca" (1656 г.). Обратимся ко 2-му фрагменту "Desperatii": "А Херштейн (Оксен-шерн - В.Б., Л.З.) Бенедикт, куда он делся? // - В Замойске с Виттембергом вместе сидит, правит; Яном Казимиром послан он туда, // дабы польский язык выучил, если хочет (получить) корону. // - Быть польским "вице королем", разве то мое дело. Не желаю я чужого, пойдём назад, господине".

Обыгрываемый здесь мотив абсурдного назначения узника польским "вице королем" слишком прозрачно указывает на его источник - острую сатиру на якобы отданный указ Карла Густава о разделе Речи Посполитой между собой, Богуславом Радзивиллом, электором Бранденбургским и венгерским правителем Рагоци, известную под заглавием "Z Wolgastu 12 sierpnia A°. 1657". Симеон мог знать и более раннюю "Piesń o Krolu szwedzkim i ofioy-jerach jego", где на запрос шведского короля о том, как обстоят

дела по управлению полками, Бенедикт Оксеншерна отвечает так: "Прежде, чем принять столь похвальное назначение, я хотел бы выучить польский язык" ("Do tak chwalebnej postawy, // Uożę się wprzeć polskiej mowy")⁸. Как видим, у Полоцкого оба доблестных "правителя" – канцлер Оксеншерна и "вице король" Виттемберг сведены вместе, – в прямом и в переносном смысле.

Литературные параллели можно продолжить и дальше, однако теперь самое время перейти к главной теме статьи и рассмотреть, каким образом Симеон Полоцкий трактует события польско-шведской войны, какие из них особо привлекли его внимание и почему, что ценного для исторической науки можно извлечь из его поэтических этюдов.

Собственно говоря, первый вопрос уже достаточно освещен нами: политико-сатирическая направленность содержания стихотворений Симеона, его ориентация на популярную англшведскую сатиру предполагала соответствующую манеру изложения – с построением гротескных, смелых и прямо-таки абсурдных ситуаций. К примеру, – только что упомянутый эпизод с "назначением" заключенного в польской тюрьме Виттемберга "вице-королем Польши". Или взять произванный едкой иронией диалог Карла Густава с младшим Кенигсмарком, погибшим осенью 1656 г. Карл X зовет Кенигсмарка – младшего явиться к себе на помощь и слышит такой ответ: "загнан я в Вислу войском Яна Казимира, короля польского, опился тут вдоволь воды, теперь с рыбами мне только являться в темных водах". Тенденциозность молодого поэта обуславливалась специфическими требованиями канона выбранного им сатирического жанра, но также, по-видимому, в немалой степени – его собственными симпатиями или антипатиями к изображаемым лицам, его негативным отношением к шведским интервентам в целом. Таким образом, подлинные исторические события рисуются Полоцким далеко не всегда в том виде, в каком они имели свое действительное проявление. Вот достойный образец гиперболизации "собственных" (т.е. польско-литовских) военных успехов: в II фрагменте "Desparatii" мы становимся свидетелями следующего диалога. (Король Карл X): Генерал Витекс (имеется в виду Явсел Буртц⁹) – в Кракове, там есть оборонительный замок". (Буртц): "О, меня уж вытеснил маршалек коронный" (Карл X): "Приди же ты, генерал, с полками

твоими". (Вюртц): "Одни поразбежались, другие легли в землю, будучи недель восемь мощно атакованы и мор познав голодный, от бога ниспосланный. Чуть и мое здоровье он не унес, да слава богу. Больше не подниму на польского короля руку". Между прочим, здесь идет речь о малозначительном событии начала польско-шведской войны, когда в сентябре 1656 г. войско под командованием коронного маршалка Иеронима Любомирского осадило Краков. Согласно польской историографии эта осада шла вяло и большого урона шведскому гарнизону города, которым с 5 февраля 1656 г. по 16 мая 1657 г. командовал Павел Вюртц, она не принесла.¹⁰ Однако тогда же рассматриваемые события получили литературно-публицистическую трактовку, сходную с той, какую им дает Симеон Полоцкий.

Неизвестный автор стихотворения "Roszątek wojny ze Szwedami Polaków"¹¹ представляет блокирование Кракова как великую военную операцию:

"Wojsko pod Kraków dał szczęśliwie Boże
Z Marszałkiem Koronnym, ten z łaski swej pomoże,
Nam na Szwedy już pomógł, bowiem pogromiono,
Podjazd szwedzki wybito, aż w bramie broniono
Kazimierzskiej. Daj Boże, szczęście dalej,
Aby Szwedzi od szabli polskiej pozdychali".¹²

Как видим, Симеон логически завершил в своем творении пожелание одного из своих соратников по перу; в "Desperatii" шведы уже якобы совсем побеждены - кто убежал, а кто и помер, "лежит в земле". Гораздо больший военно-политический резонанс в пределах Речи Посполитой и во всей Европе получила знаменитая битва под Простками (в "Королевских Прусах"). Генеральное сражение развернулось неподалеку от селения в долине р. Ленг 8 октября 1656 г. и длилось с 8 утра до 13 часов дня. В нем участвовали, с одной стороны, приблизительно 4-5 тысячное войско гетмана Винцентия Корвина Гонсевского, с другой - 10.000-я армия под командованием брата бранденбургско курфюрста, генерала Йозефа Вальдека, в которую входили соединения, возглавляемые Валленродтом и перешедшим на шведскую службу Богуславом Гадзивиллом. В неравном бою имевшие больше численное превосходство "шведы" и верные им поляки потерпели сокру-

пительное поражение¹³. Это была одна из первых вдохновляющих побед Республики после периода оцепенения, когда многим казалось, что она стоит, может быть, на самой грани краха. Полоцкий в поэмах много внимания уделяет итогам исторической битвы. Примечательно, что эти его высказывания, несмотря на их общую сатирическую окраску, напротив демонстрируют значительное приближение к исторической правде. Так, известно, что при переправе через реку Лена полковник Валленрод был атакован татарской конницей; охваченные паникой "шведы" (в основном, бранденбургские наемники) бросились в рассыпную, сам Валленрод едва спасся в лесу и вывел с собой лишь 500 человек солдат.¹⁴ У Симеона от лица Вальдека читаем:

"Pod Prostkami kładym miał utarczkę z tataru,
Ruskie wszystko uolkło, moje zaś wycięto,
Radziwiła rannego i innym z onym wzięto.
Wdziękie pola już mie bisurmanin zaprowadził,
Bodał plekła nie uszedł, który wojne radził". (л.10об.)

Затем кратко сообщается о пленении Гонсевским под Богуславцем князя Бернарда Веймарского, Б.Радзивилла, Израэля Иссаксона Риддерхельма, братьев Энгель – Иоахима и Ганса (английские офицеры на шведской службе) и с ними Боктранека и др. Судя по известным ныне историческим документам того времени (реляциям, приказам и т.п.), все это действительно имело место 9 октября 1656 г.¹⁵ Безусловно интересен 12-строчный 10-й фрагмент "Desperatii", где повествуется о штурме войсками Яна Казимира г.Хойниц (в Поморье). Взят Хойницы 31 октября 1656 г. польский король двинул все свое 24000-е войско на освобождение Гданьска. Ни в одном из упомянутых выше стихотворных произведений, посвященных 1-й Септерной войне, насколько нам известно, об осаде Хойниц ничего не сказано. Спячь-таки Полоцкий в этом плане, возможно, оказывается оригинальным. В уста шведского коменданта крепости он вкладывает высокую оценку упорства и мужества польских воинов, а также признание:

"Niedu niech będącie chwala, wybrał z tej toni,
Nigdy już na polaka nie dobędę broni". (л. II)

Похоже, что поморская тематика вызывает особый интерес писателя. Она звучит в рассказе о взятии русскими войсками Нарвы и смерти графа Барсена, "ktorego car odosłał bez głowy

do żony" (фр. 15, л. II об.), о ретирации "князя Сен Кроя" (Дела Круа) из центральной Польши в Поморье (фр. 22, л. 12), о неудачном походе шведского генерала Стенбека (у Полоцкого - "сын Гнорт") в начале 1657 г. под Бижы - родовое поместье Радзивиллов:

"...ile zdrowych było,
Tych w Radziwiłłowskich polskie wojsko zbliło
Na kilka set tatarom niechoty wyoleło,
Oficerów nie mało z oberzatorom zabito". (л. II об.)

Наконец, данная тематика находит отклик и в воспронзведенной Полоцким легендарной истории пленения князьевичами маршала Кенигсмарка (т.е. старшего Кенигсмарка-отца), когда в их руки будто бы попала выжата, сброшенная на берег Балтийского моря волнами, с сокровищами и секретными документами, которые касались государственной политики Швеции. Чувствуя, что сражение проиграно, шкатулку бросил в море сам Кенигсмарк, но судьба была на стороне его противников.

Так об этом повествует легенда, которая сложилась где-то осенью (октябрь-ноябрь) 1656 г. - сразу после реально случившегося пленения высокого шведского военачальника. Он был заключен в крепости Кюндзе, в нескольких километрах от Гданьска, где пробыл почти всю войну. Из устных переказов легенда скоро попала в польскую литературу и поэзию. Эпиграмма "Do Kienigsmarcka"¹⁰, аллегорико-сатирические поэмы "Wiesz-podziewany upadek z ręki Filida"¹¹, "Pieśń dołosa o zław-pusz Dainidzie"¹² и другие произведения - вот наиболее вероятный источник Симеона при написании им пространного "response" Кенигсмарка своему державному сюзерену.

К "Поморским фрагментам" в поэмах Полоцкого примыкают стихи о положении в Лифляндии (Лифляндском воеводстве), содержание которых сводится в основном к настойчивому упоминанию писателем русской кампании по осаде Риги (с 23 августа по 12 октября 1656 г.). Соответственно плачевно представляется дела руководителя ее обороны, главнокомандующего шведскими войсками в этом регионе графа Магнуса де ла Гарди¹³. Нельзя в этой связи не выделить и тот факт, что в заключительной

части " "Desperatii króla szwedzkiego" Карл X, перечисляя свои главные военно-политические неудачи (как то: победы гетмана Гонсевского в Пруссии, измена курфюрста Бранденбургского, потеря союза с Радзивиллами, коронным подканцлером Иеронимом Радзиевским и т.д.), среди прочего замечает у Симеона:

"Nie dośo na tym że sami są z holdu sie wybili,
Ale jeszcze maskala na kark nam wszadzili,
Dwuch państw chciałem być królem y Litwa być miała,
Moja lecz mi fortuna tego nie sprzyjała". (л.12об.)

Словом, понятно, несмотря на то, что поэма писалась в тот период, ²⁰ когда многие надежды и политические начинания царского правительства Алексея Михайловича терпели очевидный провал, несмотря на это, Симеон намеренно выставляет положение русской стороны в самом благоприятном свете.

Если вспомнить, что и в других, более ранних произведениях поэта (в таких, например, как "Wierzy na szczęśliwy powrót cara jego miłości zpod Rygi", "Winsrowanie wzięcia Derpta", "Winsrowanie obrania na królestwo Polskie", полоцких и витебских (1656 г.) метрах и др.)²¹ его идеологическая позиция имеет совершенно аналогичный характер, то теперь мы получаем новое свидетельство его последовательной приверженности идее союза Речи Посполитой с Россией, причем такого союза, в котором приоритет принадлежал бы последней. Не эта ли дальновидная промосковская ориентация Симеона заставляла его проявлять определенную уравновешенность и в сатирическом изображении шведского короля?

В заключение отметим два момента. Во-первых: разобранные политико-сатирические поэмы Симеона Полоцкого вполне могут расцениваться как богатый литературный источник по истории первого этапа польско-шведской войны. Будучи четко атрибутированными, они расширяют наши представления о национальной географии подобного рода литературной продукции, а также о социальной и конфессиональной принадлежности ее создателей.²² Несомненный интерес должна вызвать представленная в них историческая персонография.

Например, по сравнению с анонимными польско-немецкими поэмами из цикла "Lamentowacy dymy" в поэмах Полоцкого названо наибольшее число имен разных деятелей, имевших отношение к событиям "Потопа", среди которых и такие известные, как Кромвель, трансильванский князь Дьердь Ракоци II, шведский канцлер Оксеншерна, граф Мангус Де ла Гарди и Де ла Круа, брат Карла X Густава маршал Адольф Йоганн и посланник крымского хана Мехмуда IУ Гирея субхан Сефер Рази-ага и такие редко упоминаемые в исторических документах имена, как Леон Хауплт (шведский полковник), Сенхазен, фон Хеффен, некто Палл (так Полоцким назван комендант шведского гарнизона Бижского замка), граф Херланд, фон Тург, фон Хеффен и т.п.

Во-вторых: нельзя забывать, что поэмы Полоцкого были злободневны и, следовательно, их сатирическая форма имела в сущности остропублицистический, пропагандистский характер. А это, в свою очередь, увеличивает ценность настоящих сочинений для исторической науки.

Польскоязычный Симеон Полоцкий — весьма ординарный барочный стихотворец середины ХУП в. Его поэтика зиждется во многом на литературном штампе, на нормативных предписаниях схоластических руководств по искусству слова. Тем не менее, как мы видели, созданные даже в рамках этой нормативной эстетики литературные произведения (если они имеют предметом художественного изображения реальную историческую действительность) способны сохранить в себе яркий отпечаток отображаемой ими жизни, а значит донести до нас живое дыхание "давно минувших дней", самой истории.

Все этой подтверждает, хотя и на очень специфическом и частном примере, необходимость решения давно назревшей задачи — подготовки серьезного труда по историографии восточнославянской литературы ХУI-ХУИИ вв. Пока такой монументальной историографии не существует. А для филологов и историков она могла бы стать неоценимым подспорьем во всех отношениях.

I См.: М. I. Прашковіч. Поезія Сімеона Палацкава. Ранній перыяд (1648-1664). — Дис. на соискание уч. степ. к. филол. н. — ГИИ, машинопись, б. л. (Мінск, 1964); K. Fuzy. Pisma Księcia Jerzego Kijowsko-Mohylańskiego a Literatura polska. I., Kraków, 1966, № 115-118.

- 2 S. Libiszowska. Antyszwedzka literatura propagandowa z czasow "Potopu" - W ks.: "Polska w okresie drugiej wojny polnocznej 1655-1660", t. II, W-wa, 1957, s. 513.
- 3 См. там же, иллюстрация после с. 488; с. 508.
- 4 Постриг в иноки Полоцкого Богоявленского монастыря Сямеон принял 8 июня 1656 г. (получив таким образом и свое православное имя - Симеон, его прежнее имя - Самуил). Здесь в качестве "дидаскала" монастырской школы он оставался, судя по всему, до весны 1664 г. - См.: А.М. Панченко. Русская стихотворная культура XVII в., Л., 1973, с. 116.
- 5 Dwa pamietniki z XVII wieku (Jana Cedrowskiego i Jana Florianiana Drobysza Tuszynskiego). Wydaj i wstep poprzeczyl Adam Przybos. Wroclaw-Krakow, 1954, s. 67-74.
- 6 J. Nowak-Druzewski. Okolicznosciowa poezja polityczna w Polsce (Dwaj mlodsi Wazowie). W-wa, 1972, s. 199.
- 7 Ibid, s. 222-223.
- 8 S. Libiszowska. Antyszwedzka literatura propagandowa z czasow "Potopu", s. 511.
- 9 Polska w okresie drugiej wojny polnocznej 1655-1660, t. I, W-wa, 1957, s. 209, 232, 233, 239, 241, 256, 276, 277-279; t. II, s. 104, 113-115, 147, 164, 167, 168, 193, 282, 364, 444, 459, 464-466, 469. Pawel Wurtz - комендант Кракова и Видница (Wisnicz).
- 10 L. Sikora. Szwedzi i Siedmiogrodzianie w Krakowie 1655-1657. Krakow, 1908, s. 75-88.
- 11 См.: Polska w okresie drugiej wojny polnocznej..., t. II, s. 504, 506.
- 12 Ibid., s. 504 (AGAD, Aroh. Radz. Dz. II, ks. 2I, s. 262).
- 13 Ibid., t. II, s. 97-99; Ср. также: Wojna polsko-szwedzka 1655-1660. W-wa, 1973, s. 65-66 etc.
- 14 M. Majewski. Bitwa pod Prostkami, Studia i materialy do historii sztuki wojennej, t. II, W-wa, 1956, s. 324-344.
- 15 См.: L. Kubala. Wojna szwedzka w roku 1655 i 1656. Lwow, 1913; См. также: Л.В. Заборовский. Россия, Речь Посполития и Швеция в середине XVII в., М., 1981, с. 177-179.
- 16 См.: Polska w okresie..., t. II, s. 507-508.
- 17 Немецкий оригинал: "Dafnis. Unvermuthlicher Unfall an die Nymphen Phyllis" - См.: D. Nowak-Druzewski. Okolicznosciowa poezja..., s. 185-186, 344.
- 18 См. там же, с. 186.
- 19 De la Gardie был назначен генерал-губернатором Ливонии и одновременно Главнокомандующим на огромном фронте от Ладоского озера до Двини еще 1 июня 1655 г. - См.: J. ynkob. Magnus Gabriel de la Gardie. - In: "Sweden's age of greatness. 1637-1718, 1st publ. London, Basingstoke, 1973, p. 209.

- 20 По-видимому, не позднее лета 1657 г. - ср., об отмеченных выше переменах в расстановке противоборствующих сил: А.С.Кин. История Швеции. М., 1974, с. 204.
- 21 Названные памятники хранятся соответственно в ЦГАДА, ф.381, № 1600; ГИМ, Синодальное собрание, № 731: см. также: Н.И. Пашкович. Из ранних декламаций Симеона Полоцкого "Метры" и "Диалог краткий" - ТОДРЛ, т.XXI, М.-Л., 1965, с.29-38.
- 22 А.Н.Робинсон. Политическое и эстетическое значение ранней поэзии Сим.Полоцкого (1656г.) - "Philologica". Исследования по языку и литературе. Памяти акад. Б.М.Жирмунского. Л., 1973, с.299-307; его же: Борьба идет в русской литературе XVII века. М., 1974, с.34-37.

"ЛЕТОПИСЕЦ О НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ"

Среди известных в настоящее время списков Нижегородского летописца обращают на себя внимание три списка, которые значительно разнятся от остальных, представляющих собственно Нижегородский летописец. От списков последнего они отличаются следующими характерными чертами. Прежде всего эти списки содержат материал по истории Нижнего Новгорода с 1221 (6729) года до середины ХУП в. Другие списки Нижегородского летописца излагают события с 1212 (6720 - дата ошибочна) года по 80-е годы ХУП в. Между списками имеются существенные различия в составе статей и частично в их содержании. Три особые списка включают два известия XIII в., далее тринадцать статей с нижегородскими известиями за вторую половину XIV в., и сразу за известиями XIV в. идут известия за XVI и ХУП вв. (описание же событий XV в. пропущено). В других списках Нижегородского летописца события XIII и XIV вв. излагаются в иной последовательности, в их описании встречается другой фактический материал, добавлены известия о событиях XV в., приведены дополнительные данные по XVI и ХУП вв. Таким образом, речь должна идти о двух летописных памятниках, освещающих историю Нижнего Новгорода в XIII-ХУП вв. Один - это известный Нижегородский летописец, представленный почти тремя десятками списков, другой, представленный тремя списками, может быть назван "Летописец о Нижнем Новгороде", поскольку такое название содержат списки этого памятника. Следует указать и другие отличия "Летописца о Нижнем Новгороде" от Нижегородского летописца. Если в "Летописце о Нижнем Новгороде" изложение событий имеет определенную хронологическую последовательность, совпадающую в описаниях XIII и XIV вв. с порядком статей в общерусских летописях, то в Нижегородском летописце изложение материала XIII-XIV вв. не имеет такой последовательности, местами материал произвольно перемещен. Можно отметить и разную источниковую основу памятников. "Летописец о Нижнем Новгороде" своим главным источником имеет общерусскую

летопись, которая по типу относится к Типографской летописи особой редакции первой половины XVI в.¹, а в описании событий XVI—XVII вв. частично обнаруживает сходство с Хронографом редакции 1617 г. Кроме того, имеются известия из местного источника. Круг источников Нижегородского летописца более разнообразен: это и летопись, и местное сказание, списки воевод и дьяков, правительственные указы и распоряжения, записи о местных событиях.

Как уже отмечалось, "Летописец о Нижнем Новгороде" сохранился в трех списках. Они датируются XVII — началом XVIII вв. Впервые список этого памятника обнаружил в 1910 г. А.А.Шилов, который и опубликовал его как список Нижегородского летописца. При этом, пытаясь установить источники этого списка, он сопоставил его с изданным А.С.Гациским текстом Нижегородского летописца, Воскресенской летописью и Хронографом редакции 1617 г. В комментариях к изданию он отметил отдельные сходства и различия в текстах памятников.² Опубликованный А.А.Шиловым список сохранился — это список БАН, № 16.17.23.

Список БАН, № 16.17.23 был известен и А.Н.Насонову. Он также принимал его за список Нижегородского летописца и рассматривал наряду с другими списками этого памятника в своих работах по русскому летописанию. В исследовании, посвященном владимирскому великокняжескому летописанию первых десятилетий XIII в., он писал, что сравнение опубликованных А.С.Гациским списков и неопубликованных списков БАН, № 16.17.23 и БАН, Строгановского № 38, приводит к выводу о существовании общего протографа XVII в., в котором были соединены два комплекса известий (из двух источников): один, кончая 6930 г. с припиской, другой, начиная с 7017 г.³ А.Н.Насонов указал на ряд известных ему летописей, в которых содержится материал по истории Нижнего Новгорода, получивший отражение в указанных списках Нижегородского летописца. Среди них особое место он отводил Никоневской летописи.⁴

В описании рукописей БАН список № 16.17.23 по традиции был принят за список Нижегородского летописца. Составители описания указали еще один список "Летописца о Нижнем Новгороде" — БАН, № 4.7.27, который тоже был определен как список Ниже-

городского летописца.⁵ Третий список "Летописца о Нижнем Новгороде" был обнаружен автором этой публикации в Древле-хранилище ИРЛИ. Это список ИРЛИ, собрание В.Н.Перетца, № 160.

В описании обоих сборников БАН следует внести некоторые уточнения и дать описание рукописи из ИРЛИ.

1. БАН, № 4.17.27. Сборник исторический.

Рукопись описана.⁶ Но к описанию необходимо сделать несколько дополнительных замечаний. Рукопись составлена из двух частей: на л.4-164 - русская летопись, на л.155-162 об. - "Летописец о Нижнем Новгороде". Рукопись написана скорописью первой половины XVII в. разными почерками. "Летописец о Нижнем Новгороде" написан одним почерком. У листа 162 оторван угол с частью текста "Летописца о Нижнем Новгороде". В описании БАН рукопись датирована по водяным знакам переплетных листов, но там не указаны на листах 4 - 162, т.е. на бумаге основного текста рукописи, водяной знак: Герб "лилия на щите" и литеры LD под щитом (литерное сопровождение встречается в двух вариантах LD и ID), который соответствует № 952 (1646-1654 гг.) и № 955 (1655 г.) альбома Т.В.Диановой и Л.М.Костикиной.⁷

Судя по почерку, водяным знакам на бумаге, а также по последней статье "Летописца о Нижнем Новгороде" о море на Руси в 1654-1655 гг., рукопись можно датировать второй половиной 50-х годов XVII в. Переплетена рукопись была позднее, очевидно, в 80-е годы XVII в., так как бумага переплетных листов 1-3, 163-165 более поздняя (Герб г.Амстердема, соответствующий № 8 (1688 г.) у Черчилли)⁸, а на обороте верхней крышки переплета имеется запись скорописью 1686 г.: "195 году октября въ 1 день подписалъ сию книгу, глаголемую Лѣтописецъ."

Заголовок "Летописца о Нижнем Новгороде": "Лѣтописецъ о Нижнемъ Новеграде, въ коихъ годехъ заложен и при коемъ великомъ князе". Нач.: "Лѣта 6729-го. Князь великий Еръе Всеволодониъ заложил градъ на усье Оки реки и нарече Новъград Нижней и церковь постави соборную архангела Михаила древяную". Кон. "...до 164-го году до Рожества Христова".¹⁰

2. БАН, № 16.17.23. Сборник исторический.

Рукопись описана.¹¹ Рукопись механически составлена из двух частей. "Летописец о Нижнем Новгороде" находится на листах 1-16. Эту часть рукописи А.А.Шилев датировал третьей четвертью XVII в. В описании ЕАН рукопись датируется последней четвертью XVII в.

Водяной знак на листах 1-19 - Голова шута с семью бубенцами и литеры "ЕР" на другой половине листа. Этот знак встречается на бумаге старопечатных книг и изданиях с 1683 г. по 1700 г.¹²

Листы 1-19 об. рукописи написаны коричневыми чернилами, одним почерком скорописью второй половины XVII в. Принимая во внимание водяные знаки рукописи и почерк, эту часть рукописи следует датировать двумя последними десятилетиями XVII в.

На боковом поле листа 12 об. другим почерком коричневыми чернилами написаны две дополнительные статьи. Текст приписок: "Лѣта 7042. Декабря нача царствовать царь Иван Васильевич" и "Лѣта 7044. Поставиша балахонци собѣ град древяной". На поле листа 16 заглавие: "О древах крестных". На боковых полях карандашом написаны даты арабскими цифрами, соответствующио буквенным датам в тексте, но в ряде случаев иные: на л.1 - 6729, 6760; на л.1 об. 6762, 6860, 6872; на л.2 об. в тексте 6883, на полях - 6873; на л.3 в тексте - 6874, на полях - 6879; на л.4 в тексте - "того же лѣта", на полях - 6874 и 6875; на л.4 об. в тексте - "того же лѣта", на полях дважды 6877; на л.5-6878, 6800; на л.5 об. в тексте - 6802, на полях 6882 и 6883; на л.6 в тексте - 6825, на полях - 6865; на л.10 в тексте 6091, на полях 6891; на л.10 об. в тексте - "того же году", на полях - 7017. По-видимому, текст "Летописи о Нижнем Новгороде" сверялся с другим летописным текстом, в результате чего были внесены указанные даты.

Состав рукописи на л.1-19 об.; л.1-16 - "Летописец о Нижнем Новгороде", л.16-19 - "Сивиряна епископа Гавалского о Дрѣве спасенного креста", л.19-19 об. - "Выписано из летописца Царственные книги": о море, бывшем в Смоленске в 6895 г., и о голоде, бывшем в Русской земле в 6931 г. Заметка, приписанная в XVIII в., о морозе, бывшем в России в 7217 г.

Заголовок "Летописца о Нижнем Новгороде": "Лѣтописецъ о Нижнемъ Новѣгородѣ, в коихъ годѣхъ заложенъ и при коемъ великомъ князе". Нач.: "Лѣта 6729-го. Князь великий Дръе Всеволодовичъ зложилъ градъ на устьѣ Оки рѣки и нарече Новѣградъ Нижнии и церковь постави соборную архангела Гаврила древяную". Кон.: "И паки нача быти моръ в Нижнемъ 164-го году и бывъ до Рождество Христова того жъ году".

3. ИРЛИ, Древлехранилище, собрание В.Н.Перетца. № 160. Сборник смешанного состава.

Рукопись в 4^о, на 140 листах. Переплет картонный, на корешке и по углам кожа коричневого цвета. На оборотной стороне верхней крышки переплета наклейка с надписью: "Библиотека П.Ф. Симсона. Отд.П, № 177", автограф: "В.Перетц, 30.У.15." и др. пометы.

Рукопись сборная. В ее состав входят произведения литературного, исторического и религиозного содержания. Рукопись написана коричневыми чернилами разными почерками скорописью и полууставом конца ХУП в. - начала ХУШ в. На л. 123-131 одним почерком скорописью конца ХУП в. - начала ХУШ в., написаны тексты "Летописца о Нижнем Новгороде" и "Московского летописца", а также текст "Об избрании самодержца Михаила Федоровича".

Водяные знаки на л. 123-131: 1. Голова шута с семью бубенцами (л. 124 и 125). Просматривается только нижняя часть филигрании. А.А.Герасимов этот тип "Головы шута" датирует второй половиной ХУП в. - началом ХУШ в.¹³ 2. Герб г. Амстердама (л. 128). Видна верхняя часть филигрании - корона. У А.А.Герасимова этот тип филигрании датируется концом ХУП в. - первой четвертью ХУШ в.¹⁴

Краткий текст "Летописца о Нижнем Новгороде" занимает л. 127-127 об., на которых водяной знак не просматривается. Учитывая водяные знаки на смежных листах и почерк рукописи, "Летописец о Нижнем Новгороде" следует датировать концом ХУП в. - началом ХУШ в.

Данный список "Летописца о Нижнем Новгороде" заголовка не имеет. Нач.: "Лѣта 6729-го году. Князь великий Дръе Всеволодовичъ зложилъ градъ на усьѣ¹⁵ Оки реки и нарече Нижнии

Новгород и поставил древнюю соборную архангела Михаила церковь". Кон.: "7039-го году. Мани въ 23 дан: погорь в Нижнемъ Новѣградѣ посади: от Рождества богородицы до Пятницы".

Публикации "Летописца о Нижнем Новгороде имеют важное значение для исследования проблемы местного летописания в Российском государстве ХУП в.

В основу издания положен список БАН, № 4.7.23 как древнейший и как более исправный (в дальнейшем - А1). Список БАН, № 16.17.23 (в дальнейшем - А2) не является его копией, как это показано в подготовленной для печати статье автора, поэтому дается в вариантах. Список ИРЛИ, собрание В.Н.Перетца, № 160 намного короче первых двух, он включает только восемь статей, по содержанию аналогичных тем же статьям Академических списков, но не восходящих к ним, поэтому издается отдельно.

При передаче текста "Летописца о Нижнем Новгороде" соблюдаются следующие правила: правописание рукописи сохраняется, за исключением букв ѣ, ѿ, з, ѿ, з, которые заменены соответствующими буквами современного алфавита. Во всех случаях сохраняется "ъ", "ь", "ь". Слова под титлами раскрываются с введением "ь" в тех случаях, когда это требует современное правописание. Славянские цифры заменены арабскими. Примечания, касающиеся издаваемых рукописей, приводятся под буквами. Варианты даются под арабскими цифрами.

Буквы и слова, заключенные в квадратные скобки, срезаны при переплетении рукописи или утрачены на л.162 в списке А1. Они восстановлены на основании других текстов или по смыслу. Многоточием отмечен утраченный текст, который нельзя восстановить.

1 МДА, ф. 173 Ш, № 146. Сборник смешанного состава первой половины ХУІ-ХУІІ вв. "Летописец русский" в составе этого сборника А.Н.Насонов рассматривает как особую редакцию Типографской летописи, датирует ее первой половиной ХУІ в. и отмечает ее расхождение с другими списками Типографской летописи. - А.Н.Насонов. Материалы и исследования по истории русского летописания. - "Проблемы источниковедения". В.УІ. М., 1958, с.246-247.

2 А.А.Шилов. Описание рукописей, содержащих летописные тексты. В. I. СПб., 1910, с. 40-47.

- 3 А.Н.Насонов. История русского летописания (XI - начала XVIII в.). М., 1969, с. 188-189.
- 4 А.Н.Насонов. Указ.соч., с. 173.
- 5 Исторические сборники XV-XVII вв. Описание рукописного отдела БАН СССР. Т.3, в.2. М.-Л., 1965; Описание рукописного отдела библиотеки АН СССР, М.-Л., т.3, в.1, 1959.
- 6 Описание рукописного отдела..., с. 381-382.
- 7 Т.В.Диацовой, Л.М.Костюхина. Водяные знаки рукописей России в XVII в. М., 1960.
- 8 W.Sherbillo. Watermarks in Paper in Holland, England, and France. Amsterdam, 1935.
- 9 Так в рукописи.
- 10 Начало фразы утрачено.
- 11 А.А.Шилов. Описание рукописей...; Исторические сборники...
- 12 Сиктоих. М., 1603. Псалтырь следованная. М., 1684. Псалтырь. М., 1697. Трехъ цветная. М., 1699. Устав церковный. М., 1700. Сведения получены от Т.В.Диацовой, которой мы приносим глубокую благодарность.
- 13 А.А.Герасимов. Филигрны XVII в. на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963, с.27, 196-207, № 1328-1394.
- 14 А.А.Герасимов. Указ.соч., с. 17, 39-40, № 61-64.
- 15 Так в рукописи.

ЛѢТОПИСЕЦЪ О НИЖНЕМЪ¹, НОВЪГРАДЕ², ВЪ
КОИХЪ ГОДѢХЪ³ ЗАЛОЖЕИ И ПРИ КОЕМЪ ВЕЛИКОМЪ⁴ КНЯЗЕ

Лѣта 6729-го. Князь великий Юрь Всеволодович⁵ заложил градъ на усть⁶ Оки реки⁷ и наче Новѣградъ Нижняи⁸, и церковь постави соборную архангела Михаила⁹ древяную.

Лѣта 6735-го. Великий князь Юрь¹⁰ Всеволодовичъ заложил¹¹ церковь каменную архангела Михаила в Новѣграде¹² Нижнемъ.

Лѣта 6860-го¹³. Въ Новѣграде¹⁴ Нижнемъ¹⁵ созиана бысть церковь каменная¹⁶ соборная¹⁷ во имя господа бога¹⁸ и¹⁹ Спа-са нашего Иуса Христа богочелнаго²⁰ его²¹ Преображенія благовѣрныи²² княземъ Константиномъ²³ Васильевичемъ Суждальскимъ²⁴ и Поугородскимъ и²⁵ Городецкимъ.²⁶

Лѣта 6862-го.²⁷ Преставися великий князь Константинъ Васильевичъ²⁸ Суждальский²⁹ во иноцехъ и въ³⁰ схимѣ³¹ мѣсяца ноября³² въ³³ 21 день. И положен бысть в Новѣграде³⁴ Нижнемъ³⁵ въ³⁶ соборной³⁷ церкви³⁸ у святаго³⁹ Спаса⁴⁰.

Лѣта 6863-го.⁴¹ Князь великий Андрей⁴² Константиновичъ⁴³ сяде в Суждале⁴⁴ и в Новѣграде⁴⁵ Нижнемъ⁴⁶ и на Городецѣ въ⁴⁷ вотчинѣ⁴⁸ отца своего.

Лѣта 6872-го⁴⁹ Бысть моръ великъ въ Нижнемъ⁵⁰ Новѣграде.

1, 1 Нижнемъ А2. 2 Новѣграде А2. 3 годѣхъ А2. 4 великимъ А2. 5 Всеволодовичъ А2. 6 устьѣ А2. 7 рѣки А2. 8 Нижняи А2. 9 Генрила А2. 10 Юрь А2. 11 заложил А2. 12 Новѣграде А2. 13 6760-го А2. 14 Новѣграде А2. 15 в Нижнемъ А2. 16 соборная А2. 17 каменная А2. 18 нет А2. 19 нет А2. 20 богочелнаго А2. 21 нет А2. 22 благовѣрныи А2. 23 Константиномъ А2. 24 Суждальскимъ А2. 25 нет А2. 26 нет А2. 27 6762-го А2. 28 Васильевичъ А2. 29 Суждальский А2. 30 во А2. 31 схимѣ А2. 32 ноября А2. 33 Новѣграде А2. 34 Нижнемъ А2. 35 нет А2. 36 нет А2. 37 нет А2. 38 нет А2. 39 у Спаса в соборной церкви А2. 40 6860-го А2. 41 Андрей А2. 42 Константиновичъ А2. 43 Суждале А2. 44 Нижнемъ А2. 45 Новѣграде А2. 46 во А2. 47 отчинѣ А2. 48 6872-го году А2. 49 Нижнемъ А2. 50 Новѣграде А2.

Послана бысть от господа бога казнь с Низу и отголе⁵¹ — къ Коломне и к Москвѣ и къ Переславлю.⁵¹ И по всемъ градомъ⁵² мортъ, великъ и страшно видение⁵³, елико не успевали⁵⁴ живые мертвѣкъ погребати. Болезнь же бысть такова⁵⁵: яко железя выкинетца⁵⁶ у челоуѣка овому на шею⁵⁷, а у иного под пазухоу и на⁵⁸ стегна⁵⁹, а иного яко рогатиноу ударить за лопатки и под груди. И тако лежит разболевъся⁶⁰, начнет кровью⁶¹ хркатъ⁶², и огнь⁶³ зажесть, и потом дробать начнетъ⁶⁴. И тако дожить⁶⁵ день или два и⁶⁶ много три дни и тако умираху⁶⁷ скоро.

Лѣта 6083-го. Мѣсяца июля въ 2 день преставися великий князь Андрей⁶⁸ Константиновичъ⁶⁹ Нижнего⁷⁰ Новогграда⁷¹ въ чернцехъ⁷² и въ⁷³ схино⁷⁴, и⁷⁵ положен бысть въ соборе у всемилостиваго⁷⁶ Спаса. И сяде по нем брат его Борис в Новогороде⁷⁷ Нижнемъ. А князь великий Димитрий⁷⁸ Иванович⁷⁹ Московскій⁸⁰ посла въ Новогородъ⁸¹ Нижней⁸² ко князю Борису Константиновичю⁸³ игумена Сергия⁸⁴, золучи его къ собѣ къ Москвѣ, чтоб его смирил з братом его со княземъ Димитриемъ⁸⁵, он же не поведе⁸⁶. Игумен же Сергий затвори цркви в Новограде⁸⁷ Нижнемъ⁸⁸. И князь великий Димитрий⁸⁹ Иванович⁹⁰ Московскій⁹¹ даде⁹² рать⁹³ своею⁹⁴ князю⁹⁵ Дмитрею⁹⁶ Константиновичю⁹⁷.

51-51 вверхъ к Переславлю и Коломне, на то ж лѣто и к Москвѣ
 А2. 52 городам А2. 53 видѣние А2. 54 успѣвали А2. 55 таковая А2. 56 выкинутца А2. 57 ушею А2. 58 в А2. 59 стегнах А2. 60 разболевся А2. 61 кровью А2. 62 хркати А2. 63 огнем А2. 64 станет А2. 65 жа... хав А2. 66 или А2. 67 умреху А2. 68 Андрей А2. 69 Костянтиновичъ А2. 70 нетА2. 71 нет А2. 72 чернцехъ А2. 73 во А2. 74 схиме в Нижнем Новограде А2. 75 нет А2. 76 всемилостиваго А2. 77 Нижнем А2. 78 Новогороде А2. 79 Димитрей А2. 80 Ивановичъ А2. 81 Московски А2. 82 Новград А2. 83 Нижней А2. 84 Костянтиновичю А2. 85 Сергия А2. 86 Димитриемъ А2. 87 иде А2. 88 Нижнемъ А2. 89 Новограде А2. 90 нет А2. 91 нет А2. 92 нет А2. 93 нет А2. 94 нет А2. 95 нет А2. 96 нет А2. 97 Дмитрей А2. 98 Костянтинович А2.

И поиде на Новгород⁹⁹ Нижней на¹⁰⁰ брата своего. Князь же Борис доби^{11,1} ему челом. И князь же Дмитри² Константинович³ сяде в Новгороде⁴ Нижней, а брату своему князь Борису даде Городец⁶, а вся своя распусти.

Лета 6374-го. Создана биста церковь каменная в Новгороде⁷ Нижней⁸ во имя чудотворца Николаи великим княземъ Дмитрием⁹ Константиновичемъ. ¹⁰ И в та¹¹ лета великаго князя¹³ Константина¹⁴ Васильевича и детей его великаго князя¹⁶ Андрея¹⁷ и¹⁸ в Новгороде¹⁹ Нижней²⁰ был гость Тараси Петровъ сын, окупаль ис²¹ половину²² а зюжикъ людей²³ изо многих Орды²⁴, и болши его в гостях²⁵ и бито в Новгороде²⁶ Нижней²⁷. И купил онъ себе вотчину у Мурашица²⁸ князя за Кудымов на речке на Суздальни-²⁹ б³⁰ село Садово, а в нем церковь Бориса³¹ и Глеба³², да Хитовское, да Зарудное, да Халипчиново³³, да Мукар, и как запусет³⁴ Новгород³⁵ Нижней³⁶ от татар, и Тараси гость в те пори из города³⁷ Нижнего съехал³⁸ в Моску, и купилъ себе место³⁹ на Мошкыа, где⁴⁰ ныне⁴¹ ситан Парварь стоит⁴². Того же лета прииде⁴³ из Новгорода⁴⁴ Волгов рекой⁴⁵ пол 100 ушколов⁴⁶ с разбивки с новгородскими и разбиша по Волзе много татар и бесермяны⁴⁷, а в том⁴⁸

а в А1 Моквь, исправлено по А2.

99 Новгород А2. 100 и на А2. 11,1 добил А2. 2 Дмитрием А2. 3 Константиновичем А2. 4 Нижней А2. 5 Новгороде А2. 6 Город А2. 7 Новгороде А2. 8 в Нижней на Поманье А2. 9 Дмитрием А2. 10 Константиновичем А2. 11 та А2. 12 великаго А2. 13 князь А2. 14 Константин А2. 15 великаго А2. 16 князя Дмитрия и старшаго его брата князя А2. 17 Андрея Ивановича А2. 18 нет А2. 19 городе А2. 20 Нижней А2. 21 нет А2. 22 нет А2. 23 люди ис половину А2. 24 Орды А2. 25 гостях А2. 26 Новгороде А2. 27 в Нижней А2. 28 Мурашица А2. 29 шесть А2. 30 село А2. 31 Борисе А2. 32 Глеб А2. 33 Халипчиново А2. 34 запусет А2. 35 Новгороде А2. 36 Нижней А2. 37 Новгорода А2. 38 съехал А2. 39 место А2. 40 где А2. 41 ныне А2. 42 нет А2. 43 прииде А2. 44 Новгород Нижнего А2. 45 великаго князя А2. 46 ушколов А2. 47 бесермяны А2. 48 в том А2.

и Новгород⁴⁹ Нижнем погра/бшид/^а и суди, и⁵⁰ кербаты, и пауски, и лодьи, и струги все изсекоша и поидоша⁵¹ в Каму и тамо приидоша такожде творячи⁵² алая. Того же лета князь ординский именем Булат⁵³ Темир прииде ратию татарскою и пограби уезди⁵⁴ вси по Волзе даже и до Сундовити⁵⁵ села⁵⁶. Князь⁵⁷ великий Дмитрий⁵⁸ Константинович⁵⁹ з братом своим⁶⁰ Борисом и⁶¹ детьми собрав⁶² вол⁶³ кня против. Он же скалягнии⁶⁴, уредавъ⁶⁵ собравше великаго⁶⁶ князя, на поиде на бои и побѣже за реку Пльчу,⁶⁷ и гоняше по нем много татар и останешылых⁶⁸ избиша, а⁶⁹ Булакъ Темир в Орду побѣже и тамо убиенъ буть от Азия⁷⁰ царя. Того же лета Борисе Константинович⁷¹ поставилъ⁷² на⁷³ Городце⁷⁴ церковь⁷⁵ соборную архангела⁷⁶ Михаила. Того же лета в Новогороде⁷⁷ Нижнем⁷⁸ уползе герн на⁷⁹ Благовещенье⁸⁰ день⁸¹ пресвятна⁸² богородицы⁸³ и⁸⁴ много⁸⁵ посаду⁸⁶ и⁸⁷ о людими подари.

Лета 6870-го, Алексѣи митрополит шел из Орды и постави церковь каменную⁸⁸ въ Новогороде⁸⁹ Нижнем⁹⁰ Благовещения⁹¹ пресвятна⁹² богородицы и у князя Бориса Константиновича⁹³ крести⁹⁴ сына его Иванныя.⁹⁵

в В А1 погра, исправлено по А2.

49 Новгород А2, 50 нет А2, 51 падоша А2, 52 творяща А2, 53 Балать А2, 54 уезды А2, 55 Сундовита А2, 56 села князя Бориса А2, 57 нет А2, 58 Дмитрие А2, 59 Константиновичъ А2, 60 нет А2, 61 и з А2, 62 собрався и А2, 63 нет А2, 64 оканчи А2, 65 увидев А2, 66 великаго А2, 67 за Пльчу А2, 68 останших А2, 69 и А2, 70 Азия А2, 71 Константинович А2, 72 постави А2, 73 нет А2, 74 нет А2, 75 церковь на Городце А2, 76 архангела А2, 77 Новѣградо А2, 78 в Нижнем на Благовѣщенье в день пресвятне богородицы А2, 79 нет А2, 80 нет А2, 81 нет А2, 82 нет А2, 83 нет А2, 84 нет А2, 85 имъ А2, 86 посади А2, 87 и дворов А2, 88 каменную А2, 89 Новѣграде А2, 90 в Нижнем А2, 91 Благовѣщенье А2, 92 пресвятне А2, 93 Константиновича А2, 94 крестя А2, 95 Ивана А2.

Лѣта 6110-го. В Новогороде⁹⁶ Нижнем⁹⁷ у соборна церквы
у всемоштваго Спася колоколъ бойшой самъ о себѣ позови
трижди⁹⁸. Того же лѣта великии⁹⁹ князь Борис Константиновичъ¹⁰⁰
постави себѣ городъ на реке на Суру¹⁰¹ и нарече Кулина.

Лѣта 6102-го. На¹ первой² недѣлѣ³ великаго поста
митрополитъ⁴ Алексен поставилъ⁵ епископомъ⁶ Суздальскимъ⁷
Деоисия⁸ архиморита Печерскаго монастыря Нижнего⁹ Но-
вогорода. Того же лѣта изомша посолье¹⁰ мазаевыхъ в Новогоро-
де¹¹ Нижнемъ¹², а с нимъ оубо¹³ татаръ¹⁴ 1000¹⁵, а старейшину¹⁶
ихъ именем Саранка¹⁷ и с прочими дружиновъ руками маза¹⁸ въ
градъ¹⁹.

Лѣта 6113-го. Князь²⁰ Константиновичъ²¹ повелехъ²² уби-
ти [С]аранку²³ и дружину его в Нижнемъ²⁴. Того²⁵ же лѣта
приведше татарова изъ мазаевы Орды и взяша Кешь, и огнемъ²⁶
погырша²⁷ и убиша²⁸ тогда боярина Перфилья Федоровича,
[и] за Пелью²⁹ все пограбша, а³⁰ иныя изсекоша, а
иныхъ пленша.

Лѣта 6125-го году. Прииде изъ Сине Орды за Волгу
некотори цѣловичи именемъ Араша и восхотѣ³¹ ити ратью къ
[Но]вугороду³² Нижнему. Князь же Дмитрия³³ Константиновичъ³⁴
посла войско³⁵ къ великому князю Дмитрию Пешовичу зяти
своему. Князь же великии³⁶ прииде къ Новуграду³⁷ Нижнему³⁸

а Букви, заключеніе в скобки, утрачено, восстановлено по А2,
б В А1 вуграду, исправлено по А2.

96 Новуграде А2. 97 в Нижнем А2. 98 трижди удари А2. 99 тот А2.
100 Константинович А2. Ш, 1 Сура и нарече А2. 2 6102-го А2.
3 въ А2. 4 1-я А2. 5 недѣлѣ А2. 6 великаго А2. 7 Алексен А2.
8 митрополит А2. 9 постави А2. 10 епископомъ А2. Суздальскимъ А2.
12 Деоисей А2. 13 Нижнего А2. 14 Новуграде А2. 15 в Нижнем А2.
16 было А2. 17 1000 А2. 18 татар А2. 19 старейшину А2. 20 Са-
ранка А2. 21 в А2. 22 городъ А2. 23 князь Дмитрия А2. 24 Кон-
стантиновичъ А2. 25 повелѣ А2. 26 Саранку А2. 27 Нижнем А2.
28 с того А2. 29 гнем А2. 30 погырша А2. 31 оиша А2. 32 Пел-
ню А2. 33 и А2. 34 тот А2. 35 восхотѣ А2. 36 Дмитрия А2.
37 Константиновичъ А2. 38 вестъ А2. 39 Василии А2. 40 Нижнему
А2.

в силе ⁴¹ велицѣ ⁴², и не было вѣсти ⁴³ про царевича Арашѣ, и
 возвратился ⁴⁴ на Москву^а и постави про/ти/ву^б татар рать
 сров владимирскую ⁴⁵, переславскую ⁴⁶, врьвскую ⁴⁷, муромъ-
 скую ⁴⁸ и ерославскую ⁴⁹, муромскую^а. И князь Дмитрии⁵⁰
 Константиювич⁵¹ посла сына своего князя Ивана да князя
 Семвона⁵² Михвильовича и с ними рати ⁵³ своя. И бнсть мно-
 жество ратникъ и поидоша за Пьяну реку ⁵⁴, и прииде к ним
 вѣсть, яко царевичъ Арашѣ на Москѣ ⁵⁵ реке ⁵⁶. Они же оп-
 локшася ⁵⁷ и небожею хощаху, ⁵⁸ доспехи ⁵⁹ воскладиваху
 на телеги ⁶⁰, а иже въ сумѣ, в у^а ичих ⁶¹ еще сулицы не
 насаждени ⁶² и щиты ⁶³, и копья еще не приготомлены, а ездя-
 ху ⁶⁴ и порты ⁶⁵ с плеч ⁶⁶ спущаху, мед пняду до пня, ло-
 ва ⁶⁷ потеху ⁶⁸ себѣ дѣлае ⁶⁹. И въ то время погани князя ⁷⁰
 муромскыя ⁷¹ подведоша рать татарскую ⁷² а твине ⁷³ из ма-
 насны Орды на рускыхъ князехъ, килсомъ же про то вѣсти ⁷⁴ не
 было. Погани же^а разделяшася ⁷⁵ въскоре ⁷⁶ на многыя ⁷⁷ пол-
 ки, внезапу изневестъ ⁷⁸ удерившася на них въ тил ⁷⁹ на-
 чаша бити и сечи ⁸⁰. Они же не усѣша ⁸¹ что сово/р/ити^а и
 побѣгоша по Пьяне реце, татарове ⁸² же во след ⁸³ [б]иже^а, и
 ту убива князя Семвона Михвильовича ⁸⁴ множество бояръ, а
 князь ⁸⁵ Иван^а Дмитръевичъ ⁸⁶ прибѣжа въ те ⁸⁷ поры второ-

в Бугахъ, заключенію в скобки, утраченъ, восстановленъ по А2.
б В А2 прову, исправлено по А2. в В А1 слово "муромскую"
достоверно, в А2 нет. г В А1 слова "погани же" написаны
дважды.

41 свѣд. А2. 42 виллицей А2. 43 вѣсти А2. 44 возвратился А2.
 45 владимирскую А2. 46 переславскую А2. 47 врьвскую А2. 48
 муромскую А2. 49 ерославскую А2. 50 Дмитрии А2. 51 Константию-
 вичъ А2. 52 Семена А2. 53 рать А2. 54 и в рѣку А2. 55 долъе
 А2. 56 воде А2. 57 оплосилис А2. 58 хощаху А2. 59 доспѣхи своя
 А2. 60 покладовали А2. 61 телеги А2. 62 нет А2. 63 ичих А2.
 64 насаждени А2. 65 з щиты А2. 66 вѣдяху А2. 67 полтив А2. 68
 шлѣч А2. 69 лова дѣлае А2. 70 потѣху А2. 71 творящу А2. 72 князи
 А2. 73 муромскыя А2. 74 нет А2. 75 втай А2. 76 вѣстно А2. 77
 разделяшася А2. 78 вскоре А2. 79 многыя А2. 80 и изневестъ А2.
 81 сечи А2. 82 усѣша А2. 83 татарова А2. 84 слѣд А2. 85 князя
 А2. 86 Ивана А2. 87 Дмитръевича А2. 88 тѣ А2.

паша⁸⁹ гоним напрасно⁹⁰ на /к/оне⁹¹ и⁹² вержеса⁹³ въ ре-
 ку и утопѣ⁹⁴ и с шныъ истоне⁹⁵ множаство бодра и бои бза-
 численно, а⁹⁶ инии⁹⁷ изби/в/ни⁹⁸ оша. Сия же злота содела-
 шася⁹⁹ мѣсяца августа въ 2¹⁰⁰ день. 17, 1¹ одолежа² татаро-
 бя хрѣстиян³ и стан на костехъ⁴ поставши на⁵ костехъ⁶ и по-
 лон и грабежъ весь оста/в/ша⁷ ту⁸ и поидоша изгнанои⁹ бза-
 весно къ Новуграду¹⁰ /Н/ижнему¹¹ низъ же великии¹² Ди-
 митрии¹³ Константиновичъ¹⁴ из¹⁵ бисть¹⁶ силъ у¹⁷ него¹⁸
 противу¹⁹ ихъ²⁰ стати, бѣжа²¹ въ Суздаля²², и люди гонима-
 на разбѣгашася²³ въ судехъ²⁴ по Волзе къ Городу. Татарови
 же прогнаша²⁵ ихъ къ городу августа²⁶ въ 5 день²⁷ среду,
 а останошныкъ²⁸ людей избивша²⁹, а градъ весь³⁰ и³¹ церкви,
 и монастыри³² пожгоша³³. И оттодоша³⁴ окаляни³⁵ от града
 въ³⁶ пятокъ³⁷ и начаша³⁸ волости и села нижегородцѣвъ³⁹
 воевати и жеци⁴⁰, и много людей посякша, а жеци⁴¹ и дети⁴²
 ихъ⁴³ въ пленъ погнаша⁴⁴. Того же мѣсяца августа⁴⁵ прииде
 князь Василии⁴⁶ Дмитриевичъ⁴⁷ из Суздаля⁴⁸ въ Новгород⁴⁹
 Нижней⁵⁰ и посла, повеле⁵¹ выгати телеса⁵² из реи из
 Пьяны⁵³. И привозоша въ Новгород⁵⁴ Никитон⁵⁵ и довожиша его

а Букви, заключенные в скобки, утрачены, восстановлены по А2.
 89 нет А2. 90 напрасно по рыце в торопѣхъ зержеса А2. 91 коне
 А2. 92 нет А2. 93 нет А2. 94 утопѣ А2. 95 истонѣ А2. 96 нет А2.
 97 мнозии А2. 98 содѣшася А2. 99 августа А2. 100 2 и А2.
 17, 1 нѣделю поста и А2. 2 одолежа А2. 3 крестяныи А2. 4 кс-
 тях А2. 5 ту А2. 6 нет А2. 7 нет А2. 8 изгнанои А2. 9 Новугра-
 ди А2. 10 к Нижнему А2. 11 нет А2. 12 Дмитрии А2. 11 Константи-
 тивович А2. 14 нет А2. 15 избисть А2. 16 нет А2. 17 нет А2. 18
 против А2. 19 их А2. 20 бѣжал А2. 21 Суздаля А2. 22 разбѣго-
 шася А2. 23 судехъ А2. 24 прогнаша А2. 25 августа А2. 26
 останошных А2. 27 избивша А2. 28 нет А2. 30 монастырь А2.
 31 пожгожа А2. 32 оттодоша А2. 33 окаляни и в пятокъ А2.
 34 нет А2. 35 нет А2. 36 нача А2. 37 нижегородцѣвъ А2.
 38 жеци А2. 39 жеи их А2. 40 детей А2. 41 нет А2. 42 пове-
 доша А2. 43 августа А2. 44 Василии А2. 45 Дмитриевич А2.
 46 Суздаля А2. 47 Новгород А2. 48 в Нижней А2. 49 повелѣ а
 50 нет А2. 51 Пьяны телеса А2. 52 Новгород А2. 53 в Нижн

въ⁵⁴ церкви каменной⁵⁵ въ⁵⁶ соборе⁵⁷ у свягатаго Спаса въ при-
творе на правои стране⁵⁸ мѣсяца⁵⁹ августа⁶⁰ 23 день, Того же
лѣта прежерече/н/ни⁶¹ царевичь Арапша⁶² пришедше⁶⁴ погра-
бша за рекою⁶⁵ [з/а⁶⁶ Сурою все и огнем пожгоша. Тое же
осени поганая мордва собравшеся⁶⁷ пришедше безвесно⁶⁸ уда-
ришася [в/а⁶⁹ уезды⁷⁰ и множество людей посекоша, а иных
в полон по/в/едоша⁷¹, а останошние⁷² села⁷³ огнем пожгоша
и поидоша проч. Князь же⁷⁴ Борис Константинович⁷⁵ погна за
ними не [в/о⁷⁶ мнозе силе и постиже их⁷⁷ у реку⁷⁸ Пьяну.
Они же окашннии⁷⁹ побѣгоша за реку, а котори⁸⁰ не успеха⁸¹
тѣх⁸² [п/обиша, а а иных⁸³ выметашася⁸⁴ в реку въ Пьяну⁸⁵ и
топоша. Тое же зимы посла князь Димитрий⁸⁶ Ивано/ви/ч⁸⁷ брата
своего Бориса и сына своего Семиона ратию воевати на погану
Мордву, а князь великий Димитрий⁸⁸ Иванович посла же [с/а⁸⁹
нии⁹⁰ рать свою на помощь, а воевода Федор Андреевич⁹¹
[с/вибловъ⁹² поиде⁹³ в землю Мордовъскую,⁹⁴ взя и повоева⁹⁵
села их и догосты и зимниці их, пограбиша и пожгоша, а
самихъ⁹⁶ изсекоша,⁹⁷ а жени⁹⁸ их и [д/ет/е/и⁹⁹ полониша и
всю¹⁰⁰ землю их п/у/сту¹⁰¹ сотвориша и множество мордвы лут-
чихъ¹⁰² приведоша в Нижней¹⁰³ Новгород¹⁰⁴ и многими раз-
личными каз[н/ми¹⁰⁵ казниша их, а¹⁰⁶ иных на лед волочиша и

а Буквы, заключенные в скобки, утрачены, восстановлены по А2.
б Буквы "з" восстановлена по смыслу. в В А1 Иваноч, исправ-
лено по А2. г В А1 тети, исправлено по А2. д В А1 посту,
исправлено по А2. е В А1 казми, исправлено по А2.

54 во А2. 55 в каменной А2. 56 нет А2. 57 нет А2. 58 странъ А2.
59 нет А2. 60 августа въ А2. 61 жь А2. 62 прежьреченны А2.
63 Арапша А2. 64 пришедша А2. 65 нет А2. 66 нет А2. 67 собра-
шася А2. 68 бѣз вести А2. 69 уѣды А2. 70 нет А2. 71 оста-
точниа А2. 72 се А2. 73 пожгоша А2. 74 нет А2. 75 Костянти-
нович А2. 76 их и постижевах А2. 77 нет А2. 78 окашны А2.
79 которе А2. 80 успѣшн А2. 81 и тѣх А2. 82 инних А2. 83
ыметашася А2. 84 Пьяную и А2. 85 Дмитрей А2. 86 Дмитрей А2.
87 ним А2. 88 Андрѣевич А2. 89 иде А2. 90 Мордовскую А2. 91
поева А2. 92 и А2. 93 сами их А2. 94 сѣкоша А2. 95 и А2. 96
жен А2. 97 всю А2. 98 лютых А2. 99 Нижней А2. 100 Новгород
А2. У.1 нет А2.

льсь² травниша по³ Волзе.

Лѣта 6886-го, Приидоша татаровя⁴ къ Новуграду⁵ Нижнему⁶,
иже не бе⁷ тогда в городе⁸ Нижнем⁹, но на Городце¹⁰,
а гражана¹¹ покинула град бѣжала за Волгу. И посла князь
Дмитрей¹² къ татаровямъ дати имъ откупъ за¹³ город¹⁴ Ниж-
чеи¹⁵. Они же не ваяша откупа и¹⁶ пожгоша¹⁷ град, отшедше
повоеваша Березополье¹⁸ и уездъ¹⁹ весь повоеваша и множест-
во зла сотвориша и отгоидоша.

Лѣта 6091-го году.²¹ Июля²² въ 5 день в неделю престави-
ся князь Дмитрий²³ Константинович²⁴ в чернцахъ²⁵ и въ
эхиме²⁷, наречен²⁸ бысть Феодор и положен бысть во церкви
в Нижнем²⁹ подле отца своего Константи(на)⁷⁸ Васильевича,³¹
бысть же на великом княжении³⁰ 22 лѣта, а по свои отчине
на великом княжении 19 лѣтъ, а жил всехъ³² лѣтъ 61 лѣто.
А³³ князь же Борис Константинович³⁴ тогда былъ во граде у
царя Тактамша.³⁵

Лѣта 7018³⁶ году,³⁷ Сентября³⁸ въ I день заложил³⁹
Новъгород⁴⁰ Нижнеи⁴¹ каменную⁴² Дмитревскую⁴³ башню.
Того же лѣта князь великий Василии⁴⁴ Иванович⁴⁵ взялъ⁴⁶
град⁴⁶ великий⁴⁷ Псковъ⁴⁸ и перевод⁴⁹ учинил⁵⁰ изъ⁵¹
П/с/кова⁶ в Нижнии⁵² Новъград.⁵³ Того жъ лѣта⁵⁴ весном

а В А1 Констати, исправлено по А2. б В А1 Пкова, исправлено по А2.

2 псы А2. 3 на А2. 4 татаровя изгоном А2. 5 Нижнему А2.
6 Новуграду А2. 7 бѣ А2. 8 граде А2. 9 Нижнем А2. 10 Горце
А2. 11 гражана А2. 12 Дмитрий А2. 13 да А2. 14 городом А2.
15 в Нижнем А2. 16 нет А2. 17 пожгоша А2. 18 дерзополье А2.
19 уездъ А2. 20 отидоша А2. 21 нет А2. 22 мѣсяца июля А2.
23 Дмитрий А2. 24 Костянтиновичъ А2. 25 чернцах А2. 26 во А2.
27 эхимъ А2. 28 нарече А2. 29 Нижнем А2. 30 княжение А2. 31 от-
чание А2. 32 всѣх А2. 33 нет А2. 34 Костянтинович А2. 35 Так-
тамша А2. 36 7018-го А2. 37 нет А2. 38 сентября А2. 39 в
сеннах заложил А2. 40 Новград А2. 41 Нижнеи А2. 42 каменную
стрѣльную А2. 43 Дмитревскую А2. 44 Василии А2. 45 нет А2.
46 нет А2. 47 нет А2. 48 Псковъ взял А2. 49 учинил А2. 50 пе-
ревод учинил А2. 51 изъ А2. 52 Нижнеи А2. 53 Новград А2.
54 году А2.

присла⁵⁵ князь великий Василий⁵⁶ /И/ванович^{а, 57} боярина сь
его Петра Фрязина, повеле⁵⁸ ему⁵⁹ рыи копати в Новеграде⁶⁰
Нижнем,⁶¹ куды бытъ⁶² городовои⁶³ стене,⁶⁴ и обложи⁶⁵ на
7 верстахъ.⁶⁶

Лѣта 7021-го году.⁶⁷ Августа⁶⁸ въ 3 день погоре⁶⁹ Новь
город⁷⁰ Нижней⁷¹ и дубовая стена⁷² и все⁷³ двори погоре-
ша⁷⁴ во⁷⁵ граде,⁷⁶ а тогда⁷⁷ был наместникъ⁷⁸ князь Анд-
рей⁷⁹ Борисовичъ Горбатови. В ту же пору шли татарова с
Москвы и нагаи астраханские идучи⁸⁰ грабиша и в полонъ
има/ли/.⁸¹

Лѣта 7022-го году.⁸² Князь великий Василий⁸³ Ивановичъ
взял град Смоленскъ⁸⁴ августа⁸⁵ въ I день.⁸⁶

Лѣта 7027-го году.⁸⁷ Умре царь въ Казани Моакъ⁸⁸ Маденин⁸⁹
Абреимовичъ. Тое же весны въ великое⁹⁰ говение⁹¹ великий⁹²
князь дал в Казань царя своего⁹³ Ших Алея.

Лѣта 7028-го. Маия въ 17 день на Вознесеневъ⁹⁴ день
загореся⁹⁵ храм чудотворца Николы на Почаине в Новеграде⁹⁶
Нижнем.⁹⁷ И погорь посад до Зачатья девичья⁹⁸ монастыря,
а верхъ⁹⁹ до Рождества пречистыя¹⁰⁰ богородицы.

Лѣта 7029-го году.¹⁰¹ На четвертой неделе после² Ве-
лика дни князи казанские¹ Сеить и иные князи великому князю
изменили, привели³ царевича из Крыму Сапирея⁵, а царя Ших

а Буквы, заключенные в скобки, утрачены, восстановлены по А2.

б Буквы в скобках утрачены, восстановлены по смыслу.

55 прислал А2. 56 Василеи А2. 57 Ивановичъ А2. 58 повъле А2.
59 нет А2. 60 Новьграде А2. 61 в Нижнем А2. 62 были А2. 63
стене А2. 64 городовои А2. 65 обложен А2. 66 версть А2.
67 нет А2. 68 августа А2. 69 погоръл А2. 70 Новьград А2.
71 Нижней А2. 72 стѣна А2. 73 все А2. 74 погорьша А2.
75 в А2. 76 городе А2. 77 того года А2. 78 наместник А2.
79 Андрей А2. 80 и идучи А2. 81 гнаша А2. 82 нет А2. 83
Василеи А2. 84 Смоленецъ А2. 85 августа А2. 86 день и
Литву повоевал А2. 87 нет А2. 88 Маях А2. 89 Маденинъ А2.
90 еликое А2. 91 говеино А2. 92 нет А2. 93 свое А2.
94 Вознесениевъ А2. 95 загорься А2. 96 Нижнемъ А2. 97 Новь-
граде А2. 98 девича А2. 99 иверхъ А2. 100 пресвятые А2. У1, I
нет А2. 2 нет А2. 3 казанские А2. 4 привел А2. 5 Сапирья А2.

Алея послаша из⁶ Казани и посадила у себя на царство⁷
 Свѣдиря⁸ крымскаго⁹ царевича. Того же¹⁰ лѣта августа¹¹
 въ 21¹² день приидоша¹³ цари и князи казанские¹⁴ Сеитъ¹⁵
 чя¹⁶ Булатъ¹⁷ да Мучалеи¹⁸ и попоеваша около Новгорода¹⁹
 Нижнего Березополье²⁰ до Клина и полону взяша и пожги²¹ и²²
 высекли. И приидоша под городъ того же мѣсяца 28²³ день на
 10 мѣ часу дни, быша до вечера и пошли прочь и въ верхнем²⁴
 конце со/згл/и^а церковь Рожества пресвятя²⁵ богородицы
 да 40²⁶ дворовъ по Гремяч/ей^б ручеи, да Печерской²⁷ мо-
 настырь выжгли^в же.²⁹

Лѣта 7031-го году.³⁰ Князь великий Василий³¹ Иванович³²
 прииош в Новгород³³ Нижни³⁴ и з братиею³⁵ и со князем^в
 Гремя и со князем^г Андреемъ³⁶ и со своими воев/од/и^б. Того
 же году по³⁷ Успеніеве³⁸ дни пресвятя³⁹ богородицы по/с/ла
 въ⁴⁰ судовою рати царя Шихъ Алея да князя Василья Шуи/с/каго^{б, 41}
 а во⁴² конной рати посла князя Андрея⁴³ Борисовича Горб/а/
 того^б, и поставиша на Казанской земли⁴⁴ на усье⁴⁵ Суры⁴⁵
 реки⁴⁷ н/а/д^б Волгою г/рад^б, и нарекоша его во свое имя
 Васильевыград и постави/ша^б церковь во имя Пресвятя⁴³
 богородицы честнаго⁴⁹ ея Покрова да в^б предела⁵⁰ тое⁵¹
 же церкви⁵² архангела Михаила да чю/дотворца Ни/коль^б.

в В А1 сожги, исправлено по А2. б Гуквы в зкобках утрачены,
 восстановлены по А2. в В А1 князя, исправлено по А2. г В А1
 князем, исправлено по А2.

6 ис А2. 7 царствѣ А2. 8 Санкирѣя А2. 9 крымского А2. 10 жъ
 А2. 11 августа А2. 12 1 А2. 13 приведоша А2. 14 с Казане А2.
 15 Сеи А2. 16 нет А2. 17 Улат А2. 18 Мочалеи А2. 19 Новяграда
 А2. 20 от Берзополья А2. 21 пожни А2. 22 нет А2. 23 въ 28 А2.
 24 верхнемъ А2. 25 пресвятые А2. 26 240 А2. 27 Печерской А2.
 28 выжгли А2. 29 нет А2. 30 нет А2. 31 Василеи А2. 32 Ивановичъ
 А2. 33 Новград А2. 34 в Нижней А2. 35 братьевъ А2. 36 Андрѣем
 А2. 37 о А2. 38 Успенъеве А2. 39 пресвятые А2. 40 нет А2. 41
 Шуинского А2. 42 в А2. 43 Андрѣя А2. 44 землѣ А2. 45 устье А2.
 46 нет А2. 47 у реки А2. 48 пресвятые А2. 49 честнаго А2.
 50 предѣлъ А2. 51 в той А2. 52 церкви А2.

Лѣта 7032-го ⁵³ году, ⁵⁴ Июня въ 23 ⁵⁵ день въ ⁵⁶ четвер-
ток въ. ⁵⁷ .. /ч/асу ⁵⁸ ноци погоре ⁵⁹ посадъ в Новогороде
Нижнемъ ⁶⁰ от Рождества до П/ятницы ⁶¹ и внутри града и
стрельни ⁶² Ивановская ⁶³ разсып[ся] ⁶⁴ вся ⁶⁵ до земли.

Лѣта 7044-го. ⁶⁶ Сентября ⁶⁷ въ 15 день казанские
князи Булат с товарищи ⁶⁸ изменили великому князю, под-
вели на Каз[ань] ⁶⁹ царевича крымского ⁷⁰ Асафа Гирея ⁷¹,
а царя Налая ⁷² потребиша. То же зимы канун Рождества
Христова приидоша татарови на Б[ер]езополье ⁷³ и повое-
вала до Городца, все пусто ⁷⁴ сотвориша ⁷⁵ и выжгли и вы-
секли.

Лѣта 7153-го году ⁷⁶ Августа ⁷⁷ въ 11 день на па-
мять святого ⁷⁸ Еупла ⁷⁹ архидиякона ⁸⁰ в полуденное ⁸¹
время въ 10-мъ часу дни солнце ⁸² гибло.

Лѣта 7162-го году. ⁸³ Бысть посещ[ен] ⁸⁴ ... народ христи-
иньский ⁸⁵. От господа бога послана бысть язва моровое
поветрее на Москвѣ и в городех нача быти на Москвѣ преже
въ июле месяце, а въ Нижнемъ городе начася ⁸⁶ ... августа
мѣсяца. Бысть же болезнь такова умира ⁸⁷ ... дне язвами:
выкинеца у коего любо человека ⁸⁸ ... месте, аще в паху,
аще под пазухой и та ⁸⁹ ... ни 2 или 3 дни и така умираху
множест ⁹⁰ ... ще кому на смертна язва и у нихъ язвы выг-
ни ⁹¹ ... алу недель 6 или 10 и тако оздравляху и бысть ⁹²
... до 164-го году до Рождества Христова.

а Далее текст утрачен. б Буквы в скобках утрачены, вос-
становлены по А2. в В А1 христианьянський, исправлено по
ФМСЛУ.

53 7039-го А2. 54 нет А2. 55 30 А2. 56-56 четверток против
пятницы на четвертом часу ноци погорѣл А2. 57 Нижнемъ А2.
58 Новѣгородѣ А2. 59 стрельная А2. 60 Ивановская башня А2.
61 нет А2. 62 7144-го А2. 63 сентября А2. 64 товарищи А2.
65 крымского А2. 66 Асафа Кирья А2. 67 Налѣя А2. 68 Берзо-
полье А2. 69 пуста А2. 70 сотворили А2. 71 нет А2. 72 ав-
густа А2. 73 святого А2. 74 Еупла А2. 75 дякона А2.
76 полуденное А2. 77 солнце А2. 78 сицем гибнуло кои пе-
реводом, яко ж и кои жь мѣсяць в перекои живет А2.

СКОНЧАНИЕ СПИСКА А2

Лѣта 7162-го. Генваря въ 23 день в нѣделю в третьемъ часу ноци в Астарахани видѣли видѣние на небеси, взшел мѣсяць полон симъ подобием: да от него круг от мѣсяца да столбы, яко же живет от солнца в мороз столпы, да поперег столпов креимы таковы жъ желты, якъ же столбы. И было того от третьяго часа до 7-го и тако все погибло, а мѣсяць по старому полонъ стоял и до дни.

Лѣта 7135-го. Мѣсяца мая въ 13 день в Троицын день солнце гибло въ 9-м часу дни.

Лѣта 7163-го. Был мор в Руси. Прежъ началось на Москвѣ, потом же и в ѡныхъ градах и в Нижнем умирали съ язвами: выкинетца в паху, либо под пазухою или на коемъде мѣсте, и како лежаху день или два или три и тако умираху в Нижнем Новѣгородѣ. И нача быти моровое поветрие со 162-го году апрѣля съ 30-го числа, и было мору до крещения 163-го году, и паки нача быти мор в Нижнемъ 164-го году и был до Рождества Христова того жъ году.

Лѣта 6938-го. Явися в Смоленце волкъ голъ и много людей повѣдал. Тогда же в граде Торопче^а 7 днем езеро стояло кровово.

Лѣта 6939-го. Явися на нас знамение три столпа огненная. Того же лѣта было град, глад по земли стояла 6 нѣдель, и птицы с воздухом падоху на землю, и рыбы в водах мерли.

Лѣта 6968-го. Мая въ 7 день был мраз и снег великъ по 4 дни, и позябло на деревьях листва вся.

Лѣта 7007-го году. Ходила девица в Ростовѣ из Заозерья именемъ Гликерья. А сказывала, что де явился ей Илия пророкъ да святая мученица Парасковья, нарицаемая Пятница. И потом де на память Рождества Ивана Предтечи восхищенна бысть невидимом силою и мняшеся ей быти на небеси и видѣла пречистую богородицу, и поде 2-ю дню паки явися ей пресвятая богородица и глаголю ей, что повѣдай людям, чтоб молились богу, а материны не бранились и всякого зла удалялись, богия бы церкви украшали и милостыню творили.

Лѣта 7010-го. Из Великого Новаграда прииде к Москвѣ Геннадии архиепископ изо Пскова и сотвориша собор на Москвѣ а в рукописи Торопче, исправлено по смыслу.

с митрополитом Симоном и со архиереями и освященным собором и повѣлаша вдовымъ попомъ и дьякономъ на литургии сами рекше не служити, тако жъ оставиша от поставления попомъ и дьякономъ и всякого чина священного и иноческаго от мѣсть церковныхъ по правиломъ святыхъ отецъ мады поминковъ, рекше посуловъ, нѣ имать. Да о томъ и грамоту утвержденную написаша и руки своя приложиша и печати привесиша.

Лѣта 7013-го. Пожгоша новгородскихъ еретиковъ Федора Курицна с товарищи да Васьяна игумена, новгородскихъ иныхъ многихъ еретиковъ. Того же лѣта была в Ростовѣ рож по три деньги четверть.

В лѣта 7037-го. Скончася за вѣру христіанскую мученикъ Иоаннъ нижегородецъ генваря въ 24 день.

В 7061-го. Царь и великий князь Иванъ Васильевичъ градъ Казань взял и самѣхъ за непокорение ихъ преславно побѣди и все дукаство в нихъ низложилъ.

Лѣта 7063-го. Взято царство Астраханское мая въ 29 день. А взялъ воевода князь Георгий Ивановичъ Шемякинъ Пронской.

СПИСОКЪ ИРЛИ, СОБРАНИЕ В. ПЕРЕТЦА, № 160

Лѣта 6729-го году. Князь великий Дръе Всеволодовичъ заложилъ градъ на усье Оки реки и нарече Нижний Новѣградъ и поставилъ древинную соборную архангела Михаила церковь.

6735-го году. Заложилъ князь великий Дръе Всеволодовичъ церковь каменную в Новѣгороде в Нижнемъ на усье Оки реки архангела Михаила.

6860-го году. В Нижнемъ Новѣграде создана бысть церковь каменная во имя богольпнаго Преображения господа бога и Спаса нашего Иисуса Христа. А построилъ благовѣрный князь Костянтинъ Васильевичъ Суздальский и Новгородский и Городецкий.

6862-го году. Преставися великий князь Костянтинъ Васильевичъ во иноцѣхъ и в схимѣ ноября въ 21 день, положенъ бысть в Нижнемъ в Новѣграде у богольпнаго Преображения в церкви.

6078-го году. Алексий митрополитъ московский шел из Орды и поставилъ церковь каменную в Нижнемъ Новѣграде Благовѣщения

пресвятая богородица, что нынѣ Благовѣщенской монастырь. А у князя Бориса Константиновича крестил сына Ивана.

7007-го году. В сентябрь мѣсяцъ заложена в Нижнем Новѣ-граде каменная стрѣльница Дмитревскую башню. Великий князь Василий Иванович на весну прислалъ мастеров Петра Фрязина и повеле рвы копати, куды быти каменной стѣне.

7021-го году. Погорѣ Новград Нижней дубовая стена и все дворы выгорѣли. А наместникъ былъ в Нижнем Новѣгороде князь Андрей Борисовичъ Горб/атоѣ^а.

7039-го году. Мая въ 23 день погорѣ в Нижнемъ Новѣграде посадъ от Рожества богородицы до Пятницы.

а Конец слова недописан, восстановлен по списку АІ.

О
 К ПОЛЕМИКЕ КОНЦА 60-х - НАЧАЛА 80-х ГОДОВ ХУП В.
 ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ В РОССИИ.
 Источниковедческие заметки

Проблема просвещения объективно была одной из насущнейших в развитии Российского государства последней четверти ХУП - первой четверти ХУШ вв. Ее значение подчеркивается практически в каждом исследовании по социально-политической истории, истории общественной мысли и культуры этого переломного периода. Содержание проблемы состояло в организации процесса получения знаний, создании системы образования. Решение этой задачи в первую очередь зависело от создания высшего учебного заведения, программа и статус которого определяли бы содержание и организационные формы обучения в средней и начальной школе. Проблема "устроения" высшей школы, сконцентрировавшая в себе вопросы содержания и целей образования, стала предметом борьбы различных группировок и ярко отразилась в русской публицистике конца ХУП в.

Исследование полемики вокруг организации высшей школы в конце ХУП в. распадается на две задачи: источниковедческую и историографическую. Споры конца ХУП в., отраженные в полемических текстах, довольно рано привлекли к себе внимание. На страницах "Древней Российской вивлиофики" Н. И. Новиков приступил к публикации материалов по истории полемики. Публицистические выступления, предшествовавшие открытию в Москве еллино-славянских школ Лихудов в середине 1680-х гг., затрагивались в сочинениях Евгения, Филарета и Макария, публикациях Ф. Туминского, работах А. В. Горского, А. Смеловского, С. К. Смирнова, И. Е. Забыдина, П. Смирнова, С. М. Соловьева, С. Любимова, И. Я. Образцова, В. Н. Сторожева, И. Смирнова, В. О. Ключевского, В. К. Харламовича, в фундаментальных исследованиях Н. Ф. Каптерева, монографиях П. П. Пекарского, Н. И. Костомарова, И. А. Шляпкина, М. И. Демкова, А. А. Прохоровского, И. П. Козловского, С. Н. Брайлковского, М. Сменцовского, А. И. Соболевского, А. Н. Ципина, ряда других ученых XIX и начала XX вв. Тесная связь выказанных ими суждений с идейной

... в общественной мысли России XIX столетия выделяет
... этой историографии в качестве специальной задачи.

Здесь следует отметить лишь две особенности дореволюцион-
ного понимания проблемы, косвенно сказавшиеся на отношении к
ней в советской историографии. В конце XVIII в. противники ев-
ропейского просвещения в России сумели организовать религио-
зную полемику и, в конечном счете, после политической рас-
правы над представителями прогрессивной общественной мысли,
добились их церковного осуждения как сторонников "латинской
ереси". В XIX в. мнение "мудрборцев" предпетровского вре-
мени продолжало пользоваться покровительством официальной
церкви. Тогда же с новой силой развернулась резкая критика
просветителей конца XVIII столетия, требовавших организации
автономной Академии "свободных мудростей", в которой бы "тру-
додобивные спудеи радовались о свободе взыскания". Страницы
научных изданий захлестнула волна религиозного фанатизма
и великорусского шовинизма; ее творцы стремились любыми
средствами "обличить злокозненных еретиков" в предпетровской
Москве, представить их взгляды как инородные, западные, про-
тивные "исконному русскому благочестию", которое выдавалось
за краеугольный камень национальной культуры. Одновременно
обличались украинские ученые (начиная с Петра Могилы), обви-
нявшиеся в смертных грехах еретичества, злойшней экспансии
в Москву, духовного и телесного разврата и т.п.

Для противостояния этой вслне прогрессивным ученым
требовалось немалое гражданское мужество. Открытая научная
полемика была практически исключена. Взгляды историков либе-
рального направления излагались почти исключительно в пози-
тивном плане, в контексте более общих вопросов и с оглядкой
на цензуру. Но даже строго фактологическое по форме изложе-
ние (напр., в специальной монографии Н.Ф.Каптерева) не
исключало доноса на автора в Синод.¹ Не только сама борьба
вокруг высшего образования, но и ее влияние на последующие
реформы не могли быть должным образом отражены в литературе,
что способствовало созданию историографической версии о
"третьем", не обусловленном развитием отечественной мысли
пути в просвещении, предложенном Петром I.

"Замаскированность" полемики и уход большинства авторов от рассмотрения конкретных источников создавали впечатление достаточной изученности споров ХУП в. Советские историки справедливо отвергли крайние обвинения, предъявлявшиеся консервативной историографией сторонникам просвещения (таким как Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев, украинские ученые). Вместе с тем специального исследования источников не проводилось.⁶ В монографиях Ф.Г.Паначина, статьях С.Д.Бабишина и Б.Н.Митирова, очерках Д.С.Лихачева, А.М.Панченко, А.М.Сахарова, А.В.Муравьева, А.И.Рогова, "Очерках истории СССР", диссертациях А.В.Козырева, Т.И.Куро и других работах советских исследователей, писавших об истории русской педагогики, о литературных трудах и взаимоотношениях участников полемики конца ХУП в., пролившиеся в ней противоречия сглажены.

Отказавшись от изучения споров, которым историография XIX и начала XX вв. придавала односторонне богословский или же националистический характер, советские исследователи до настоящего времени не реализовали возможности изучения противоречий, действительно имевших место. Основание "елыно-славянских школ" братьев Лихудов (за которыми в литературе закрепилось название "Славяно-греко-латинской Академии") рассматривается как результат закономерного развития идеи высшего учебного заведения, своеобразного компромисса между "партиями" сторонников латинского образования (преимущественно светского, про-западного или южнорусского) и "грекофилов" (они же старомосковская, великорусская или церковная группировка).

Разнообразие и расплывчатость в характеристиках этих "партий" и самой последовательности событий, идущие от дооктябрьской историографии, требуют непосредственного обращения к источникам. Они являются современными событиями публицистические произведения, широко известные в литературе, однако не подвергавшиеся специальному и последовательному рассмотрению, окруженные в историографии рядом неточных заключений и домыслов. Рассмотрев в статье комплекс публицистических памятников, мы должны выяснить, какую информацию и с какой степенью достоверности они дают для изучения хода и содержания споров о высшем учебном заведении в России на первой

с одной стороны: начиная с утверждения идеи такой организации участниками собора 1666-1667 гг. до создания программного документа просветителей – привилегия Московской Академии.

Надупиесл многочисленными сведения, на которых строятся представления исследователей об обстоятельствах полемики вокруг вопроса о высшем учебном заведении в России, восходят к такому узкому кругу источников, возможности которых еще далеко не исчерпаны. Прежде всего речь идет об орациях участников собора 1666-1667 гг., приведенных А.В.Горским среди других высказываний деятелей XVII в. в пользу просвещения.³ Ученый не напрасно уделил этим орациям наибольшее внимание: мы впервые встречаем здесь открытое и развернутое обоснование необходимости введения в России государственных училищ повышенного типа, в которых наряду со славянским изучались бы и классические языки.

Одна из названных ораций принадлежала Паисию Лигариду, митрополиту галскому – высокообразованному иерарху, принимавшему активное участие в опровержении Соловецкой челобитной. Содержание орации свидетельствует, что она была написана и произнесена непосредственно в ходе работы собора. Обращаясь к царю Алексею Михайловичу, Паисий излагает вначале итоги своих размышлений о причинах, породивших раскол: "Исках и аз корене духовнаго сего недуга... Напоследок, умом обрцши, обретох из двою истекшее, си есть: от лишения и неимения народных училищ, такожде от скудости и недостаточества святых книгохранилищ".

Мысль эта получила наибольшую популярность в дооктябрьской историографии. Признавая, в большей или меньшей степени, что необходимость просвещения диктовалась государственными интересами (в сферах дипломатии, военного дела, торговли и промышленности), историки единодушно выдвигали на первый план стремление с его помощью сохранять единство церкви. Действительно, в официальной публицистике собора аналогичную Лигаридовой мысль высказывал Симеон Полоцкий, обвиняя старообрядцев в том, что они "на брезе грамматического разума и в мелкости ся утопают", а беседуя о богословии "ниже малейшим персяом прикоснулися ея".⁴

Справедливость вывода об осознании современниками связи раскола с недостаточным образованием духовенства подтверждается, напр., пророчески звучащим текстом послания старца Арсения Глухого⁵ боярину Б.М.Салтыкову и протопопу Ивану Лукьянову. Сличив при исправлении Требника 20 списков (в том числе 5 греческих) и выявив немало ошибочных чтений, Арсений вместе с игуменом троицким Дионисием, старцем Антонием Крыловым и священником Иваном Наседкой проявил, в глазах московского духовенства, непростительную дерзость и с 1618 по 1625 гг. был в опале; только единогласная поддержка восточных патриархов освободила его от церковного отлучения. Характеризуя своих гонителей, старец писал: "есть иные и таковы, которые на нас ересь возвели, а сами едва и азбуку знают, а что восемь частей слова разуместь, роды, числа, времена и лица, звания и залюги, то им и на разум не всхаживало, священная философия и в руках не бывала"; московские иерархи — это люди, "не знающие ни православия, ни кривославия, и божественныя писания точию по чернилу проходящие", хотя не наученный философии священной "удобь может погрешити не точию в божественных писаниях, но и в земских делах, аще и естеством остроумен будет".

Для оценки значения открытых выступлений Лигарида и Полоцкого на соборе 1666-1667 гг. полезно вспомнить факты, связанные с поездкой в Москву константинопольского учителя Венедикта, присланного патриархом Феофаном в 1645 г. для "учения и печати". На челобитную в Посольский приказ о разрешении преподавания, сообщал Венедикт, "дают здесь ответ противный, думая, что они великие мудрецы и ученые". В официальном ответе на челобитную указывалось, в частности, что "при патриархе неприлично и крайне дерзко младшему по саму называть себя учителем и богословом", а таланты не учением развиваются, но "даются от бога".⁷ В контексте подобных умозаключений дело по доносу на Андреевскую школу Ртищева (1650 г.) выглядит обиденно. Разрядный подьячий Лукьян Тимофеевич Голосов (будущий дьяк Патриаршего разряда, Мастерской палаты, Посольского и Полковничьего приказов, думный дьяк Аптекарского и Посольского приказов, участник многих посольств и, в конце жизни, думный дьяк) сообщил властям, что "учителю у киевлян Федору Рти-

дея греческой грамате, а в той грамате и еретичество есть"; "кто по латыни учится, тот с праваго пути совратится"; что даже учеников школы отправились в Киев, "поехали они доучиваться у старцев-киевлян по латыни, а как выучатся и будут назад, то от них будут великия хлопоты; надобно их до Киева не допустить и воротить назад".⁸

Связывая организацию училища с борьбой за единство церкви, сторонники просвещения добились серьезного успеха. После этого даже в книге, изданной от имени противника Полоцкого и наиболее рьяного сторонника авторитарных методов решения церковных разногласий – патриарха Иоакима – заявлялось, что люди, познавшие грамматику, философию и богословие, не будут "на святых книги порок наводити".⁹ Это заявление тем более значительно, что на практике Иоаким и его подручные ученой аргументации не признавали. Нет сомнения, что как для Лигарида и Полоцкого связь раскола с невежеством была очевидным фактом, так и для их аудитории эта связь выглядела убедительно. Но ограничивать ею мотивы идеи организации в Москве государственных училищ нельзя, даже если речь идет только о публицистике.

Еще Арсений Глухой, как мы убедились, предупреждал, что невежда "удобь может прегрешити не точию в божественных писаниях, но и в земских делах". В орации же Паисия Лигарида, после цитированной преамбулы, развивается аналогичный подход: "Прехрабрый некто воевода Алкивиад ответ даде древле афином, яко ко благополучно-ратованию три вещи суть нужны: первая есть злато, вторая есть злато, третья злато. Аз же, вопрошен о сани церковном и гражданском (здесь и далее выделено мной – А.Б.) кии бы были столпы и завьсы обою, рекл бых: первое училища, второе училища, третье училища пренуждны быти. Училища... суть криле орляя, има же слава пролетавает всю вселенную... Сих кроме обретенное оное сокровище обоего (т.е. духовного и светского – А.Б.) гражданства растлеваются".¹⁰

В 1680-х гг. мысль, что развитие науки станет путем к славе Российского государства, займет важное место в публицистике в пользу просвещения (сочинения Медведева и Истомина). В орации Лигарида, в соответствии с учением о Российском пра-

вославному государству, его процветание связано с пользой училищ в равной мере для церковных и гражданских дел. *Следовательно* внимания заслуживает конкретность содержащихся в орации предложений. "Ты убо, о пресветлей царю, -- говорил оратор Алексей Михайловичу, -- подражай Феодосием, Пестинианом и ссизжди эде училища ради остроумных младенец, ко учению трех язык коренных наипаче: греческаго, латинскаго и славенскаго." Далее автор уточняет задачи училища, которое должно было удовлетворить церковные, а затем и светские нужды: "От сего новаго училища Алексиевскаго... изыдут, аки от коня троянскаго, христоименитии борцы, ижею добродетели твоего пространнейшаго царства, о умножении сего чина церковнаго, и о общей напоследок пользе всего христоименитаго гражданства ратовати будут".¹¹

Завершается орация близким по содержанию к дидактическим стихам Симеона Полоцкого¹² рассуждением о пользе каждого из трех предложенных для изучения языков: греческого, латинского и славянского, а затем о значении библиотек. Важно отметить, что орация не содержит никаких признаков полемики о языке науки, отразившейся в более поздних произведениях.

Иначе построено слово на рождество Христово 1666 г. патриархов Паисия александрийского и Макария антиохийского, обращенное к царю и "всяких чинов людям". Патриархи так же, как и Лигарид, увещевали "взыскать премудрости", но мотивировали это потребностями греческой православной церкви. Признавая, что раскол связан с "невежеством", они видели причину последнего в упадке учения на "еллинском" языке. "Видим, яко во мнозех от вас не имеет премудрость места, идеже главу преклонити... Оставивше греческий язык и небрегуще о нем, оставили есте и мудрость". Даже народы, -- продолжали патриархи, -- "противнии вере православной, на западе обитающи, греческий язык яко светильник держат, ради мудрости его, и училища его назидают." На еллинском языке служат богу арабы, грузины, сербы, болгары, "мултяне и волоси. Эде точию лености ради зело обезценися" греческий язык, на котором писали отцы церкви.¹³

Обнищавшие и убоженные щедрыми московскими дарами пат-

риархи признали даже часть обвинений, выдвинутых против "греков" Арсением Сухановым в полемике накануне никоновских реформ.¹⁴ Мотивируя необходимость греческого училища в России, они говорили о трудностях, с которыми находящиеся под турецким владычеством греки содержат училища; упоминали о том, что для получения высшего образования греки вынуждены отправляться в католические университеты; наконец, связывали с училищем в Москве и само сохранение "благочестия" греческого духовенства. Таким образом, патриархи мотивировали основание в Москве греко-славянского училища для церковных нужд.¹⁵

Предложения, высказанные Лигаридом и патриархами, различались между собой, но не противостояли друг другу. Так, патриархи не возражали против изучения в Москве иных, помимо греческого, языков. "Положи отныне в сердце твоем, — обращались они к царю, — еще училища, так греческая, яко славенская и иная наидати, студеов милостью си и благодатию умножати, учителя благорискусныя възскати, всех же честыми в трудолюбие поощряти".¹⁶ Но и Лигарид выдвигал изучение греческого языка на первое место. Можно ли на этом основании приписать оба сочинения предполагаемой исследователями группировке "грекофилов"? — Отнюдь нет.

Оба произведения помещены в одной рукописи. Это перевод на русский язык, написанный рукой Симеона Полоцкого и помещенный в его авторском сборнике (ГБЛ, МДА, фонд. № 68) перед черновиком "Жезла правления" (изданного им от имени собора в 1667 г.). Как известно, именно Симеон был переводчиком и консультантом патриархов и Лигарида на соборе 1666-1667 гг. и оказывал на них значительное влияние.¹⁷ Зная Полоцкого как активнейшего сторонника русского просвещения и учитывая сходство некоторых высказываний в его сочинениях и орации Паисия Лигарида, можно с большой долей уверенности предполагать, что последняя отразила и взгляды учителя русских царевичей.

В литературе Симеон единогласно провозглашается "латинствующим" противником "грекофилов" (в лице Елифания Славинского и др.). Правда, обвинение в "латинской ереси" было выд-

винуто после его смерти, во время религиозной полемики второй половины 1680-х гг. (и развито в историографии XIX в.). Единственными показателями "пристрастий" Полоцкого в 1660-х гг. могли бы служить принадлежность его к ордену базилианцев (согласно владельческим записям на книгах), отнюдь не отвергавших греческую литературу, и проблематичное заключение о незнании им греческого языка (высказанное в той же полемике ХУП в. и довольно странное относительно выпускника Киевской коллегии, учившегося при Петре Могиле). Если характеристика "латинской" позиции Симеона Полоцкого в литературе хотя бы частично верна, то содержание рождественского слова патриархов 1666 г. было для него неприемлемо.

Между тем еще Н.Ф.Кашперев считал (не аргументировав своего мнения), что слово Паисия и Макария написано Симеоном, а А.Н.Пилин утверждал, что он произносил слово от их имени.¹⁸ Эти суждения отразили, видимо, тот факт, что позже Полоцкий включил текст слова в свою "Вечерь душевную" (М., 1683). Для нас более важно отметить, что Сильвестр Медведев, готовивший рукопись "Вечери" к печати по смерти Симеона и в разгар борьбы за Академию, одобрительно отнесся к содержанию слова 1666 г.¹⁹ Следовательно, антигреческие взгляды приписываются Полоцкому и Медведеву безосновательно: сочинение Паисия и Макария отстаивало прежде всего этот язык.

Вместе с тем произведение восточных патриархов не было направлено против изучения латинского языка и содержало сильный довод в пользу просвещения, утверждая необходимость училища в Москве для процветания вселенской православной церкви. Призыв патриархов к его организации звучал весьма энергично: "Ниже отрицайтесь неимением училища, ибо еще възвщете, даст предвечная мудрость от сердца благочестиваго самодержца таково хотение, еже училище построить и учителя стяжати в сем царствующем богоспасаемом граде Москве".²⁰ Патриархи даже указали (верно, не без помощи Полоцкого) источники финансирования этого предприятия — не только царскую казну, но и доходы архиереев, призванных к пожертвованиям на просвещение еще собором 1589 г.²¹

С деятельностью Симеона Полоцкого, по-видимому, было свя-

зано еще одно выступление в пользу организации училища. Документы о нем помещены в сборнике ГИМ, Син.130 (2^о, 250 л.), где находится подборка патриарших и государевых грамот, составленных Симеоном образцов эписистолий и его стихотворений. А.В.Горский выразил мнение, что это – собрание различных сочинений Полоцкого.²² Аналогичный взгляд на весь сборник и отдельные вошедшие в него неподписанные сочинения (напр., составленные от имени царя и патриархов грамоту "о благочинном писании икон" и "слово к люботцагельным икононого писания") высказывали знатоки творчества Симеона Полоцкого (Л.Н.Майков, И.Татарский, В.М.Пузаков, В.К.Билинин и др.). Действительно, авторские сборники такого рода характерны для конца ХУП в.

Тем не менее относительно авторства текстов сборника Син.130 мы не можем выразить твердой уверенности. Достаточно отметить, что Полоцкий имел близкое отношение к использованным в нем грамотам и письмам, среди которых находятся уникальные списки документов об основании училища в приходе московской церкви Иоанна Богослова. Возможно, первоначально Симеон составил сборник автографов (как, напр., первая часть сборника ГИМ, Чуд.98/300, с которой по заказу Истомина был списан его "Веселеил", – ГБЛ, ф. 299, № 634.) По крайней мере беловой список Син.130 (л.7-230 об.) был сделан под наблюдением Сильвестра Медведева, приводившего в порядок собрание сочинений своего учителя. Перед текстом Сильвестр собственноручно написал оглавление (л.3-4). Далее им были помещены "Слово похвальное на двадесять и един праздник...", составленное Полоцким в 1675 г. и тогда же перебеленное (л.231-240),²³ собственная эпитафия Симеону (л.243 об.) и ряд других списков.²⁴

Подборка документов об училище Иоанна Богослова открывается анонимным челобитьем прихожан к московскому и восточным патриархам с прошением о благословении "славенския грамматики училища строения".²⁵ Две патриаршие грамоты с ответами на это челобитье датированы 1668 г. от рождества Христова, но даты от сотворения мира расходятся: 7176 и 7177 гг. Учитывая, что оба отклика вряд ли были написаны с большим времен-

ным интервалом, их появление можно вполне вероятно отнести к августу – сентябрю 1668 г.

В историографии не возникало сомнений, что в патриарших грамотах речь шла об училище в приходе Иоанна Богослова, хотя отношение грамот к челобитью прихожан ограничивается тем, что в Син.130 они приведены после челобитной. В самих грамотах говорится лишь, что они адресованы "честному и благочестивому мужу" имярек, который "неотступно молил" патриархов о благословении задуманного им учебного заведения при храме имярек (Син.130, л.189,199). Челобитная написана от имени всех прихожан, а в грамотах идет речь о "неотступном молении" одного лица, притом вхожего к патриархам; однако вполне вероятным выглядит допущение, что и инициатива прихода Иоанна Богослова связана с его деятельностью. В челобитной речь шла только о славянском грамматическом училище, грамоты же санкционировали создание славяно-греко-латинской гимназии под руководством вышеуказанного мужа имярек.

Таким образом, грамоты патриархов не являются простым ответом на челобитье прихожан церкви Иоанна Богослова. Причины их создания сложнее, а содержание шире, чем принято считать. Можно предположить, что они явились результатом деятельности Симеона Полоцкого, в сборник которого включены. Не менее вероятно, что ходатаем об открытии школы выступил новый настоятель церкви Иоанна Богослова, выпускник Киево-Могилянской коллегии Иоанн Шмитковский.²⁶ Но он вряд-ли мог обойтись без солидной протекции при получении прихода и патриарших грамот, которую среди известных нам московских деятелей – участников собора справедливее всего приписать тому же Симеону.

В сборнике грамоты безадресны, однако нельзя с полной уверенностью утверждать, что адрес отсутствовал и в подлинниках. В конце ХУП в. создание образцов посланий, приветственных речей, поздравлений разным лицам и т.п. стало достаточно распространенным явлением. Подобные образцы имеются и в Син.130. В частности, в образцах приветствий патриарху или другим церковным иерархам вместо имени зачастую значилось имярек. С другой стороны, в рукописях конца ХУП в. не отме-

чено случаев подобного вмешательства в текст собственно патриарших грамот: и в Син.130, и в других сборниках литературных образцов их адрес конкретен. Поэтому ближе к истине выглядит предположение, что грамоты относились не просто к частному случаю приходской гимназии, а являлись общей санкцией организации славяно-греко-латинских училищ в России. По крайней мере, именно так они были представлены Симеоном Полоцким и Медведевым.

В грамоте патриархов Паисия александрийского и Макария антиохийского утверждалось, что "премудрость божия, единое слово отчее" "есть пища и питание", необходимое христианину. Ее крупницами являются знания, даваемые младенцам. По просьбе, "да при храме имярек благословили и повелели хотящим младенцам насытатися ими, безвозбранно и безпакостно собиратися и воспитаниѣ приимати", патриархи, как "премудрости божия раби, посланнии еже созывати с высоким проповеданием на сию трапезу всякаго чина и сана люди, велием возрадовахомся веселием, яко толику обретохом в Новом Израили ревность и любительство премудрости". "Приемте согласие" Алексея Михайловича, они радостно дают "благословение на сие достохвальное дело, еже есть на создание училищ и в них устроение учения, по закону православно-кафолической церкви, во славу божию, различными диалекты: греческим, словенским и латинским... да отныне во вся последующие веки свободно будет сие святое дело совершати".

Свою грамоту российский патриарх Исасаф также начал с общей похвалы премудрости, которая, согласно библии, драгоценнее всего на свете и дарует все блага ее обладателю. Более того, "ничтоже бо возлюбит бог, токмо сего, иже с премудростью пребывает иже сия краснейша солнца и паче всех звезд положения свету". Елженнейшими, - продолжает грамота, - следует называть тех, "иже всем сердцем идут неocenимаго сокровища премудрости, всяким не отрицающе трудом и бодрых не засыпающе бдений, паче же пот изливающиме. Сиевым всякое должно воздаватися почитаниѣ и подобство от всякаго людей сана, изряднее же от правителей церковных, яко божия премудрости любителей, искателей и проповедников".

Как и восточные патриархи, Иоасаф называет обратившегося к нему с просьбой имярека "честный и благоговейный муж", который "неотступно молил" о благословении, "еже юных отрок лоботрудием сему предрагому сокровищу, по грамматическостей хитрости и прочих свободных, аки из недр матере всех злату, из различных диалектов писаний, паче же славенскаго и латинскаго, азвскиватися в гимнасии, строитися хотидцем при храме имирек." Патриарх на это "благословение дахом, дя трудолюбивии спудей радуются о свободе азвскания и свободных учений мудрости и собираются во обще гимнасион ради изощрения разумов от искусных дидскалов в писаниях божественных... от настоящего времени впредь во вся будущая лета, никим же возбранно и прейтно".

Между двумя грамотами, как видим, есть некоторые расхождения. Паисий и Макарий имели в виду обучение прежде всего греческому, затем славянскому и, наконец, латинскому языку. Иоасаф же, говоря о "различных диалектах", подчеркивает первенство языков славянского и латинского. В той и другой грамоте целью учения считается удовлетворение религиозных нужд, однако восточные патриархи писали о школе для детей ("младенцев"), а Иоасаф — о "гимнасии" "свободных учений мудрости" для "юных отрок", то есть об изучении "спудеями" тривиума и квадравиума, как в Киево-Могилянской коллегии (где, кстати, основными языками были славянский и латинский, а греческий — вспомогательным). Более того, упомянутое патриархом московским изучение богословия было признаком университетского курса, отсутствовавшего даже в Киеве.

С традиционной точки зрения на Симеона Полоцкого и Сильвестра Медведева как "представителей латинской школы" и принципиальных противников греческого языка и образования, включение в Сян.130 обеих грамот труднообъяснимо, тем более, что грамота Иоасафа полностью удовлетворяла их стремлениями. Однако, при отсутствии доказательств их "ненависти" к греческому языку остается лишь думать, что и позиция восточных патриархов не только не была принципиально противна ревнителям российского просвещения, но и содержала положительные для Полоцкого и Медведева моменты.

Чтобы убедиться в этом, обратим внимание на сходные места в обоих документах. "А хотящим сему божественному делу, - писали восточные патриархи о школе, - препинание или пакость творити, сама всемогущая десница боия местнида в сем и будущем веце да будет, и гнев господень да поженет ѿ во вся дни живота его, донде же разсыпатися костем его при аде". "Аще же кто будет, - вторит им Иоваф, - не бояйся бога и учений ненавистник, завистник или пакоститель, препинаяй сему делу боию, чужд да будет поминовения боия" и т.п., вплоть до пожелания преступнику кары Каина и Иуды. Следовательно, у идеи организации училища были серьезные противники. На это указывает и сам факт составления тремя патриархами благословенных грамот, необходимость которых (при некотором расхождении патриархов во взглядах) можно объяснить лишь стремлением усилить позиции сторонников просвещения. Дальнейшие события еще раз подтверждают, что организованная не без участия Полоцкого пропаганда идеи высшего образования в России столкнулась с сильным сопротивлением, которым она и была вызвана.

Помимо А.В.Горского, приведшего в своей работе обе патриаршие грамоты,²⁷ исследователи не выделяли в борьбе между сторонниками и противниками просвещения время с 1666 по конец 1670-х гг., ограничиваясь общим положением, четко сформулированным Н.Ф.Каптеревым, что "появление раскола нанесло смертельный удар старой системе начетничества".²⁸ Некоторое исключение сделал И.Е.Забелин. Он писал, что в 1650-1670-х гг. "чем сильнее и явственнее обозначались и распространялись стремления к научному знанию, тем жесточе восставало против этих стремлений круговое слепое невежество старых церковников и начетчиков...; все, что могло в то время называться интеллигенцией, ... приходило все более к сознанию, что необходимо устроить книжное знание на...ученых основаниях".²⁹ Разгар этой борьбы приходился, по его мнению, на 1660-е гг. Однако для времени с конца 1660-х гг. историк, как и другие исследователи, обратил внимание лишь на конфликт между сторонниками латинской и греческой школ. Оснований для предположения о существовании такого конфликта в конце 1660-х - первой половине

1670-х гг. у нас, как видим, нет. Но суровые угрозы патриарших грамот говорят о существовании другого, скрытого от глаз исследователей конфликта.

Несмотря на выступления Лигарида и трех патриархов, в Москве не возникло ни греческого, ни латинского, ни славянского училища. Гимназия в приходе Иоанна Богослова не была открыта. Действовавшая с 1665 г. в Заиконоспасском монастыре школа Симеона Полоцкого закрылась в начале 1668 г.³⁰ Последнее упоминание о московской деятельности ученых старцев Андреевского монастыря, выписанных из Белоруссии Федором Ртищевым, относится к 1667-68 гг.; в 1669 г. на них поступила жалоба из Иверского монастыря: попавшие туда старцы обвинялись в склонности к бунту, назывались "крамолистами, своеобычными, не общежительными". Обратим внимание, что жалоба адресовалась Иоакиму Савелову, тогда еще архимандриту Чудовского монастыря.³¹ К 1663 г. относится последнее упоминание о преподавании "in Alexiāno Muzaeo", - чудовской школе "гречанина Арсения" (Сатановского), действовавшей с 1653 г.³² Таким образом, к концу 1660-х гг. все известные нам училища в Москве были закрыты. Немногословные противники просвещения одержали крупную победу и удерживали свои позиции более десятилетия. До начала 1680-х гг. в столице не было открыто не только славяно-гречко-латинского, но и никакого другого училища.

Новый этап борьбы за высшее учебное заведение начался в последние годы царствования Федора Алексеевича. В сочинении Федора Поликарпова-Орлова, изданном Н.И.Новиковым под названием "Историческое известие о Московской Академии", сообщается об открытии в 1679 г. школы при Государевом Печатном дворе. Поликарпов связывал это событие с возвращением из Иерусалима иеромонаха Тимофея, воспламенившего московские власти "ревностью о благочестии". Рассказывая Федору Алексеевичу об утеснениях, которые терпят христиане под властью Оттоманской Порты, Тимофей, согласно сообщению Поликарпова, обратил внимание царя на происки "латин" в Иерусалиме и опасность, которую они представляют для православия. За сим царь, "сожалея об участи христиан восточных", якобы сам просил патриарха "об

учреждении училища греческого в Москве, дабы оказать какому-нибудь помощь угнетенному православию". Таким образом, по версии Поликарпова, в мотивировку необходимости училища был внесен новый элемент: не только помощь притесняемым "варварами" восточным христианам, но и защита восточного "благочестия" от "латинства".

Рассказы Ф. Поликарпова долгое время считались вполне достоверными. Однако И. Е. Забелин показал, что завершение каменных палат в Зайконоспасском монастыре, датированное "Историческим известием" 1686 г., на самом деле произошло в конце 1687 г.³⁴ Затем Н. Ф. Кантерев, обратившись к материалам Посольского приказа, выяснил, что школа Тимофей не могла открыться в 1679 г., поскольку тот прибыл в Москву в начале 1681 г. Сшибся Поликарпов и в указании, что под школу были отведены три готовые палаты Печатного двора, "сущия под приказною, иже ныне зовутся казенными". В действительности ученики в сентябре 1683 г. заняли "новыя каменныя палаты, ... построены вновь для учения школьнаго греческаго языка,"³⁵ которые позже, после закрытия школы, отошли Печатному двору. Соответственно, и другие сведения Поликарпова нуждаются в проверке.

"Сожаление об участи христиан восточных" было одной из неувадающих тем литературной публицистики. В условиях мощного наступления Османской Порты в Европу, лишь недавно отреченного на южной границе Российского государства, она воспринималась достаточно остро, чтобы служить мотивом организации училища, как отметил И. Е. Забелин, "и в пользу греков, и на пользу русских".³⁶ Обострение отношений между православными и католиками в Палестине отразилось в грамотах иерусалимского патриарха Досифея.³⁷ В 1679 г. он требовал от патриарха Иоакима следить, чтобы его паства "от великих, так и от малых чтоб не чли и отнюдь бы не держали у себя такие книги, в которых держится скверное учение" католиков, латеран или кальвинистов.³⁸

Позиция Досифея, выраженная в его грамоте Федору Алексеевичу по поводу открытия Тимографского училища, весьма сходна с миссией Тимофей и изложением Ф. Поликарпова. "Благоволим гос-

поду богу, яко благоволил есте быти в царствующем граде Москве еллинскому училищу", — писал Досифей. Он заявлял, что "все церковные книги" были написаны по гречески. "И сие есть божественное дело, еже учитися христианом еллинскому учению и знати книги православных веры, како написаны суть, и вырази аумети толкование их безтрудно; и нишаче тем еллинским учением удалятися от латинскаго учения". В связи с этой задачей Досифей просил государя "то училище... впредь распространити". Именно изучение греческого языка просветит россиян, утверждал иерусалимский патриарх. Ведь еще князь Владимир при крещении Руси "взя учителя от греков, и учаше тогда греческим учением, и певие во святых церквах совершашася гречески, кушно и славенски. Аще потом и оскуде учение оно еллинское за некия случаи, но ныне жадаем обновитися и совершитися".³⁹

На первый взгляд, иерусалимский патриарх просто развивал взгляды, высказанные в слове и грамоте Пансия и Макария 1666-67 гг. Но обращает на себя внимание его нетерпимость к латинскому языку, резкость, с которой он нападает на "латинство" и, особенно, на чтение латинской литературы в России. Особенно яростно обрушился он на них в начале 1682 г. "Храни, храни стадо христово, — писал он Иоакиму, — чисто от латинского писма и книг, яко же в них есть учение антихристово, понеже есть полны новоселения, полны хули... Великий царь Константин, Феодосий и Усупиний законоположиша: Порфиря и Монента книги да не обретаются, где же обрящутся — да сожгутся, а елиця я хранят — смерти да казнится. Тако сотворите и вы о латинских книгах, яко есть лестныя и предестныя".⁴⁰

Получая из России серьезную материальную помощь, иерусалимский патриарх отлично понимал опасность довольно распространенного там мнения о потере греками "благочестия", подкрепленного перемещением в Москву массы древних греческих книг и реликвий, с которыми, по мнению многих, в русскую столицу переместился и центр мирового православия. Досифей всеми силами стремился утвердить тезис, что греки были и остаются "учителями и источником веры". В этой связи восточной иерархии была чрезвычайно важна возможность для русских черпать цер-

ковную ученость из другого источника. Однако маловероятно, чтобы ограниченное проникновение в Россию западноевропейских церковных сочинений само по себе подвигло иерусалимского патриарха на столь активную (и связанную с расходами) пропагандистскую деятельность.

В 1681 г., одновременно или даже ранее школы Тимофея, в Москве было открыто другое училище — славяно-латинская гимназия Сильвестра Медведева в Заиконоспасском монастыре с преподаванием на двух языках курса грамматики, риторики и, вероятно, других "свободных мудростей".⁴¹ Это детище Федора Алексеевича, содержавшееся на его средства, возглавленное близким к царю и весьма энергичным человеком, было свидетельством определенных намерений правительства реализовать столь долго остававшуюся в забвении идею государственного училища повышенного типа. Чрезвычайно важно отметить, что слухи об этих намерениях распространились еще до начала учения в Заиконоспасском монастыре.

Как мы помним, Досифей проявил беспокойство еще в 1679 г. (его первая грамота против латинских книг в России датирована 24 июля). Примерно в одно время с Тимофеем в Москву прибыл и Андрей Белобоцкий, официально сообщивший о цели приезда: "для того, слышал он, что великий государь на Москве хочет заводити школы, и он желал того, чтоб ему в тех школах быть учителем".⁴² Слух о характере этих школ был вполне определенным; в доносе, поданном на Белобоцкого 19 мая 1681 г., Павел Негребецкий (живший в Москве), сообщал: "вопросих его: Что вина твоего в Москву приезду? Он же отвеща: Услышах, яко великий государь хочет по Москве учение заводити и Академию устроить, и аз приехал учить". С этой новостью сочеталась в доносе на Белобоцкого и другая, не менее интересная: "римляне всякими способы промышляют в Российском царствии чрез науку ввести свои ереси".⁴³

Итак, уже в 1679 г. Россия и окрестные страны полнились двумя слухами: о предстоящем открытии в Москве высшего учебного заведения и опасности, которую представляло для православия изучение в нем "латинской" науки. Если первая версия вытекала, по-видимому, из замыслов правительства, то вторая была связана с разгоревшейся вокруг этих замыслов идейной

борьбой, в которой впервые открыто выступила группировка, получившая в литературе название "греческой (старомосковской и т.п.) партии". Ее позиция отразилась, в частности, в двух публицистических сочинениях, сохранившихся до нашего времени.

Первое из них помещено в сборнике, списанном в Москве для Афанасия, архиепископа холмогорского и ваяского, в 1685 г. с рукописи, принадлежавшей, по-видимому, Евфимия Чудовскому, и в сборнике конца ХУП в. из библиотеки Софийского дома.⁴⁴

Наиболее вероятным автором сочинения является признанный в литературе лидер "грекофилов" Евфимий, однако следует отметить, что ни М.Сменцовский, ни А.В.Флоровский (отстаивавший это мнение) не привели решительных доказательств в пользу этой атрибуции.⁴⁵ Для нас более важен вопрос о времени создания памятника, определяющий его место в идейной борьбе конца ХУП столетия. Н.Ф.Каптерев, основываясь на анализе содержания, отнес его к концу 1670-х гг. М.Сменцовский, отметив, что упоминание Алексея Михайловича в прошедшем времени не позволяет датировать текст ранее 29 января 1676 г., согласился, "что ближайшим поводом, вызвавшим разсуждение, послужили хлопоты Медведева о преобразовании своей школы в Академию". Далее, обратив внимание на указание в тексте, что иезуиты еще не приехали в Москву, исследователь определил верхней датой конец 1684 - начало 1685 гг. и тут же сделал вывод, относящий произведение к исследуемому им периоду: это "весьма любопытное разсуждение, время появления которого, можно думать, относится, именно, к концу 1684 или к началу 1685 годов и которое, следовательно, обрисовывает условия возникновения и положение греческой школы Лихудов в самые первые дни ее существования".⁴⁶

Построение М.Сменцовского не вполне логично, поскольку в других местах своей монографии он сообщает о посещениях Москвы католиками (и иезуитами в частности) в сентябре 1683, январе и марте 1684 гг.⁴⁷, то есть ранее установленной им верхней даты. В использованном ученым отрывке, после описания некоторых якобы проникших в Москву "ересей", говорится: "И сия убо еще ниже начало приему латинскому учению славянском, егда же тое учение в дело произыдет и преуспевати начнет....

егда услышат латинское учение, в Москве наченшееся, ... лукавьи иезуити подыдут, и неудобознаваемая своя силлогизмы или аргументи душегубительныя начнут всевати, тогда что будет?" Но если "славяне" еще "не прияли начало латинскому учению", то текст правильнее датировать временем накануне открытия Заиконоспасского училища в 1681 г., когда, как мы видели, начались уже и "хлопоты" об организации Академии.

Рассуждение состоит из двух "вопросов". Первый из них толкуется кратко, однако его постановка весьма любопытна: "Вопроси некто человек муж глаголя: Учатися ли нам полезнее грамматики, риторики, философии, и феологии, и стихотворному художеству, и отуду познавати божественная писания, или, не учася сим хитростем, в простоте богу угождати и от чтения разум писаний познавати?" Другими словами, что предпочтительнее с точки зрения благочестия: старинная система начетничества или школьные науки, риторически вопрошает автор, как будто этот вопрос не был положительно разрешен участниками собора 1666-1667 гг. Спустя более чем десятилетие после грамот трех патриархов, благославлявших "учение" в России, автор считает необходимым отметить, что ученье свет, а неученье тьма: "Простота сугуба есть: ова незлобие глаголется, еже есть добродетель терпения, и непамятозлобия, и немщение обидящим; ова же невежество, рече неучение, в нем же содержится невежество божиего закона, еже злоба есть преглубока. Неучение — тма, ослепляющая умныя очи, и есть, и глаголется, яко апостол глаголет: зане тма ослепи очи. Учение же — ясная луча есть, ею же невежества тма разрушается и естественный человеческого разума очеса просвещаются, и есть велие благо".

Затем следует второй "вопрос", ответу на который посвящена основная часть памятника. "Вопроситель паки рече: Видю и поразумевлю, яко учение свет, неучение же тма; но котораго языка учению учатися нам, славяном, потребнее и полезнее, латинскаго или греческаго?" Ответ свидетельствует, что все произведение было написано не для обоснования необходимости устройства в России училища, а прежде всего с целью не допустить открытия в Москве училища славяно-латинского. "Глаголют неции, — пишет автор, — яко свойственше нам словеном

учитися латинского языка учению, яко удобнѣшу суду к познанию и потребнѣшу, нежели греческому, неудобозначному". Опровергал это совершенно справедливое в конце XIII в. утверждение, публицист пересказывает вначале аргументы Мелетия Смотрицкого о сходстве славянского и греческого алфавитов, языков и грамматики, благодарил которому "учася тому не погрешит истинны о богословии". С другой стороны, "опасство имети подобает, дѣл не и славенский дѣяль от того латинского учения постраждет, яко уже и начинаются латинския и польския пословицы славенского языка в писаниях появлятися (древле же отнюдь таковых глаголющих славяне удаляхуся), зане реченням обыкомѣ и нравы последовати".

Далее любовь возражение автора немедленно переходит в сферу богословия и представляет читателю журнал "среси". "Латинский язык скуден и убог по себе самому", — утверждает он и тут же приводит длинный перечень имен святых и названий церковных, пишущихся по латини отлично от русского и греческого. Далее, "книги греческия латинским языком добре на славянский дѣяль превести отнюдь невозможно", утверждает автор, доказывая, что латинские библии все "неисправны". Следующий "аргумент" сводится к утверждению, что "язык греческий честен, и велик, и богословие могущ обхати по заимствуя языка латинского; язык же латинский без греческаго ничто же могущ высоких разумений, паче же о богословии писати и глаголати, и пелми сам собои непотребен нам, славяном, и ничтоже воспользует нас, но паче пошлит, и далече от истинны в богословии отведет, и к западных зломудрию тайно и внезапно привлечет".

Обильно цитируя рассказы Елифания Славинецкого, автор иллюстрирует утверждение, что "греческий язык и учение всю вселенную просвещает"; "Поведаше вышепомянутый Елифаний Славинецкий, о себе глаголя: яко в мале не прельстихся латинского мудрования лестию, дожде же не прочитал святых отцев писаний греческих книг, но точию читая латинския". Далее следуют исторические аргументы. Автор упоминает о том, что русская церковь "чины и песнопения держашу греческая, ... а не латинское"; что в 1586 г. собор восточных патриархов велел славянам учиться греческому языку, "и того ради напечатанаея во Львове граде

грамматики грекославянский". Далее, в грамоте о поставлении московского патриарха ему повелевалось быть с восточными патриархами "во всем согласну и купночину; согласие же и купночинность инако како не имать быти, точию от учения греческого, купно и славенского". Наконец, как говорилось на соборе об исправлении книг, патриарх Никон начал бас же дело, "но двое не допусти совершеннаго книг исправления: едино, яко скудно зело переводников искусных в языке греческом; аще и обретахуся неции, знающие отчасти диалекта греческого, но учением точию грамматики (здесь и далее подчеркнуто мной - А.В.) К сему не была лексикона греческия и славянския, того ради в переводах потребаху". "Потом (глаголет собор),... изучитея народ российский художеству грамматики, риторики и прочих по гречески и славенски, и егда (созданы будут - А.В.) лексикона греко-славянския (яже уже и начаваяся), и оттуду известно познается российскому народу греческий диалект, тогда совершенно да исправится".

Последний аргумент автора вновь имеет неадекватный характер: "От учения латинскаго, - пишет он, - чистота еще видя, начинаются быти странная подвѣрчи и чуждия восточныя савѣта церкве...". Если же в Москве начнут изучать латинский язык, то она станет добычей иезуитов; тогда будет "отступление от истинны, еже страждет или же пострада Малая Россия: приучившися латинѣ, была мало не все униаты, редции оставшися при-вославнии". Не учитывая многолетнюю борьбу украинского православного духовенства с католическим и униатским влиянием, автор сильно отступал от истины, тем более, что именно оно твердо и последовательно отстаивало политический союз с Россией. Очевидно, что обвиняя малороссию в латинской ереси, публицист исходил из позиции некоей группировки, не связанной с политическим курсом правительства.

Заключение сочинения еще яснее вскрывает намерения автора. Обращаясь ко всем духовным и мирским начальникам, он молит их всеми средствами "угасить малую искру латинскаго учения, не дати той раздмитися и воскуритися, да не пламень западнаго зломысленнаго мудрования растает: попадет и в ничто же обратит православия восточнаго истину". Другими словами,

изучение латинского языка и, как следствие, знакомство с европейскими науками рассматривается как прямая опасность для веры. Вместо этого предлагается изучать греческий язык и читать на нем сугубо богословскую литературу: тогда "народ великороссийский... и народы вси окружнии, сущии православия восточнаго, богу возблагодарят и царскому величеству поклонятся... И свой народ, начен от благородных до простых и самых, глаголю, поселян, услышавше учение греческое, возрадуются и похвалят, и мятежницы церкви... утишатся". Но этого мало, и впоследствии автор пугает власти распространением некоторых европейских идей в народе: "Аще же услышится в народе, наче же в простаках, латинское учение, не вем коюго блага надеятися, тощю избави боже всякия противности".

Таким образом, автор памфлета, озаглавленного по первым словам "Учитися ли нам", выразил позицию непримиримых противников проекта российской Академии, основной целью которых было недопущение распространения в государстве европейских знаний. Но памфлет показывает и другое: идея высшего учебного заведения стала к концу 1670-х гг. настолько популярна, что прямое отрицание ее сделалось невозможным. Потеряв свое подавляющее влияние, молчаливые до того "мудроборцы" оказались втянутыми в полемику и вступили в нее в качестве "грекофилов", стремясь ограничить содержание и цели образования греческим богословием и нуждами греко-русской православной церкви. Однако не все противники европейской науки придерживались столь откровенно консервативных взглядов.

Публицистическое сочинение под заглавием: "Довод вкратце, яко учение и язык еллиногреческий наипаче нужно потребен, нежели латинский язык и учения, и чем ползует словенскому народу", было рассмотрено по списку МДА А.В. Горским, датированным его концом 70 - началом 80-х гг. ХУП в., и опубликовано Н.Ф. Каптеревым по той же рукописи⁴⁸. Оба исследователя подробно пересказали содержание памятника и охарактеризовали его как один из первых выпадов московских ревнителей православия против "латинян" в русской среде и изучения латинского языка. Это не совсем так. Автор "Довода вкратце" не считает противников "латинствующих", то есть зараженными ересью.

Он сам ссылается на "Антония Поссевина, славного генерала мезубитцкого (который, будуче послан от папы, помирил царя Иоанна Васильевича с королем польским Батором)", призывавшего "в книге своей, во избранной библиотеке", к изучению греческого языка, и обильно цитирует это сочинение. Публицист отмечает большое значение греческой культуры для западно-европейских стран. "Притом, — пишет он, — и академии древнии греческие во многих странах, и греческий язык является в немецком и французском языке... А по латии Царяграда от турков многие ученые мужи и в книгах святых отцев и философов пришедши, варвариях разсказали и искусство языков к ним привадоша".

Автор "Довода вкратце" дважды ссылается на авторитет западноевропейских академий, в которых изучается греческий язык. Он говорит, что "сами латии во всех своих академиях и по се время яко основание себе полагают (греков — А.В.) и вкупе учатся греческому и латинскому языку, аще право основание, кроме греков, во всех свободных учениках, хотя и много трудияся, вымыслити не могут!" В другом месте автор повторит, что "греческое учение во всех академиях и до днесь изучается вместе с латинским, и наипаче в Венеции сиеет и во славной их академии в Патавие, притом в Париже французской, в Лондоне английской, в Лундуна галланской, в Праге немецкой и во Италии в Риме". Он признает превосходство этих университетов над современными греческими школами, хотя и приукрашивает последние: "И в Царяграде хотя академии и нет, а школы есть великаа, в которой всякими свободными учениками изучается довольно".

Утверждая, что "великаа есть антипатия древняя между народа русского и латинского", автор не склонен огулом считать все латинское еретическим: "и что-нибудь происходит от латинян, хотя и доброе, однакоже подозрительное и нечистое". Тем не в "повреждении веры" латинским учением упоминается только лишь в заключении памфлета: "Того ради подобает наипаче учиться гречески, понеже тем языком не токмо не предается православная вера, яко латинским, но и zelo исправляется, да и учить кущю со славенским, яко да временем и славенский язык (который про-

богат естъ) очистился". Наконец, автор отнюдь не склонен запретить изучение латыни: "А по греческом учении, хотядему невредительно учиться и латинскому, а в первой латинскому языку учиться велика опасение".

Таким образом, памфлет отстаивает необходимость положить в основу московского училища греческий и славянский языки с латинским факультетивом. Более того, автор его отнюдь не сводит науки к богословию. Он упорно повторяет, что Греция "всех учений свободных всем государствам предаша". Оттуда пошли учения стоиков, платоников и перипатетиков, а позже эта страна "толиких мучеников и исполедников, богословов, дев, пап и соборов проявила"! Автор обращается к языческим временам и приводит свидетельства в пользу греческого языка из Цицерона, Полибия, Геллия, Лукреция, "Мусония", переходит затем к св. Иерониуму, "Фавориту, философу французженину, Филону и Иосифу еврейном", другим "сириянам, египтянам, и фракиянам, и иным народам", кои хвалили греческий язык и на нем писали: "Птолемей - Мусикию и Астрологию, Пикомах и Амалих сириане - арифметику и геометрию, Ормис тривеличайший и Архиста - диалектику; но оставлю, которые во учение законов, и в дохтурстве, и иных учениях написани, иже нужно надобно ко учению языка греческаго".

Аргументы от богословия весьма кратки. Автор указывает, что греческая библия и святоотеческие произведения дают лучшие тексты, "с которыми сравнены переводы их являются на иных языках как неполны и несовершенны". Затем, евангелие и сочинения апостолов "духом же святым на греческом языке написано", как деяния 7-ми вселенских соборов и православный символ веры. Но эта тема не развивается. "И оставим, - пишет автор, - для множества толиких богословов, философов, дохтуров, творцов, риторов, астрологов, геометров и прочих. Кто богословие тако высоко, яко Дионисий и Григорий написаху? Кто остроумнее Аристотеля философию, или во астрологии Птолемея, и в геометрии Эвклида, и в риторике Димостена, и в дохторство Инократа и Галина, и в творцах Омира, и во всех прочих учениях кто подобни грекам?..."

Итак, автор безусловно признает авторитет античной науки

и ее изучение на родном языке (греческом) ставит едва ли не выше богословия. В то же время он отдает себе отчет в том, что общим языком современной ему науки и дипломатии является латынь. "И греческое учение большую славу причиняет, нежели латинское, — завершает автор свое сочинение, — понеже латинский язык общий, и умножен, и не так в чести, яко греческий". Но в том-то и соль позиции публициста, что он отвергает и опасается этого общего языка европейской интеллигенции, добивается изоляции России, сохранения ее относительной общности от культурных достижений Европы. От византийских "греков", утверждает автор, Русь приняла веру, "и всякие книги церковные и гражданские, и всякие обычаи славянский народ от них и принял, и до сего времени ненарушимо держит". С другой стороны, "вся Славянна по природе народа своего омерзается от учения и художества немецкаго, и что оттуду придет, какое-нибудь дело, кроме ремесства, чаят себе вредительно и низвергает яко подозрительное". На том автор и предлагает славянам стоять впредь.

Как видим, несмотря на весьма существенные расхождения, авторов обоих памфлетов объединяет противостояние европейской науке Нового времени. Важным средством ограждения России от ее достижений является, по их мнению, полное запрещение или же ограничение изучения в стране латинского языка. Не в силах воспрепятствовать организации государственного высшего учебного заведения, "мудроборцы" в конце 70-х — начале 80-х гг. ХУП в. попытались трансформировать его идею, превратив проектируемую Академию либо в церковную школу, либо в средневековый университет, ограниченный толкованием античной традиции. Исследователи давно заметили, что обращение исключительно к греческому языку и "греческим учителям", не имевшим собственной учебной базы и весьма ограниченным в учебной литературе, объективно препятствовало знакомству России с наукой западной Европы, в том числе и с античным наследием. Отдельные наблюдения показывают, что не только публицисты, — сам глава русской православной церкви целенаправленно боролся против организации Академии, причем его позиция вполне соответствовала взглядам автора памфлета "Учитися ли нам".

Как показал Н.Ф.Каптерев, "Типографская школа была толь

ко элементарной, где обучали греческому и славянскому чтению и письму, а не проходили курса наук средней или высшей школы".⁴⁹ А.В.Горский обратил внимание на грамоту патриарха Досифея к царям Ивану и Петру с сообщением о просьбе, переданной ему Иоакимом в конце царствования Федора. Ее содержание натолкнуло исследователя на мысль, что Иоакиму "как мысль об учреждении училища в таких размерах казалась несвоевременной, так и права, предоставляемая начальству академическому (в "Привилеи" - А.Б.), не совсем согласными со строгими иерархическими понятиями". Именно поэтому Иоаким обращается к Досифею не сам, а через иеродиакона Мелентия Грека "и притом просит не многих наставников для учреждения целой Академии, а одного учителя греческого языка. Очевидно, что патриарх хотел только продолжить и, может быть, улучшить состояние существовавшей греческой школы",⁵⁰ которая, как мы помним, была организована в противовес замыслу Академии.

А.В.Горский, как и большинство других исследователей, не склонен был безоговорочно приветствовать выраженные в "Привилеи" идеи Полоцкого, Медведева и Федора, уже в 1680-х гг. официально квалифицированные в качестве "латинских", т.е. еретических. Однако даже отдавая дань обличениям "латинствующих", историки, работавшие с первоисточниками, не могли не обратить внимания на сугубую консервативность учебной программы "мудроборцев". Наиболее четко это мнение было выражено И.Е.Забелиным. Оставив в стороне порицаемую им "киевскую, исключительно латинскую ученость", исследователь считал, что "основною задачею водворяемой ("мудроборцами" - А.Б.) науки было познание веры (подчеркнуто Забелиным - А.Б.),... православное понимание и толкование св.писания и отцев церкви. Из этой задачи вытекала другая - распространение веры,... сохранение православия и защита его от суетности ересей, от темного суеверия невежественной толпы. Все свободные мудрости были направлены только к этим задачам...". Считая, вслед за предшественниками, организованные патриархом в середине 1680-х гг. "еллено-славянские школы" братьев Лихудов "академией", И.Е.Забелин дал программе "мудроборцев" точную характеристику (принятую и другими учеными): "Водворенная, установленная акаде-

мическая наука не только не распространяла пределов знания, но... прямо способствовала тесной замкнутости своего знания в одном кругу церковности.

При господстве и всеобъемлющем влиянии такой научной идеологии, — продолжал историк, — очень трудно было проложить пути к той необходимой свободе в устройстве светского образования и светской учености, какая требовалась уже неизбежно не только для укрепления, но для спасения государства. Очень трудно и совсем невозможно было выйти на этот путь... призыв к учреждению такой же академии, но по мирскому плану, согласно потребностям и интересам гражданственности, всеобщим интересам государства. О таком решении в умах того времени не могло возникнуть и помышления, по той особенно причине, что не были еще ясно поняты и осознаны сами эти государственные потребности".⁵¹ Односторонность и, как следствие, ошибочность такого мнения о состоянии общественной мысли предпетровского времени по вопросу о высшем образовании очевидна при обращении к общеизвестному тексту "Привилея Московской академии"⁵²,

Подробный анализ этого произведения, написанного Сильвестром Медведевым и утвержденного в начале 1682 г. царем Федором, не является нашей задачей. Достаточно обратить внимание на сходство открывающего "Привилея" обоснования необходимости Российской Академии с рассмотренными в начале статьи рассуждениями на ту же тему. "Первая и величайшая должность (государя — А.Б.), — говорится в тексте от имени Федора Алексеевича, — охранение восточных православных веры и тоя о расширении промышленности. Та же той подобная — о благочинном государстве управлении и о защищении имати тщание. Знающе же яко едины оных и прочих царских должностей родительницу, и всяких благ изобретательницу, и совершительницу быти мудрость". Далее, в соответствии с орацией Лигарида, развивается мысль о спасительности науки для охранения и расширения веры и подчеркивается, что именно учением "вся царствин благочинное расположение, правосудства управление, и твердое защищение, и великое распространение приобретает". Таким образом, мысль о значении науки для "укрепления и прославления государства" (И.Е. Забелин) зародилась в России отнюдь не у "маленького, а потом взрослого Петра-Преобра-

вателя". "Сокращение же речем, - гласит "Привилей", - мудростию во вещех гражданских и духовных познаем доброе и злое, ... ни о чем же тако тщание наше составляем, яко же о изобретении премудрости, с нью же вся благая от бога людям даруется".

Далее, в тексте дается ссылка на благословение "учений" в России "разными диалекты, греческим, славянским и латинским", данное при Алексее Михайловиче восточными патриархами Лисием и Макарием. Благословение Иосафа опущено, возможно, потому, что разрешенное им могло быть запрещено Иовкимом. Однако программа "всему нашему царствию полезнаго...дела" более соответствует иосафовской грамоте. "На взыскание свободных учений мудрости", - гласит документ, царь желает "храмы чином Академии утвердити; и во оных ходем семена мудрости, то есть науки гражданския и духовныя, наченше от грамматики, пиитики, риторики, диалектики, философии разумительной, естественной и нравной, даже до богословия... постановити. Притом же и учению правосудия духовнаго и мирскаго, и прочим всем свободным наукам, ими же целость Академии, сиречь училища, составляется, быти". Таким образом, учебное заведение должно было давать как церковное, так и светское образование на трех языках, соответствовавших этим задачам.

Место и значение светского образования в Академии определялось специальной 10-й статьей "Привилей": студенты, избравшие светскую карьеру, "по совершении свободных учений имуг быть милостиво пожалованы в приличные чины их разуму...". Потребность государства в образованных кадрах особо подчеркивалась: "А не учащихя свободным учениям великих чинов людей, детей их, разве благородных, в чинах государские чины... ни за какие дела, кроме учения, и явственных на войнах, и иных государственных наших государския части ко умножению и государства к расширению соделаний не допускати". То, что аналогичных обещаний не давалось студентам богословских классов,шний раз свидетельствует о негативном отношении патриарха к Академии.

Таким образом, публицистические памятники второй половины 1660-х - начала 1680-х гг. заставляют пересмотреть позиции представителей русской общественно-политической мысли по вопросу об организации высшего учебного заведения. Вместо спора

о его программе между "грекофилами" – ревнителями благочестия и "латинствующими" – западниками, мы видим во второй половине 1660-х гг. настойчивые попытки добиться основания как латино-, так и греко-русских светских и духовных училищ повышенного типа, связанные с деятельностью Симеона Полоцкого и поддержанные позже другим лидером т.н. "латинствующих" – Сильвестром Медведевым. Очевидно, что это определение, связанное с обвинениями в пристрастии к католичеству и выдвинутое в полемике конца XVII столетия врагами Полоцкого и Медведева, не соответствует истинной позиции и деятельности этих сторонников просвещения России. В то же время т.н. "грекофилы" выдвигают мысль о необходимости изучения греческого языка и литературы лишь тогда, когда в конце 1670-х гг. усилия сторонников просвещения делают реальным проект Академии для подготовки европейски образованных светских и духовных кадров. Представители этой группировки, которых наиболее точно характеризует предложенное Гавриилом Домецким определение "мудрборцы", выступают прежде всего с негативной программой запрещения или существенного ограничения изучения латинского языка и "немецких" книг как средства ограждения России от проникновения западно-европейской научной и общественной мысли. В позитивных предложениях "мудрборцев" публицистика выделяет два направления. Первое, имевшее официальную поддержку в лице патриарха, сводило проблему просвещения к основанию вместо Академии духовного училища. Второе предусматривало организацию университета с изучением духовных и светских наук по античным классикам, противопоставляя "огню западного зломысленного мудрования" "ученый" барьер. Борьба между сторонниками просвещения и "мудрборцами" была важным этапом в развитии русской общественно-политической мысли, необходимым шагом к преобразованиям начала XVIII в.

1 Каптерев Н.Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Изд. 2-е, Сергиев-Посад, 1914, предисловие, с. I-IV.

2 Возможно, исключением следует считать статью А.Х. Горфункеля, в которой, в частности, излагается взгляд на документы о спорах Белобоцкого с Медведевым и Лихудами; см.: Горфункель А.Х., Андрей Белобоцкий – поэт и философ конца XVII – начала XVIII в. – ТОДРЛ, М.-Л., 1962, с. 200-201.

- 3 Горский А.В. О духовных училищах в Москве в XVII столетии. В кн.: Прибавления к творениям св.отцев в русском переводе М., 1845, ч.3, с.160-167.
- 4 Жезл правления. М., 1667, л.17 об.-20.
- 5 С.К.Смирнов, И.Е.Забелин и некоторые другие исследователи ошибочно отождествляют его с Арсением Греком. См.: Смирнов С.К. История славяно-греко-латинской академии. М., 1855, с.3; Забелин И.Е. Характер древнего народного образования в России (несколько замечаний о "Записке для истории просвещения в России" г.Куприянова). - Отечественные записки, 1856, т. 105, отд.2, с.13 и др.
- 6 Горский А.В. Указ.соч., с. 152-153; Пыпин А.Н. История русской литературы. СПб., 1898, т.П, с.276-279 и др.
- 7 Пыпин А.Н. Указ.соч., с. 285.
- 8 Там же, с.286; о деле см.: Сторожев В.Н. К истории русского просвещения XVII в. Киев, 1890, с.14 и др.
- 9 Увет духовный. М., 1682, л.264.
- 10 Горский А.В. Указ. соч., с. 160-161.
- 11 Там же, с. 161-162.
- 12 В "Вертограде многоцветном" (см.авторскую рукопись ГИМ, Синод.собр., № 288).
- 13 Горский А.В. Указ.соч., с. 163.
- 14 Белокуров С.А. Арсений Суханов. Ч.П. Сочинения. М., 1894.
- 15 Предпочтение, оказанное патриархами греческому языку, отметил И.Е.Забелин: "Вскоре (в 1666 г. - А.Б.) приехавшие в Москву александрийский и антиохийский патриархи точно также (как Лигарид. - А.Б.) убеждали царя завести греческие (но не латинские) и славянские училища, указывая особенно на важность изучения греческого языка" (Забелин И.Е. Первое водворение в Москве греколатинской и общей европейской науки. - ЧОИДР, 1886, кн. 1У, с.3).
- 16 Горский А.В. Указ.соч., с. 164.
- 17 Подробно см.: Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1884; Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. М., 1887 и др. Ч.21
- 18 Каптерев Н.Ф. О греко-латинских школах в Москве в XVII веке до открытия Славяно-греко-латинской Академии. - В кн.: Прибавления к творениям св.отцев в русском переводе, за 1889 г. М., 1889, ч.44, с. 616; Пыпин А.Н. Указ.соч., с. 348.
- 19 Подробнее о редактировании, в том числе дополнении и исправлении Медведевым рукописей Полоцкого см.: Прозоровский А.А. Сил вестр Медведев (его жизнь и деятельность). М., 1896, с.155-162 и др.
- 20 Каптерев Н.Ф. О греко-латинских школах, с.616; Горский А.В. Указ.соч., с.164-165.
- 21 Ср : Скрижаль. М., 1656 (и более поздние издания), гл.7.

- 22 Горский А.В. Указ.соч., с. 167.
- 23 Бумага с маркировочным знаком "голова шук", 1У типа, сходен с № 1282 у Тромонина - 1676 г.
- 24 О рукописи см.: Протасьева Т.Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А.В.Горского и К.И.Невоструева). М., 1970, ч.1, № 602, с.24-25.
- 25 ГИМ, Синодальное собр., № 130, л.153; текст опубл.: История российской иерархии, ч.1, с. 420.
- 26 Хармакович К.В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914, т.1, с.284.
- 27 Горский А.В. Указ. соч., с. 168-171.
- 28 Калтерев Н.Ф. О греко-латинских школах, с. 627.
- 29 Забелин И.Е. Первое водворение, с. 2-3.
- 30 Прозоровский А.А. Сильвестр Медведев, с. 178 и др.
- 31 Русская историческая библиотека. СПб., 1878, т.У, № 276, с.742-744; Сторожев В.Н. Указ.соч., с.14, 19-20. Сторожев доказал также, что Епифаний Славянский отнюдь не преподавал в Андреевской школе и даже никогда не жил в этом монастыре (вопреки мнению И.И.Сахарова, И.И.Поликова, В.Н.Берха, С.М.Соловьева, Н.И.Костомарова, Макария и др. (Там же, с. 13-14). Распространенная легенда о преподавании Епифания в Чудовском монастыре была убедительно опровергнута Н.Ф.Калтеревым (О греко-латинских школах, с.603-608).
- 32 Горский А.В. Указ.соч., с. 159; Николаевский П.Ф. Московский Печатный двор при патриархе Никоне. - Христианское чтение, 1891, ч.П, с.174-174 и др.
- 33 Древняя Российская вивлиофика. Изд. 2-е, М., 1791, ч.ХVI, с.296-297.
- 34 Забелин И.Е. Первое водворение, с.7 и др.
- 35 Калтерев Н.Ф. О греко-латинских школах, с. 649-653.
- 36 Забелин И.Е. Первое водворение, с. 4.
- 37 Подробно см.: Калтерев Н.Ф. Сношения иерусалимского патриарха Досифея с русским правительством (1669-1707 гг.). М., 1891.
- 38 Калтерев Н.Ф. О греко-латинских школах, с. 668.
- 39 СГГид, т.1У, с.421; Горский А.В. Указ.соч., с.175-176 и др.
- 40 Калтерев Н.Ф. О греко-латинских школах, с. 668-669.
- 41 Там же, с. 649-653; Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Изд. 2-е, М., 1872, ч.2, материалы, № 50, с. 140; Полежаев Е. Школьное дело в России до Петра. - Странник, 1881, т.1, с.217 и др.
- 42 Горфункель А.Х. Указ.соч., с. 197, ср. с.200.
- 43 Черновик извета см.: ГБЛ, МДА, фонд. № 68. Пересказ см.: Горский А.В. Указ.соч., с. 179.

- 44 ЕАН, Арх.164, л.142 и далее (описан: Викторов А.Е. Списки рукописных собраний в книгохранилищах северной России. СПб., 1890, № 115); ГИБ, Соф.423, л.2, и далее (описан: Калтерев Н.Ф. О греко-латинских школах, с. 628-629, 638-645; опубл.: Сменцовский М. Братья Лихуды. СПб., 1899, приложения, с. У1-XXУ1).
- 45 Сменцовский М. Указ соч., с. 119-120, 396-399; Флоровский А.В. Чудовский инок Евфимий. Один из последних поборников "греческого учения" в Москве в конце XVII века. - "Slavia", 1949, XIX, сб. 1-2, с.123.
- 46 Калтерев Н.Ф. О греко-латинских школах, с. 628-629; Сменцовский М. Указ.соч., с. 265-271, приложения, с.У1.
- 47 Ср.: Сменцовский М. Указ.соч., с. 148-149; подробнее см.: Цветаев Д. Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII вв. М., 1886, с. 223-224, 315-363.
- 48 Сборник начала XVIII в. См.: Горский А.В. Указ.соч., с.176-178; Калтерев Н.Ф. О греко-латинских школах, с. 672-678.
- 49 Калтерев Н.Ф. О греко-латинских школах, с. 659.
- 50 Горский А.В. Указ.соч., с. 184-185.
- 51 Забелин И.Е. Первое водворение, с. 13-15; ср.: Пыпин А.Н. Указ.соч., с. 369-371 и др.
- 52 Древняя российская Вивлиофика. Изд. 2-е, М., 1788, ч.У1, с.390 и далее.

ДОКУМЕНТЫ СЛЕДСТВИЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ МОСКОВСКОГО ВОССТАНИЯ 1771 г.

Одним из важнейших событий в истории классовой борьбы в России XVIII в. явилось Московское восстание 1771 г., или "Чумной бунт", как оно нередко называется в научно-исторической литературе. Вспыхнувшее в сентябре 1771 г., это народное движение нашло свое отражение как в дореволюционной,¹ так и в советской историографии.² Оно описывалось в воспоминаниях многих современников и очевидцев.³ Однако нет ни одной работы, которая была бы посвящена источниковедческому анализу этого события. Специальное, комплексное изучение источников о Московском восстании 1771 г. отсутствует. Между тем, именно исследование всего комплекса источников по истории восстания откроет много интересных фактов, позволит выявить новые документы о "Чумном бунте".

М.Ф.Прохоров, автор последней в исторической литературе работы о Московском восстании 1771 г., разделил источники об этом событии на две группы: делопроизводственные и воспоминания современников.⁴ Нам кажется, что правильнее было бы выделить в отдельные группы следственные материалы и законодательные источники. Тем самым комплекс источников о Московском восстании 1771 г. можно разделить на четыре группы: 1. Следственная документация; 2. Делопроизводственные документы (протоколы, переписка должностных лиц); 3. Описания современников; 4. Законодательные источники.

Данная работа посвящена источниковедческому анализу первой, пожалуй, наиболее важной группы источников о Московском восстании - следственным материалам. Комплекс следственных источников о "Чумном бунте" неоднороден по своему составу. Это прежде всего так называемое "следственное дело", частично опубликованное А.Н.Зерцаловым;⁵ затем дело, отложившееся в фонде Московской конторы тайных розыскных дел,⁶ и следственное дело Московской духовной консистории, сохранившееся в фонде Московской синодальной конторы.⁷ Кроме того, нами были выявлены в фонде 6-го департамента Сената еще не-

сколько допросов лиц, подозревавшихся в участии в восстании.⁹ Следственное дело о "чумном бунте", изданное Зерцаловым, хранится сейчас в ЦГАДА, в фонде У, Московского департамента Сената. Опубликовал он его неполностью, без всяких археографических комментариев. Необходимо прежде всего отметить, что тот комплекс документов, который был опубликован А.Н.Зерцаловым и назван "следственным делом", по сути дела таковым не является. Местонахождение большинства допросов участников Московского восстания 1771 г. пока неизвестно. Дело, частично изданное этим историком, имеет коллекционный характер. В него вошел прежде всего "Экстракт из дела о случившейся драке сентября 15 дня 1771 г. у Варварских ворот, о разграблении в Чудове монастыре келий и пожитков архиерейских и о убийстве архиерея Амвросия в Донском монастыре и о бывшем в это время мятеже и буйстве"¹⁰ на 42-х листах. Это экстракт из какого-то другого следственного дела. Он был составлен в следственной комиссии, допрашивавшей участников восстания, и передан для вынесения приговора в Общее собрание Правительствующего Сената. Составлялся он в спешке, впрочем, как и велось все следствие. Уже 11 октября 1771 г. председатель следственной комиссии о "мятежниках" Рожнов писал обер-прокурору Сената Всевожскому: "На полученное от Вашего превосходительства вчерашний день предложения о сделании комиссии по силе посланного из Правительствующего Сената указа, из допросов бывших мятежников экстрактов по степеням преступлений и о представлении оных в Правительствующий Сенат, оная комиссия доносит, что во исполнении указа Правительствующего Сената 11 числа сего месяца объявленные экстракты секретарями уже сочиняются".¹¹

Сам экстракт, в свою очередь, тоже представляет из себя коллекцию документов о Московском восстании 1771 г. В нем представлены не только материалы следствия, но и донесения московских градоначальников Екатерине II, составленные в самый разгар восстания. Экстракт начинается с копий донесений главнокомандующего всеми мерами борьбы против чумы в Москве П.Д.Еропкина от 18 сентября 1771 г., опубликованного в 1808 г. Я.И.Ростом¹², и донесения генерал-губернатора Москвы П.С.Салтыкова от 16 сентября. После этих документов

в экстракте следует пересказ рапорта обер-полицмейстера Москвы Н.Н. Бахметьева о "Чумном бунте", составленного им 22 сентября 1771 г. Копия этого документа хранится в "Деле о моровой язве" в составе 6 разряда Российской империи.¹³

Затем в экстракте представлены допросы 15 человек, сообщение о допросах лиц, не признавших себя участниками восстания: "... Потом спрашивали тех, кои были взяты 16 числа солдатами в разных местах в Кремле и около оногo".¹⁴ На наш взгляд, именно эти материалы следствия, представленные в экстракте, и являются фрагментами подлинного следственного дела. Составители экстракта включили в него как материалы следственного дела, так и документы делопроизводственного характера (донесения П.С.Салтыкова и Н.Н.Бахметьева). В своей публикации экстракта (именно экстракта, а не следственного дела) А.Н.Зерцалов без всяких комментариев пропускает некоторые документы, входящие в состав этого комплекса. Так, напр., опущено краткое сообщение следственной комиссии о том, что некоторые допрашиваемые признались в "... требованиях от лица народа у стоящих тогда военных команд".¹⁵ А ведь речь здесь идет о важнейшей особенности Московского восстания 1771 г. - предъявлении ультимативных требований.

После записей показаний допрашиваемых в экстракте следует реестр арестованных по подозрению в участии в восстании. Обвиняемые были разделены на 3 группы:

I. Пойманные в Кремле или около него лица, сознавшиеся во взятии имущества в разбитом Чудовом монастыре, но утверждавшие, что "...умысла же и прежде и заговора из них никто не имел, ... то ж и карантинов не распускали и ни с кем о том не совдешались, и ни к какому смятению никогда народ не склоняли".¹⁶ Этот реестр насчитывает 40 человек.

II. Лица, которые ни в чем не повинились и не признались, но "...однако ж в разсуждении места и времени, то есть где и когда они пойманы, навлекают на себя некоторое суждение, ибо они ту толпу буннов собою умножали".¹⁷ Их - 142 человека.

III. Те лица, которые никаких подозрений не вызвали, а были задержаны случайно. Этих людей 119 человек. Все они по приговору были отпущены на свободу.

Сопоставляя материалы следствия между собой, приходим к

ыводу: допросы подозреваемых в участии в "Чумном бунте", хранящиеся в фонде Московской конторы тайных розыскных дел¹⁸, - это допросы только тех, кто вошел в 3-й реестр по экстракту. Но где допросы еще 182 человек, проходивших по 1-му и 2-му реестрам? Пока нам это неизвестно. Между тем, даже допросы лиц, которые не были признаны виновными и отпущены на свободу, представляют большой интерес и сообщают много важных данных о сентябрьских "бунташных" днях 1771 г. Показания тех, кто навлек на себя большее подозрение, должны дать много новой информации. Необходим поиск других следственных материалов, из которых был составлен экстракт, заканчивающийся перечислением лиц, включенных в 3-й реестр.

Кроме экстракта, дело, опубликованное с сокращениями А.Н.Зерцаловым, включает в себя и ряд других документов - выписки из различных законов Российской империи о ворах, разбойниках и т.д., которые использовались при составлении приговора, на 46 листах¹⁹. Это интересный источник для изучения судопроизводства и борьбы с народными движениями во второй половине XVIII в.

В деле также содержатся протоколы заседаний Общего правления Сената за 31 октября- 5 ноября, выпущенные Зерцаловым; сообщение об указаниях Екатерины II Григорию Орлову о созыве Генеральной комиссии для обсуждения приговора²⁰; текст отпуска с посланного во все комиссии, канцелярии, конторы и т.п. сенатского указа. Кроме этого, в состав дела входят рапорты Сената от 12 ноября 1771 г. с кратким извлечением из экстракта и копиями реестров осужденных, копии рапортов об объявлении "преступникам" указа о наказании и о приведении приговора в исполнение.

Дело с допросами лиц, признанных невинными, представляет немалый интерес для изучения истории "Чумного бунта". Почти каждый допрашиваемый был без всякого повода схвачен, избит и посажен под арест. Подозреваемые были взяты под стражу в основном от 17 до 21 сентября. Арестовывались даже женщины. Так, напр., "...Наталья Михайлова, крепостная, в пятницу 16 сентября пошла поутру для продажи пятинок, которые и продала; а как шла домой, то на площади хватали многих, в том числе и ее схватили"²¹. Аресты начались уже в самый разгар восстания. Солдаты хватали всех, кто попадался им на

лаза. Дворовой Лукерье Евсеевой при задержании пробили голову.²²

Каждый допрос в этом деле оканчивается примерно одинаково: "А 15 сентября в вечеру по набатному колоколу, а и 16 в пятницу при разграблении дома архиерейского и в Донском монастыре при убийстве его, также и на площади с протчими в обществе мятежниками и при разграблении карантинных не был и никого не знает".²³ По этой форме задавались вопросы арестованным. Мы видим здесь основные пункты обвинения: разгром Чудова монастыря, разгром карантинных, убийство московского архиепископа Амвросия и столкновение на Красной площади с правительственными войсками.

Однако допросы в деле из фонда Московской конторы тайных розыскных дел показывают нам не только методы сыска восстановленных и формуляры их показаний. Мы можем отметить и ряд интересных данных о восстании. Так, дьячок церкви Николая Мученика Иван Егоров показывал, что вечером 15 сентября "... часу в восьмом услышал он набатный колокол..., пошел из дома своего из-за Москвы-реки без всякого орудия, сам не зная для чего быть в набат, и, не доходя до Варварских ворот, увидел... множественным числом народа с копьями, и слышал он от тех бегущих, что будто у Варварских ворот присланные от архиерея Божью мать грабят... Без всякого сопротивления около десяти часу ночи взят под караул, а за что, не знает, ибо был он тоже в белом балахоне, а фабричным не сказывался".²⁴ Солдаты, как видно, арестовывали по приметам — по "балахону", хватали в первую очередь фабричных. "... Подлый народ, состоящий из всякого звания, а по большей части из фабричных",²⁵ так писал об участниках "Чумного бунта" приказчик Демидова своему господину за границу. "В злодействе сем находились боярские люди, купцы, подъячие, и фабришники"²⁶ — доносил 18 сентября Екатерине Еропкин. "И в том бунте большей частью фабришны", — писал неизвестный очевидец восстания.²⁷ Дворовой Тихон Карпов был взят под стражу гусарами, которые называли его "фабришным".²⁸ Солдат Иванов показывал, что неизвестный солдат ему говорил, "... что де смятение произошло от господских людей и фабришных".²⁹ Таким образом, по мнению как организаторов следствия, так и очевидцев восстания, ведущую

роль в нем играли фабричные.

Материалы допросов дают сведения и по другим вопросам. Так, дворовый человек Василий Иванов, раненый гусарской командой 17 сентября, показал, что "...спустя после того дня с четыре, то есть в среду 21 сентября, был обыск по дворам, нет ли кого раненых..."³⁰ Это сообщение подтверждает факт повальных арестов, сыска подозреваемых в Москве после восстания.

В допросах есть и показания непосредственных свидетелей действий восставших у Чудова монастыря. Конох этой обители Андрей Сергеев сообщил, что был к монастырю "...великий приступ"³¹, а племянник архиерея Н.Н.Бантыш-Каменский торопил запрягать лошадей. Интересна новая деталь, заключающаяся в том, что Амвросий не просто бежал из Чудова монастыря при известии о начале "бунта", а еле ускользнул от восставших.

Очень большой интерес представляют показания дворового Анания Иванова: "... А только прежде взятия его недели за две говорил упомянутой дворецкий Василий Михеев, что де слышал он от десятского, а как того десятского зовут, не сказал и он, Иванов, не знает, повестку, что ежели будет какая тревога, чтобы бежали с подлинною"³² Василий Михеев показал: "...о повестках, что если будет тревога, чтоб бежали, слышал он, Михеев, прежде взятия его под караул недели за две от народного сказывания, а от кого именно, - упомянуть не может"³³ По словам крестьянина Артамонова, он видел на Шаболовской улице незнакомых ему четырех человек, "...кои между собой разговаривали, что де слышали они повестку: ежели будет в городе набат, чтобы бежать; а от кого, - не проговаривали"³⁴ Вряд ли на основании этих допросов можно с уверенностью делать вывод, что восстание было не стихийным, а четко продуманным и спланированным, но пропустить такое указание в источниках мы не имеем права, тем более, что об этом есть упоминания и в других документах. В фонде I департамента Сената, хранящегося в ЦГАДА, нами была обнаружена копия указа из Московской губернской канцелярии, полученного 26 сентября 1771 г. начальником застав и карантинных в районе Гжатской пристани Семеном Воейковым. В этом документе

сообщается о "бунте", дается указание задерживать подозрительных; далее говорится: "...Также и по дошедшему в Москве слуху, якобы в селениях жителям незнаемо от кого были повестки, чтоб они бежали в Москву э дубьем и дрекольем... Разведать, - не было ль предписанных повесток, а естли были, то от кого именно".³⁵ Очевидец восстания протоиерей Петр Алексеев подтверждает: "А другие упоминали о том, что слышали прежде, за несколько дней до того, что будут повестки или, если услышат набатный колокол или пушечный выстрел, тогда б бежали в Кремль; но от кого сие слышали - не показали... Не то по тайным, давно учиненным от бунтовщиков повесткам".³⁶ Издатель "Русского Архива", публикуя в 1863 г. свидетельство о "Чумном бунте" московского протоиерея Петра Алексеева, писал в комментариях: "Московские старожилы сообщают, что мятеж был замышлен даже с некоторою правильностью: накануне выборные обходили дворы, стучась в ворота и оповещая, чтобы назавтра идти на расправу с архиереем".³⁷

Все эти важные свидетельства говорят о наличии некоторой организации при подготовке Московского восстания 1771 г. Элементы организованности у восставших (посылка выборных по дворам и повестки) - это свидетельство возросшей зрелости народных масс, появление предводителей, пытавшихся организовать стихийную вспышку назревавшего народного гнева. Однако более точных данных (напр., экземпляров самих повесток) в нашем распоряжении пока не имеется.

Следующее дело, которое нам хотелось бы рассмотреть, до сих пор в исторической литературе не исследовалось. О нем лишь упоминалось в работе М.Ф.Прохорова.³⁸ Это - "Дело об убиенном синодальном члене пресвященнейшем Амвросии, архиепископе московском, от взбунтовавшейся черни", составленное в Московской духовной консистории.³⁹ Оно начинается с краткого объявления служителя московского Донского ставропигиального монастыря Андрея Михайлова в Московской синодальной конторе о смерти Амвросия. Сообщение об этом датировано 16-м сентября 1771 г. Затем идут два очень интересных документа - рапорт из Московской духовной консистории в Московскую синодальную контору от 17 сентября 1771 г. и рапорт архимандрита Донского монастыря Варлаама от того же

числа. Оба донесения описывают гибель архиерея и составлены в самый разгар восстания. Рапорты показывают растерянность священнослужителей: "...кедейные служители разбежались, спасая жизнь свою, да и собрания в консистории по причине оказавшейся в самом Чудове монастыре болезни до сего времени более двух недель не было".⁴⁰ Описание начала бунта в рапортах совпадает с общеизвестным: молебны перед образом богородицы, выставленным около Варварских ворот, и распоряжение архиепископа запечатать кружки с пожертвованиями, стоявшие возле иконы. "...По умножившемуся, — говорится в первом из рапортов, — пред стоящею на Варварских воротах пречистия богородицы иконою... сентября 15 дня отправлены были... консисторский канцелярист Петр Степанов, который как скоро принял исполнять данное ему повеление, тотчас из многочисленной тут толпы несколько человек, напав, били и ранили; и в живых он остался неизвестно как".⁴¹

Во время составления рапорта в Синодальную кантору священнослужители знали далеко не все подробности смерти архиепископа: "Каким же образом и когда его преосвященство в тот монастырь сам ли, спасая жизнь свою, приехал, или мятежниками сюда приведен, консистория знать не может".⁴² Служители Московской консистории чувствовали себя более чем беспокойно в городе, охваченном восстанием и просили защиты у Синодальной канторы, т.к. "...от страха консисторские служители и приставы все разбежались, и присутствующим в городе проезд весьма опасен".⁴² Эти документы, как видим, свидетельствуют о большом размахе восстания в Москве.

В рапорте Варлаама говорится, что 15 сентября Амвросий приехал к нему в Донской монастырь и "...объявил, что сего сентября 14 дня незнаемо каких людей собралось весьма многое число к Варварским воротам и начали в набат бить".⁴³ Варлаам, судя по всему, ошибается. 14 сентября, действительно, собралось большое количество людей около Варварских ворот, но набатный бой начался вечером 15 сентября, как свидетельствуют все другие источники. Далее архимандрит сообщает: "...Незнаемо каких мятежных весьма многим собранием приступили к Донскому монастырю..., близ полицейской бутки копьями онаго преосвященного убили".⁴⁴

17 сентября архимандрит Савво Сторожевского монастыря Варфоломей и протоиерей Успенского собора Александр объявили в Синодальной конторе, что они в тот же день, найдя тело архиепископа, "... безобразно поверженное, избитое и обгрененное в крови, и хотя видя около тела немалое число подлого народу, преодолев весь страх и уговоря народ",⁴⁵ подняли останки и положили в больничную церковь при Донском монастыре.

17 сентября восстание, таким образом, происходило не только около Славских ворот, но и в других местах Москвы, в частности, у Донского монастыря, и рассмотренное дело сообщает об этом любопытные данные. В упомянутой выше статье И.Куприянова опубликованы письма о бунте племянника архиерея и очевидца его гибели известного архивиста Н.Н.Вантыш-Каменского, а также письмо неизвестного церковного служителя с описанием восстания. Во втором письме есть такие строки: "Правда, что мы, от жалости забыв страх, подняли поверженное тело; где иные плакали, а другие зубами слоими скрежетали. Старика донского едва уговорили, чтобы тело принесли в монастырь: боялся, чтобы ему не отомстили злодеи".⁴⁶ На основании сопоставления сообщения Московской духовной консистории о перенесении тела архиепископа и письма, опубликованного И.Куприяновым, можно сделать вывод, что автор этого письма — архимандрит Савво-Сторожевского монастыря Варфоломей, поднимающий труп Амвросия вместе с протоиереем Успенского собора Александром Левшиновым. В делах 1-го департамента Сената за 1771 г. сохранился рапорт из Синода с описанием гибели архиепископа. В нем отмечается, что "... член ставропигиального Савина Сторожевского монастыря архимандрит Варфоломей да протоиерей большого Успенского собора Александр Левшинов, поехав к Донскому монастырю, ... и хотя видя около онаго тела немалое число подлого народу, однак ж, преодолев весь страх и уговоря народ",⁴⁷ перенесли останки архиерея. "У меня, слава богу, в монастыре и на дворе все тихо" — пишет автор письма, опубликованного И.Куприяновым и далее добавляет, что, хотя чуя и не коснулась его монастыря, но ее жертвы есть в Архангельском, Славском и Успенском соборах.⁴⁸ Так мог написать архимандрит Варфоломей, а не протоиерей Успенского собора Левшинов.

Затем в деле идет переписка Московской Духовной консистории с Московской Синодальной канцелией. 20 сентября консистория сообщает о получении указа Синодальной канцелии о необходимости выяснения обстоятельств смерти архиепископа; далее говорится, что это пока невозможно, т.к. "...посланный от его преосвященства для приложения к поставленным при иконе пречистия богородицы на Варварских воротах кружкам консисторской печати консисторский же канцелярист Петр Степанов находится в живых, но содержится у того же места в караульной будке, за караулом... А как весь черни митеж начался боем его, Степанова, при оном им к печати и приложением, то и подробно о сем случае разведывании не иначе приступить можно, как чрез обстоятельный допрос одного Степанова... Его никак допросить не можно от превеликой опасности, ибо и навещавший его, Степанова, консисторский подканцелярист Николай Егоров тут же, невзирая на предписанный состоящий караул, прибит скопившейся чернью до полусмерти и лежит поныне за тем же караулом и в той же караульной будке".⁴⁹

Это важное свидетельство говорит о том, что бунт не утих 18 сентября, а продолжался еще несколько дней. 20 сентября бояться пройти к своим раненым посланцам служители Московской консистории. 19 сентября Московский главнокомандующий Салтыков доносил Екатерине II: "Бунтовщики грозятся на многих... Сейчас получена ведомость, что на Пахре собирается много всякого народу и хочет идти в Москву со всяким оружием... Не токмо в Москве, но и по уезду несколько тех злодеев, наряжаясь в солдатских мундирах, ходят по дворцовым и экономическим вотчинам, показывая указы, якобы из губернской канцелярии посланы, и велят попам перед народом читать, старост и выборных принуждают подписываться в том, что как услышат в Москве набат или пушечную стрельбу, то чтобы все бежали в Москву с рогатинами и дубинами...".⁵⁰ Очевидец восстания Ф.В.Каржавин сообщал: "В 18-е число собрались на Пахре, оттуда разбежались".⁵⁴ В письме неизвестного говорится: "При всем том, что буйство совсем прекратилось, сказать не можно, потому что в городе сии пьяницы от нагих речей еще не умолкают, а по деревням в окрестностях Москвы слухи разные."⁵² Приказчик

Демидова пишет за границу 19 сентября 1771 г.: "А между тем взяли крайнюю осторожность военные команды, а чем кончитца - неизвестно, и впредь что последовать может - неизвестно".⁵³

Рассмотренные сведения из опубликованных и архивных источников дополняют друг друга.

Далее в рассматриваемом деле об убийстве Амвросия имеются документы, содержащие сведения о церемониале его погребения; материалы, связанные с приобщением святых таинств лиц, непосредственно причастных к гибели архиепископа, приговоренных к казни, а перед этим преданных анафеме: "Того ради контора Святейшего Синода в такой крайней необходимости означенного архиепископа Амвросия смертноубийц, преданных анафеме, ныне от оной разрешает, а в протчем приказали: всех оных ... Успенского собора ключарем Петром Алексеевым... исповедовать".⁵⁴ Исповедник казненных восставших - это не автор записок о "Чумном бунте", опубликованных в "Русском архиве" П.И.Бертеневым, а его однофамилиц.

Еще один интересный источник в следственном деле Московский духовной консистории - "Ведомость, сколько в кафедральном Чудове монастыре церковных и казенных вещей, денежной казны... взбунтовавшейся чернью сего 1771 года сентября 15 и 16 чисел разграблено".⁵⁵ В ней перечисляются пропавшие и поврежденные иконы, драгоценности. Она в некоторой степени свидетельствует о довольно свободном и смелом обращении восставших со "святынями". "Показанная чернь, - доносили священнослужители - ругательным образом коснулась и до святых мощей..., одни из них, мощи священномученика, найдены среди монастыря".⁵⁶ Факты убийства архиепископа и разгрома Чудова монастыря в этом плане весьма красноречивы.

В фонде 6-го (Московского) Департамента Сената нами были обнаружены еще несколько допросов лиц, подозревавшихся в участии в Московском восстании 1771 г.⁵⁷ Сенатор, действительный камергер и кавалер П.Н.Трубецкой донес в Московскую полицмейстерскую канцелярию, что его дворовые Михаил Федоров, Семен Соловьев, Григорий Воробьев, Елисей Скачков и другие "того числа, как было грабительство Чудова монастыря", пришли домой с неизвестно откуда взятыми деньгами. Донес на них Трубецкому его управляющий Иван Богданов. Семен Соловьев

на допросе показал, что "...16 числа того сентября... услышал он от проходящего народа, что Чудов монастырь разбит и его грабят.., сказывал ему сержантский сын Михаил, а как по отчеству - не знает, что он был в Чудове монастыре и взял оттуда деньги".⁵⁸ Соловьев с сержантским сыном пошел в Чудов монастырь и взял там кусок холста, который отняли у него солдаты. Разысканный "сержантский сын" оказался Михаилом Савиным, сыном разорившегося коллежского асессора Тимофея Савина. На допросе он показал, что 16 сентября нашел на Красной площади два пистолета, а свое участие в восстании отрицал целиком и полностью.

Допросы всех обвиняемых, сохранившиеся в рассматриваемом нами деле, оканчиваются той же формулировкой, как и допросы, отложившиеся в фонде Московской конторы тайных розыскных дел: "... При убийстве в Донском монастыре архиепископа и при распушении карантина, так же и на Спасском мосту с мятежниками не был и к возмущению умысла не имел, и ни за кем не знает".⁵⁹ Очные ставки между обвиняемыми не вырвали у них признания в участии в восстании.

Таким образом, сохранившиеся материалы следствия, включают, помимо допросов, другие документы - донесения, рапорты и документы, появившиеся в ходе восстания, его подавления, следствия над его участниками. Выясняется, что публикация Зерцалова не включает основной массив допросов наиболее активных участников Московского восстания 1771 г., но и включенные в нее показания тех москвичей, которых следствие признало не виновными, дают интересный материал о ходе восстания. Немало интересных данных приводится в деле об убийстве архиепископа Амвросия. В сочетании с другими документами (делопроизводственные источники, воспоминания современников и др.) материалы допросов дают возможность изучить основные проблемы истории этого движения. Для получения полного представления по ряду вопросов (число активных участников "Чумного бунта", их социальный состав и др.) необходим поиск новых источников, в первую очередь - допросов тех лиц, которые сыграли особо активную роль в Московском восстании 1771 г.

- 1 Брикнер А.Г. О чуме в Москве 1771 г. - Русский вестник, 1834, № 9 - 10; Мордовцев Д.Л. Чума в Москве 1771 г. - Древняя и новая Россия, 1875, т.2, № 5-6; Соловьев С.М. Москва в 1770 и 1771 гг. - Русская старина, 1876, № 10 и др.
- 2 Алефиренко П.К. Чумной бунт в Москве в 1771 г. - Вопросы истории, 1947, № 4; Бернадский В.Н. Классовая борьба в русском городе в третьей четверти XVIII в. - Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А.И.Герцена, т.131, л. 1957; Мавродин В.В. Крестьянская война в России в 1773-1775 годах. Восстание Пугачева, т.1. Л., 1961; Прохоров М.Ф. Московское восстание в сентябре 1771 г. - В кн.: Русский город, вып.2. М., 1979.
- 3 Алексеев П. Описание Московского бунта 1771 года сентября 15 дня. - Русский архив, 1863, № 12; Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков, т.3, СПб., 1873; Записки очевидца о чуме и о народном смятении. - Архив князя Воронцова, ин. 16, М., 1880; Саблуков А.А. Москва в 1771 году. (Письма А.А.Саблукова своему отцу). - Русский архив, 1866, № 3; Куприянов И.И. Материалы для истории чумы в Москве и убийство архиепископа Амвросия 1771 г. - Русское слово, 1860, № 11.
- 4 Прохоров М.Ф. Указ.соч., с. 117.
- 5 Зерцалов А.Н. О мятежах в Москве и в селе Коломенском 1648, 1662 и 1771 гг. - Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете, ин. 3, М., 1850.
- 6 ЦГАДА, ф. 349, оп.1, д.7155.
- 7 Там же, ф.1183, оп.1, ч.17, д.280.
- 8 Там же, ф. 264, оп.1, д.2975.
- 9 Там же, ф.263, оп.1, д.1674.
- 10 Там же, л.1-42.
- 11 Там же, ф. 264, оп.7, д.26, л.206.
- 12 Рост Я.И. Собственноручные письма и высочайшие повеления государыни императрицы Екатерины великия к покойному генералу Петру Дмитриевичу Еропкину. М., 1808, с.84-92.
- 13 ЦГАДА, Госархив, 6 Разряд, д.410, л.8-10 об.
- 14 Зерцалов А.Н. Указ.соч., с. 382.
- 15 ЦГАДА, ф.263, оп.1, д.1674, л.9 об.
- 16 Там же, л.15.
- 17 Зерцалов А.Н. Указ.соч., с. 391.
- 18 ЦГАДА, ф. 349, оп.1, д.7155.
- 19 Там же, ф.263, оп.1, д.1674, л.42-88.
- 20 Там же, л.97.
- 21 Там же, л.86.
- 22 Там же, л.85.
- 23 Там же, л.1.

- 24 Там же, л.66.
- 25 Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII-XIX вв., т. I. М.-Л., 1949, с.501.
- 26 Рост Я.И. Указ.соч., с. 86.
- 27 Прохоров М.Ф. Записка очевидца о Московском восстании 1771 г. - Советские архивы, 1981, № 6, с. 65.
- 28 ЦГАДА, ф. 349, оп. I, д. 7155, л. 118.
- 29 Там же, л. 77.
- 30 Там же, л. 76.
- 31 Там же, л. 114.
- 32 Там же, л. 120.
- 33 Там же, л. 122.
- 34 Зерцалов А.Н. Указ.соч., с. 419.
- 35 ЦГАДА, ф. 248, оп. 44, д. 3909, ч. I, л. 143-144.
- 36 Там же, с. 492.
- 37 Русский архив, 1863, т. I, с. 500.
- 38 Прохоров М.Ф. Указ.соч., с. 118.
- 39 ЦГАДА, ф. 1183, оп. I, ч. 17, д. 250.
- 40 Там же, л. 3-4.
- 41 Там же, л. 3.
- 42 Там же.
- 43 Там же, л. 4.
- 44 Там же.
- 45 Там же, л. 6.
- 46 Русское слово, 1860, № 11, с. 263.
- 47 ЦГАДА, ф. 248, оп. 44, д. 3907, л. 461.
- 48 Русское слово, 1860, № 11, с. 263.
- 49 ЦГАДА, ф. 1183, оп. I, ч. 17, д. 250, л. 21 об.
- 50 Русская старина, 1876, № 10, с. 203.
- 51 Долгова С.Р. Записки очевидца о Чумном бунте в Москве в 1771 г. - Советские архивы, 1976, № 6.
- 52 Архив князя Воронцова, кн. 16. М., 1880, с. 468.
- 53 Кафенгауз Б.Б. Указ. соч., с. 501.
- 54 ЦГАДА, ф. 1183, оп. I, ч. 17, д. 250, л. 69.
- 55 Там же, л. 88-107.
- 56 Там же, л. 86.
- 57 Там же, ф. 264, оп. I, д. 2975.
- 58 Там же, л. 6.
- 59 Там же, л. 7.

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА ПУГАЧЕВСКОГО ВОССТАНИЯ Д.В.ВЕРХОЛАНЦЕВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Обращение к сравнительно небольшому комплексу источников — мемуарам и воспоминаниям о Крестьянской войне в России 1773–1775 гг. — представляется закономерным следствием углубления исследований этого крупнейшего антифеодального движения в истории нашей страны. Привлекая внимание к изучению мемуаров о восстании Е.И.Пугачева, Р.В.Овчинников подчеркивал необходимость выяснения условий и обстоятельств их возникновения, установления биографических данных мемуаристов, степени их осведомленности, соотношения сообщаемых ими сведений с показаниями документов, современных описываемой эпохе¹. С указанных позиций в статье рассматривается один из наиболее своеобразных источников — единственные из известных в настоящее время воспоминаний непосредственного участника восстания — Дементия Васильевича Верховланцева.

В 1829 г. краевед и археолог Пермского края В.А.Волегов записал устный рассказ престарелого жителя Билимбаевского завода под Екатеринбургом Д.В.Верхоланцева о его службе в 1774 г. в отряде атамана И.Н.Белобородова и в Главном войске Е.И.Пугачева. В 1838 г. Волегов передал один из списков этих воспоминаний П.И.Мельникову (Печерскому), который в те годы отбывал в Перми ссылку за участие в студенческих волнениях в Казанском университете. Последний попытался опубликовать их, обратившись к А.А.Краевскому, начавшему в 1839 г. издавать в Петербурге журнал "Отечественные записки". По цензурным соображениям публикация документа оказалась тогда невозможной². Впервые воспоминания Верховланцева по указанному списку "Мельникова-Краевского" были опубликованы В.И.Далем уже в канун реформы 1861 г.³ В 1862 г. историк Н.А.Попов напечатал эти же воспоминания, но по другому списку⁴, отличавшемуся от упоминавшегося модернизацией языка и стиля изложения, а также пропуском некоторых частей текста. В редакционном примечании ЧОИДР было отмечено, что рассказ Верховланцева "несколько лет тому назад прислан был в редакцию

одного из московских журналов, но по разным обстоятельствам не мог быть напечатан тогда же⁵; но ни названия журнала, ни фамилии лица, доставившего рассказ, ни автора его литературной записи в примечании названо не было. Из сопоставления текстов указанных списков можно предположить, что Н.А.Попов располагал неполной копией списка "Мельникова-Краевского", имевшего, по-видимому, хождение в литературных и научных кругах Петербурга и Москвы.

В свою очередь, автор записи В.А.Волегов в 1864 г. сам опубликовал рассказ Верхоланцева в "Пермских губернских ведомостях" по оставшемуся у него списку, с которым список "Мельникова-Краевского" существенных разночтений не имеет⁶. После смерти Волегова "Рассказ Верхоланцева о Пугачеве" среди прочих материалов по истории восстания, принадлежавших перу краеведа, был переиздан в "Пермском календаре" на 1884 г.⁷ Отрывки и отдельные свидетельства из рассказа Верхоланцева печатались и в советских изданиях⁸.

Биографические сведения о Верхоланцеве, за исключением тех, которые он сообщил в своем рассказе, до последнего времени оставались невыясненными. Причем никто из публикаторов не предпринял попытки установить их по документальным источникам. А умозрительные выводы из содержания текста приводили к различным суждениям. Так, Волегов сообщал, что встретился с Верхоланцевым в 1829 г., когда "замечательный старик, которого все называли пугачевским полковником, имел от роду 90 лет".⁹ В.И.Даль, публикуя воспоминания более чем через четверть века после их записи, не только указал другой возраст рассказчика - 85 лет, но и датировал время записи 1831 годом¹⁰.

В ЦГАДА, в книге ревизских сказок мастеровых и крестьян Билимбаевского завода за 1763 г. (III ревизия) значится семья крепостных заводских крестьян Василия Константиновича и Татьяны Прохоровны Верхоланцевых с пятью детьми, младший из которых, будущий пугачевец Дементий, был тогда в возрасте 7 лет¹¹, и, следовательно, родился в 1756 году в начале августа месяца¹². Находим имя Дементия Верхоланцева и в ревизской сказке 1795 г. в числе дворовых людей того же завода, и, в том же состоянии - в переписной книге за 1816 г. Таким

образом, в 1774 г., когда Верховланцев был взят в отряд атамана Белобородова, ему шел 18-й год, а ко времени встречи с Волеговым в 1829 г. было 73 года.

Из рассказа явствует, что Дементий в повстанческом войске одно время исполнял должность писаря. Известно, что делопроизводство лагеря восставших сохранилось далеко не в полном объеме, но до нас дошел один документ, удостоверяющий его службу в войске Пугачева. Это ордер ("билет") командира повстанческого Авзянского полка полковника Д.М.Загуменцова саранскому воеводе прапорщику М.М.Шахмаметову от июня 1774 г. о выдаче сотнику П.Кижину десяти мешков денег. Этот ордер подписан "полковым писарем Дементием Верховланцевым".¹³

В названных выше публикациях, за исключением последнего издания Волегова, где дано до десяти примечаний справочного характера об упоминаемых лицах и событиях, в целом отсутствует критический разбор сообщаемых Верховланцевым сведений. Очевидно, что без источниковедческого анализа использовать их нельзя, имея в виду и то, что речь в рассказе ведется о событиях более чем полувековой давности, а текст представляет собой литературную запись слушателя. Последнее обстоятельство не ставит под сомнение принадлежность источника к мемуарам, "как повествованиям о прошлом, основанным на личном опыте и собственной памяти, а является лишь отличительным видовым признаком в рамках установленной жанра".¹⁴

Воспоминания Верховланцева, хронологически очерченные рамками января-августа 1774 г., заслуживают, на наш взгляд, детального рассмотрения в силу того, что повествуют о действиях ключевых формирований восставших - отряда атамана И.Н.Белобородова и Главного войска Е.И.Пугачева. Небольшие по объему (ок. 1/2 п.л.) и сжатые по изложению, они дают возможность прокомментировать практически все содержащиеся в них известия. Надежность и полнота источника относительно событий января-начала мая 1774 г. устанавливается, в первую очередь, путем сопоставления с показаниями на следствии И.Н.Белобородова¹⁵, в отряде которого Верховланцев служил походным сотником. При анализе достоверности сведений о действиях Главного войска, в которое отряд Белобородова.

влился в начале мая у Магнитной крепости, на первый план выдвигаются следственные показания Б.И.Пугачева, его полковников А.П.Перфильева, И.А.Творогова, секретаря Военной коллегии А.И.Дубровского (И.С.Трофимова), других видных пугачевцев¹⁶. Кроме того, сведения, сообщенные рассказчиком, корректируются и уточняются нами по иным источникам правительственного и повстанческого происхождения.

Значительное место в рассказе уделено появлению на Билимбаевском заводе в январе 1774 г. отряда И.Н.Белобородова. Яркие события тех дней произвели неизгладимое впечатление на молодого Верхоланцева, служившего тогда на заводе горным писчиком, и остались в его памяти на всю жизнь.

"...Рассказы о поступках Пугачева, об его ненависти к помещикам и боярамезде возмущали народ против начальников... Нашлись отважные: заговорили, залумели, перестали слушаться и грозили... смертью"¹⁷. Администрация завода бежала в Екатеринбург, вынужден был скрыться в одной из ближайших деревень и сам Дементий. 18 января на завод вступил отряд Белобородова, пополнивший здесь свои ряды тремястами заводских крестьян и мастеровых. Были призваны на службу "государю Петру Федоровичу" и младшие заводские слухители из числа разнсканых. Так, Дементий Верхоланцев и Петр Поркачев были назначены сотниками, а Герасима Степановича Стражева (Степанова) Белобородов взял себе в секретари (впоследствии он служил поручиком в Военной коллегии)¹⁸.

Обстоятельства, при которых Верхоланцев попал в ряды восставших, весьма показательны. Принятие под знамена "императора Петра III" людей, состоявших на государственной службе, было сознательным шагом повстанческих лидеров, имевшим цель повысить авторитет и правомочность притязаний новоявленного государя в глазах населения. Кроме того, Верхоланцев принадлежал к сословию крепостных крестьян, знал грамоту, и неудивительно, что Белобородов доверил ему командовать отрядом, набранным из жителей Билимбаевского завода.

В свою очередь, Верхоланцев с большой симпатией отзывался об атамане и его ближайших помощниках. "Все как на подбор ребята бравые", и, особенно, осудил Алашар¹⁹ -

"ревностный слуга Пугачева, провозглашавший на собраниях: "Царь наш, Питер Педорович! Питер Педорович! Слушайте, ребята!"

С приходом повстанцев работы на заводе были прекращены. На площади перед заводскими строениями сожжен сваленный в кучу конторский архив, разбиты кабаки. Но Белобородов решительно пресек начавшееся буйство, приказав выбить дщица у бочек с вином²⁰. Здесь и далее Верхованцев положительно отзывался о Белобородове, подчеркивая в нем не только задатки опытного и умелого командира, артиллериста, "удивившего своим искусством стрелять из пушек", но и такие черты характера как твердость, трезвое поведение в сочетании с добродушием и "кротким нравом", которые и снискали ему любовь и уважение в среде рядовых повстанцев²¹.

19 января²² отряд также без сопротивления занял Васильевский (Шайтанский) завод. "Тут, - сообщает мемуарист, - я учил [Белобородова] писать имя: моею рукою водил его руку"²³. Далее следует сообщение о неудачном походе сотника Поркачева на Утку Демидову, что повлекло за собой вынужденное отступление основных сил отряда на Сергинские, а затем Каслинский заводы (в начале марта 1774 г.). Неподдалеку от него Белобородов соединился с отрядом Самсона Максимова (Верхованцев припомнил только имя последнего). У Богорятской слободы этот объединенный отряд потерпел поражение от настигнувшей его карательной команды. Атаман был спешно увезен на Саткинский завод, куда собрались и уцелевшие повстанцы²⁴. Здесь до них дошло известие о поражении Пугачева под Оренбургом от корпуса генерала П.М.Голицына. "Из Сатки, - говорит Верхованцев, - мы поспешили к Пугачеву и нашли его под Магнитной крепостью"²⁵.

Обстоятельства соединения Белобородова с Главным войском (7 мая 1774 г.) в передаче Верхованцева содержат неизвестные ранее подробности. Оказывается, Е.И.Пугачев в начале принял белобородовский отряд за регулярную правительственную команду, "потому что мы шли стройно"; узнав от разведки, что это - повстанцы, Пугачев "поднял знамя и ждал дружины, мы приклонили ему свои знамена"²⁶. Передавая внешний облик представшего перед ним "государя", Верхованцев

отмечает в нем "много несходства с портретами истинного Петра Ш". Вместе с тем, это описание вполне соответствует реальному облику Е.И.Пугачева и соотносится со свидетельствами людей, хорошо знавших предводителя восстания.

Показательно, что в следственных протоколах, основной разновидности источников, где мы встречаем свидетельства участников восстания, указание на несходство Пугачева с подлинным Петром Ш служило отправной точкой для признания большинством подсудимых неправоты своих действий и вынужденного раскаяния. Другие же, наиболее сознательные повстанцы (Т.Мясников, И.Чика-Зарубин), признавая самозванство Пугачева, лишней раз подчеркивали свою приверженность делу восстания. Неизбежно придя в своем рассказе к этой дилемме, Верховланцев замечает, что он распознал в Пугачеве "обманщика", но оставить его не смел и боялся подать повод к малейшему подозрению. Учитывая, что Верховланцев находился в рядах восставших вплоть до решающей битвы у Черного Яра в конце августа 1774 г., а также то обстоятельство, что эта фраза была сказана в беседе с чиновником вотчинного правления графов Строгановых (каковым был Волегов), нам представляется неосновательным считать Верховланцева лишь пассивным или "подневольным" участником событий. Скорее всего, это косвенное признание лишь необходимая уступка сложившимся обстоятельствам, тем более, что в целом для рассказа характерно отсутствие оценочных суждений о правоте или же незаконности действий восставших.

К тому, что рассказал Верховланцев о своей службе в отряде Белобородова, необходимо сделать ряд добавлений и уточнений. Во-первых, представляется маловероятным утверждение, что молодой Дементий обучал своего опытного командира грамоте уже в период восстания на Урале. Почерк самого раннего из сохранившихся автографов И.Н.Белобородова, датированный 31 января 1774 г., полностью совпадает с позднейшим от 31 июля того же года и несет в себе черты сложившихся, устоявшихся индивидуальных приемов письма. Вероятнее всего, Белобородов знал грамоту и раньше.²⁷

Далее, под Шайтанским заводом 20 и 22 января белобородовцы нанесли поражения карательным командам капитана

Ерапольского и поручика Костина. Об этом говорится в показаниях Белобородова, письме приказчика С.Чернова и известии полковника В.Ф.Бибикова. Подробности осады демидовского Уткинского завода, взятого восставшими 11 февраля 1774 г., с большей полнотой освещены в донесениях заводских приказчиков в Берг-коллегию и воспоминаниях жителей завода, записанных в XIX в. штейгером Л.Безусовым²⁹. Последующие неудачи повстанцев, о которых Верхоланцев упоминает лишь вскользь, это бои с карательной командой премьер-майора Д.О.Гагрина 26 и 29 февраля, когда были разбиты отряды Поркачева и Журбинского (оба попали в плен), потеряно 13 пушек и пленено еще 800 повстанцев³⁰.

К достоверному в общих чертах описанию событий начала марта 1774 г. следует добавить указания Белобородова о боевых действиях его отряда к югу от Екатеринбурга. Там, у Каслинского завода и Богорятской слободы, 1, 4 и 5 марта произошли стычки с командами секунд-майора Фишера и капитана Порецкого³¹. Из показаний Белобородова становится ясным и маршрут следования к Магнитной крепости, который Верхоланцев не смог детально припомнить: Каслинский завод — дер. Нижние Киги на реке Ай — Саткинский завод — Златоустовский завод — Чебаркульская крепость. Там же упоминается и о нелегких взаимоотношениях атамана с пугачевскими эмиссарами. Интересно, что позиция, занятая Белобородовым в этом конфликте, подтверждает те его личные качества, о которых столь тепло отзывался Верхоланцев.

Дело было в том, что представители Пугачева в отряде атаман М.Т.Голев и есаул исецких казаков И.Шибяев были арестованы Белобородовым по многочисленным жалобам на них за мародерство и пьянство. В ответ на это Шибяев ложно обвинил Белобородова, будто тот "намеряется от Пугачева /отложитца". Но Белобородов был полностью оправдан Пугачевым и назначен после соединения отрядов полковником в Главное повстанческое войско³².

В рассказе о событиях у Магнитной крепости есть не совсем верное утверждение, что одновременно с прибытием Белобородова и Максимова явился третий полковник, который "шел из Сибири"³³. В действительности, это был отряд яицких

казаков во главе с А.А.Овчинниковым, который в течение трех недель с 15 апреля пробивался с боями к Пугачеву с низовьев Яика через Оренбургские степи и отроги Южного Урала³⁴. Не вполне точно и сообщение Верхоланцева о ранении, полученном Пугачевым при штурме Магнитной крепости, когда "во время разезда по улице он был ранен в правую руку выстрелом из окна, стреляла женщина, которую тотчас изрубили, а раненый самозванец не мог сидеть верхом и ездил в коляске"³⁵. Мемуарист повторяет здесь драматическую версию этого ранения, бытовавшую в среде восставших³⁶. Сам Пугачев рассказывал на следствии, что его ранили при штурме крепости пулевой картечью³⁷.

Переходя к той части рассказа, где речь идет о действиях Главного войска в мае-августе 1774 г., необходимо заметить следующее. Широкий размах, который приняло восстание в этот период, присущий ему динамичный характер (повстанцы с боями преодолели путь от отрогов Южного Урала до Казани, а затем по правобережью Волги ниже Царицына) донесли до нас в различных источниках массу информации о событиях тех дней. Естественно, что часть из виденного и пережитого тогда, стерлась через полвека в памяти бывшего пугачевца, а какие-то эпизоды оказались вне поля его зрения. Существенным представляется как раз то, что рассказчик в общих чертах дает верную схему передвижения войска, указывая основные этапы и очаги восстания в Прикамье и Поволжье, а также сообщает неожиданные подробности, столь характерные для воспоминаний непосредственного участника событий.

Начинается эта часть воспоминаний сообщением о взятии Троицкой крепости (20 мая 1774 г.). На следующий день в ходе сражения с корпусом генерала Деклонга Верхоланцев был сбит с коня солдатами передовой команды неприятеля, но "не сробел, бросился на одного из них, проколол его пикой и на коне его ускакал; долго жалел я моего коня-самолета, достался наездникам"³⁸. Общей картины боя, закончившегося поражением повстанцев, мемуарист не воссоздает, упоминая лишь, что "описаясь вторичного поражения, Пугачев бежал на Красноуфимск"³⁹. А между тем, это поражение было тяжелым испытанием для Пугачева. Здесь он потерял восьмидесячное войско и всю

артиллерию. По донесению Деколонга на поле сражения па-
до до четырех тысяч повстанцев, 70 взято в плен, остальные
рассеялись по окрестным лесам, был захвачен богатый обоз и
свыше 1700 рублей медной монетой⁴¹.

Обойден молчанием в рассказе период конца мая- начала
июня 1774 г., когда Е.И.Пугачев спешно организовывал новое
войско из крестьян Исецкой провинции, рабочих людей с за-
водов Южного Урала, исетских и уфимских башкир. Верхованцев
упоминает о стычке с карательной командой подполковника
А.В.Папава (11 июня), но им оказались забыты такие крупные
события как бой с корпусом Михельсона под Кундравинской
слободой (22 мая), взятие Златоустовского (31 мая) и Сат-
кинского (1 июня) заводов, соединение (3 июня) с башкирской
конницей Салавата Юлаева и, наконец, взятие Красноуфимска
(10 июня)⁴¹.

Из Красноуфимска Пугачев повел свое войско на Кувсур,
но 11 июня под Ачитской крепостью вновь встретился с коман-
дой Папава. Верхованцев упоминает о нем как о капитане, а
о сражении короткой фразой: "Завязалась жаркая баталья и
кончилась ничем. Меня ранили".⁴² Это сражение и его ничей-
ный исход полнее освещено в донесении Папава генералу Шер-
батову⁴³.

Более обстоятелен рассказ Верхованцева о штурме и взятии
пригорода Осы, гарнизоном которого командовал секунд-
майор Ф.В.Скрипичин. "Город был укреплен деревянным эскар-
пом с навесом, а из батарей, установленных внутри укреплений,
жарили в нас картечью, на подступающих с нами пукали ка-
менья, лили горячую воду, смолу и масло"⁴⁴. Пугачев, следуя
испытанному при штурме других крепостей маневру, приказал на-
вить огромные возы соломы в несколько рядов, "затем прыгали
за них, начали стрелять да подвигать вперед, и наша взята"⁴⁵.
21 июня гарнизон Осы капитулировал: "собрались все жители,
зазвонили тихо в колокола, отворили ворота, и прежде сего
обезоруженные солдаты, распустив волосы по плечам, печально
шли к нам, тут же сняли с них мундиры, остригли и одели по-
казацки".⁴⁶

Верхованцев припомнил также один любопытный эпизод вос-
стания: появление в ставке Пугачева ржевского купца-авантюриста

А.Т.Долгополова, выдававшего себя за посланца от цесаревича Павла Петровича⁴⁷. Правда, рассказчик ошибочно отнес его ко времени пребывания восставших в Саратове (6-9 августа), но к этому сроку Долгополов уже был отпущен из лагеря повстанцев.

23 июня 1774 г. войско Пугачева переправилось на правый берег Камы около Рождественского завода. Здесь, по замечанию Верховланцева, Пугачев узнал от перешедшего на сторону восставших подпоручика казанского гарнизона Ф.Д.Минеева о готовящемся среди пленных офицеров заговоре, возглавленном Скрипицыным. Верховланцев свидетельствует, что заговорщики тайно отправили письмо управителю Воткинского завода И.Я.Альмову с просьбой "вооружиться против Пугачева", потому что "сей находится у них почти в руках".⁴⁸ Скрипицын и его сообщник Ключников были казнены, а Минеев, донесший о их измене, "сделался любимцем мнимого царя". В других источниках содержатся иные варианты этого происшествия. Так, Пугачев утверждал, что у Скрипицына при обыске было найдено письмо к кунгурскому воеводе с извещением, чтобы тот "смело поспешал" за повстанцами, "а я [Скрипицын] де заклепаю... пушки, и так сего злодея истребим". Сам Минеев показал на допросе, что по его извету были казнены Скрипицын и капитан Смирнов, у которых при аресте изъяли "в Казань репорт".⁴⁹

Сообщая о взятии без боя Воткинского (24 июня) и Ижевского (27 июня) заводов, Верховланцев упоминает о имевшей место поимке некоего полковника Грязного, "поставленного охранять [Всткийский] завод от нашествия Пугачева". Грязной "спрятался вверх пруда, засел в воду, выставя немного голову", но был обнаружен и казнен⁵⁰. В действительности, у Ижевского завода повстанцы разбили карательную команду полковника Ф.Ф.Венцеля (а не Грязного), который и был казнен вместе с еще одним офицером - майором Альмовым⁵¹.

Далее Верховланцев приступает к рассказу об осаде и взятии Казани, не упомянув при этом о важном сражении с командой полковника Н.В.Толстова, преграждавшей путь войску Пугачева у села Высокие Горы. 10 июля повстанцы разгромили этот правительственный отряд, его командир был убит, а один из офицеров, небезызвестный секунд-майор Н.З.Повало-Швейковский взят в плен⁵².

11 июля повстанцы подошли к Казани. В город были посланы манифесты и указы с требованиями капитуляции, оставшиеся без ответа⁵³. Утром следующего дня пугачевцы решительным штурмом овладели основной частью города, но не сумели с ходу ворваться в укрепленную крепость — кремль, где укрылись войска гарнизона и городская знать. Среди прочих в осаду попал и сам начальник секретных комиссий генерал-майор П.С.Потемкин. Как известно, сильный артиллерийский обстрел с крепостных стен и начавшийся в городе пожар не позволили Пугачеву организовать и провести серьезный штурм кремля. Но Верхованцев сообщает любопытную деталь боя. Оказывается 15-ти храбрецам удалось на плечах отступающих проникнуть за крепостные ворота, но они оказались отрезанными от основной массы наступающих и были пленены⁵⁴.

Восставшие отступили в лагерь, разбитый на Арском поле, туда вывели пленных, свезли трофеи. Вскоре началось веселье: "самозванец любил угощать дружину после всякой победы, — замечает рассказчик, — Развели огни... Пугачев сам разъезжал по стану. Говор и песни не умолкали до полуночи"⁵⁵. Но в ту же ночь на лагерь неожиданно напал отряд Михельсона, шедший по пятам за повстанцами из Прикамья. Передавая читателю эффект, произведенный нападением, Верхованцев восклицает: "Кто куда мог, давай бог ноги! Много тысяч и вся наша артиллерия взята победителем"⁵⁶. И все же этот эмоциональный эпизод не совсем точно отражает насыщенные событиями дни. 13 июля бой с отрядом Михельсона и сделавшим вылазку гарнизоном возобновился⁵⁷. Затем отступившие повстанцы пополняли свои ряды жителями окрестных селений (13-15 июля) и, наконец, 15 июля на Арском поле произошла решающая битва, закончившаяся поразением восставших. В ходе этих боев они потеряли две тысячи человек убитыми, пять тысяч ранеными, всю артиллерию, 17 знамен и большой обоз⁵⁸.

Обращает на себя внимание еще одно известие, сообщенное Верхованцевым. Вслед за рассказом о событиях в Казани он говорит об обстоятельствах пленения одного из видных руководителей движения — И.Н.Белобородова. Этот рассказ удивительно сходен с показаниями самого Белобородова. А ведь Верхованцев не был очевидцем этого: 19 июля (в день ареста

атамани) он находился уже под Цивильском, на правом берегу Волги. Белобородов показал на следствии, что после разгрома 15 июля четыре дня укрывался среди пленных неопознавшим, а 19 июля "случился быть знакомый ему [служитель Сергинских заводов] Гаврила Володимеров для выручки из плену... деми-довских крестьян..., то он и просил того Володимерова, чтоб он, назвав и его демидовским крестьянином, взял к себе на росписку. Но Володимеров, не сделав того, донес ...Михель-сону".⁶⁰

Верхолянец рассказал об этом эпизоде так: "Захвачен-ных после поражения ... пленников подполковник Михельсон стал отпускать по домам и велел находившемуся при нем Гаври-лу Володимерову⁶⁰ ... осматривать: не найдет ли он между простыми мужиками кого-либо. Володимеров узнал Белобородова и указал; его и дочерей его, бывших с ним, задержали и увели под стражу".⁶¹

Вероятнее всего, Верхолянец мог узнать эти подробнос-ти после своего возвращения в разные места либо от самого Володимерова, либо от жителей Сергинского завода.

Рассказ о завершающем периоде восстания на правобе-режье Волги (вторая половина июля-август 1774 г.) весьма лаконичен. Мемуарист упоминает переправу через реку у села Сундыря и последовавшие затем расправы марийцев и чувашей с православным духовенством. Показательное свидетельство, под-тверждающее, что распространились на территории, населен-ные национальными меньшинствами, восстание приобрело новый импульс, вызванный борьбой народностей Поволжья с нацио-нальным и религиозным гнетом самодержавия. Схема дальнейше-го повествования такова: захват Курмыля, Саранска, Пензы, Петроска, Саратова, Камышина, переход на сторону повстанцев отряда донских казаков, бой под Царицыном и окончательное поражение в битве у Черного Яра⁶². Беглость пересказа как бы подтверждает мобильность передвижений пугачевского войс-ка, в стоячно предлежущего в те дни карательными командами.⁶³

Благодаря частой рассказыва также встречаются отдельные не-полноты. Так, мемуарист утверждает, что в Курмыле было совершено "до 2000 бож", приговоренных на расправу крепостными помещиками.⁶⁴ Но даже в официальном правительственном сооб-

дении, опубликованном в 1775 году, список жертв по Курмышу и уезду насчитывает лишь 70 имен⁶⁵. В Саранске войско восставших было встречено депутацией горожан во главе с архимандритом Александром. В примечании к сообщению об этом Волегов ошибочно отметил, что "архимандрит князь Голицын за это повесил"⁶⁶. Александр был арестован, содержался под следствием в Казанской комиссии и по решению Синода был лишен сана, растриген и под именем Алексея Андреева направлен "в монастырскую работу вечно" в казанский Спасо-Преображенский монастырь⁶⁷. Верховланцев показал, что в Саранске был казнен некий генерал Цыпликов с семьей, за жестокое обращение с крепостными. Волегов и здесь отметил ошибочно, что речь идет о Цыплатеве, коменданте города Царицына⁶⁸. В действительности полковник Цыплатев никогда не находился в плену у Пугачева, а казненным был отставной генерал-майор В.О.Сипягин, предводитель саранского дворянства⁶⁹.

21 августа 1774 г. войско Пугачева подошло к стенам Царицына. Верховланцев утверждает, что боя за этот город не произошло: повстанцы, "приближась..., дали один выстрел в Московские ворота и, не останавливаясь, пошли на Астрахань"⁷⁰. Но из рапорта И.Е.Цыплатева следует, что под Царицыном в тот день состоялась шестичасовая артиллерийская дуэль, а на Волге шел бой с пугачевской флотилией, пытавшейся прорваться далее вниз по реке на соединение с основными силами⁷¹. Скорее всего Верховланцев находился в составе той части войска, которая не участвовала в перестрелке, а ушла к Черному Яру. Там 25 августа произошло сражение, в результате которого повстанцы потерпели решительное поражение от корпуса Михельсона. И здесь рассказчик, передавая масштабность происходившего, преувеличивает потери восставших, а также общую численность войска: "у нас в это время было до 60 орудий и до 60 000 человек"⁷². На самом деле Пугачев располагал не более чем 10 тысячами повстанцев и до 30 орудий. Это косвенно подтверждается и рапортом Михельсона, который сообщал, что на месте боя пало до 2000 человек убитыми, 6000 попало в плен, и 2000 разбежались по окрестным буеракам и займищам. Из числа последних около 200 человек переправилось с Пугачевым на левый берег Волги и ушло в за-

волжскую степь. В числе трофеев оказалось 28 орудий (23 пушки, 4 единорога и медная пудовая мортира); пленный есаул повстанцев И. Мартынов показал на следствии, что у Пугачева было всего лишь до 30 орудий¹³. В этом сражении попал в плен и сам Верховлавец.

Необходимо коснуться также данных, сообщенных мемуаристом о том, какое положение он занимал в войске повстанцев и о следствии над ним. Вызывает сомнение утверждение Верховлацева о пожаловании его в полковники. В день своих именин, 7 августа, Верховлавец явился в ставку Пугачева, находившуюся тогда под Саратовом, и поднес предводителю блюдо с яблочками. Удостоверившись по святцам, что представлявший пред ним действительно отмечает именины в день святого Деметрия, Пугачев вынес из шатра на том же блюде "15 золотых и 15 аршин кармазинного сукна для мундира", поставил блюдо на голову Верховлацева и провозгласил: "Поздравляю тебя полковником 3-го Яицкого полка". "Начались поздравления товарищей и попойка"¹⁴. Невероятна та легкость, с которой Верховлацеву якобы удалось получить столь высокий чин. Известно, что в полковники жаловались лишь те, кто зарекомендовал себя крупными боевыми успехами, имел под своим командованием самостоятельно набранный или порученный отряд в 300-400 человек, а Верховлавец был только лишь писарем Аязянского полка. Кроме того, в войске Пугачева был всего один Яицкий полк, состоящий из наиболее проверенных и стойких повстанцев — яицких казаков, а командовал им полковник А. П. Перфильев¹⁵. Ни в одном из показаний на следствии не фигурирует имя "полковника Верховлацева" и "3-ий Яицкий полк". Производившая дознание над пленными под Черным Яром повстанцами следственная комиссия во главе с полковником Цыплятевым выявляла в их составе "начальных людей" (полковников, есаулов, сотников и хорунжих), заведя на них особый именной список¹⁶. Имя Верховлацева в нем не упоминается. Скорее всего, на склоне лет, поддавшись тщеславию, Верховлавец преувеличил свое звание в бытность пугачевцем. С одной стороны, именоваться так в 1800 г. было уже бесполезно, а с другой, столь немногих людей, имеющих такую бурную жизнь, в быходе должно было иметься

устоявшимся термином "пугачевский полковник". Очевидно, иди на поводу у собственного домысла, Верховлаццев утверждает далее, что он наряду с Твороговым и другими полковниками был отправлен в Симбирск к генералу П.И.Панину, а оттуда - в Москву, "там нас допрашивали и суд чинили". Менее виновным, среди которых якобы оказался и Верховлаццев, "особых приговоров не читали, а самое наказание было по билетам, кому какой достанется". Верховлаццев вынул счастливый жребий - билет с надписью "простить", с него сняли оковы и "проводили несколькими нагаечными ударами".⁷⁷

Помимо явной логической несообразности - являясь "полковником", Верховлаццев якобы был признан менее виновным, в этом рассказе есть чисто фактические неточности. Не говоря о том, что Творогов избежал плена под Черным Яром, переправившись с Пугачевым в заволжскую степь, следует отметить, что плененные 25 августа повстанцы были отправлены не в Симбирск, а в Царицын. Полковник Цилятев имел полномочия разбирать дела рядовых повстанцев и выносить им приговоры на месте: "с жеребья повесить с трехсот человек по одному, всех оставшихся, без изъятия, пересечь жестоко плетью".⁷⁸ В числе последних и оказался Верховлаццев, что и подтверждается заключительными его словами об удачном жребии. Наказанных плетью повстанцев велено было собирать в партии и отсылать под конвоем на места прежнего жительства.

Проведенный анализ воспоминаний Верховлаццева подтверждает надежность большинства свидетельств о действиях отряда Белобородова и Главного войска Пугачева, а также личное участие рассказчика в событиях Крестьянской войны. Несмотря на отдельные неточности и умолчания, воспоминания характерны связным и последовательным освещением основных этапов вооруженных действий восставших и с учетом сделанных корректив могут быть использованы в исследованиях, посвященных изучению Крестьянской войны в России 1773-1775 гг. под предводительством Е.И.Пугачева.

1 См. Овчинников Р.В. Из опыта изучения эпистолярных мемуарных памятников истории Пугачевского движения на Урале. Тезисы докладов и сообщений. Южно-Уральская конференция по археологии и источниковедению истории литературы и языка. Уфа, 1975, с.29.

- 2 См. запись А.А. Краевского "Запрещено 22 декабря 1840" на полях списка. Ныне хранится в ОР ГПБ им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. См.: Лозанова А.Н. Пугачев в Среднем Поволжье и Заволжье. Куйбышев, 1947, с.182.
- 3 Даль В.И. Картины из русского быта. Рассказ Верховланцева о Пугачеве. - Русская беседа, 1856, № 4.
- 4 Попов Н.А. Рассказ, записанный со слов одного из участников в Пугачевском бунте. - ЧОИДР, 1862, кн.Ш.
- 5 Там же, с.333.
- 6 Волегов В.А. Исторические сведения о Пугачевском бунте. Рассказ Верховланцева о Пугачеве. - Пермские губернские ведомости, 1864, № 2.
- 7 Волегов В.А. Материалы для истории Пугачевского бунта в Пермской губернии. - Календарь Пермской губернии на 1884 год. Пермь, 1883, с. 24-31.
- 8 Лозанова А.Н. Указ.соч.; Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Удмуртии. Ижевск, 1974, с.295-297.
- 9 Календарь..., с. 24.
- 10 Даль В.И. Указ.соч., с. 62. Эти же данные приводит А.Н. Лозанова. См.: Лозанова А.Н. Указ.соч., с. 182.
- 11 ЦГАДА, ф.350 Ландратские книги и ревизские сказки, Ш ревизия, он.2, д.907, л.32.
- 12 По церковному календарю в первых числах августа отмечается день св.Дементия.
- 13 ЦГАДА, ф.6, д.512, ч.2, л.40; Опубли. в сб. Документы ставки Е.И.Пугачева, повстанческих властей и учреждений. М., 1975, док.№ 537.
- 14 См.: Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М., 1980, с.20, 22.
- 15 Пугачевщина. М.-Л., 1929, т.2, с.325-335.
- 16 Красный архив, 1935, № 69-70; Вопросы истории, 1966, № 4; 1973, № 8; Пугачевщина, т.2; ЦГАДА, ф.6, д.512, ч.2, л.141-149.
- 17 Календарь..., с. 24.
- 18 См.подписанные Г.Стражевым указы Военной коллегии. - Документы ставки..., док. № 72-75, 78, 82, 86, 87, 89, 91, 92, 424.
- 19 Речь идет, видимо, о сотнике, а затем есауле башкирской команды Етафаре Аббаеве. См.: Пугачевщина. М.-Л., 1926, т.1, с.81-82, 194.
- 20 Календарь..., с. 24.
- 21 См.наставления Г.Лобородова, направленные на укрепление воинского порядка и дисциплины. Пугачевщина, т.1, с.81-84.

... и далее датировка событий дается по корректирующим указаниям в тексте воспоминаний указания на даты отсут-

- 23 Календарь..., с. 26.
- 24 Там же.
- 25 Там же, с.27.
- 26 Там же.
- 27 Подробнее см.: Крестьянская война в России в 1773-1775 годах. Восстание Пугачева. Л., 1966, т.2, с.316.
- 28 Пугачевщина, т.2, с.328; ЦГИА, ф.20, д.1235, л.433-434 об.; там же, д.1233, л.735 об.-736.
- 29 Кабенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII-XIX вв. М.-Л., т.1, 1949, с.389-391; ЦГИА, ф.20, д.1235, л.669-672; ГИМ СЛН, ф.282, д.68, л.1-4.
- 30 Пугачевщина, т.2, с.328-329; Донесение Д.О.Игрина генерал-майору А.И.Бибикову. - ЦГИА, ф.20, д.1235, л.79-94 об.
- 31 Рапорт Филера полковнику Б.Ф.Бибикову от 14 марта 1774 г. - ЦГИА, ф.20, д.1233, л.741-742 об.
- 32 8 июля 1774 г. Шибяев был казнен Пугачевым на самовольные действия. - Пугачевщина, т.2, с.204.
- 33 Календарь..., с. 27.
- 34 Об этом свидетельствовали Е.И.Пугачев, А.П.Перфильев, П.А.Пустобаев и участники перехода казак И.Измаев, В.Спирин, И.Немчинов. - Красный архив, с.210; Вопросы истории, 1966, № 4, с.121; там же, 1973, № 8, с.106; Пугачевщина, т.2, с.165, 174, 225-226.
- 35 Календарь..., с. 26.
- 36 См.свидетельство С.Богомолова. - ЦГАДА, ф.6, д.407, ч.3, л.57 об.
- 37 Вопросы истории, 1966, № 4, с.21. И.А.Творогов показал, что при штурме крепости Пугачева "ранили картечным вистрелом в руку, но как рана легка была, то он вылезился скоро". - Пугачевщина, т.2, с.1-15. О ранении Пугачева сообщал в своем донесении и генерал Деколонг. - ЦГИА, ф.20, д.1233, л.260 об.
- 38 Календарь..., с.27.
- 39 Там же.
- 40 ЦГИА, ф.20, д.1233, л.259-262 об., 264.
- 41 Эти события нашли отражение в показаниях Пугачева, Белобородова, Творогова, Дубровского, Салавата Блаева и в рапортах Михельсона генералу Шербатову. - Красный архив, с.211-213; Вопросы истории, 1966, № 4, с.121; Пугачевщина, т.2, с.331-332; там же, с.146; ЦГАДА, ф.6, д.512, ч.2, л.148 об.-149; Крестьянская война 1773-1775 гг. на территории Башкирии. Уфа, 1975, с.318; ЦГИА, ф.20, д.1239, л.146-147.
- 42 Календарь..., с. 27.

- 43 ЦГВИА, ф.20, с д.1239, л.293-293 об.
- 44 Календарь..., с. 27.
- 45 Там же.
- 46 Там же.
- 47 Подробнее см.: Дубровин Н.Ф. Пугачев и его сообщники. СПб., 1884, т.3, с.155-162, 254-255; Рунич П.С. Записки о Пугачевском бунте. - Русская старина, 1870, кн.П, с.116-131, 211-253.
- 48 Календарь..., с.27.
- 49 Вопросы истории, 1966, № 4, с.121; Пушкин А.С. ПСС, т.9, ч.2, с.702.
- 50 Календарь..., с.27.
- 51 Крестьянская война... в Удмуртии, с.213-216.
- 52 12 июля 1774 г. Повало-Швейковский бежал из плена. В октябре 1774 г. - январе 1775 г. он состоял в конвойной команде при пленном Пугачеве. См.: Пушкин А.С. Указ. соч., с. 499.
- 53 О посылке указов в Казань упоминают Дубровский и Белобородов. - Пугачевщина. т.2, с.221, 333. Три пугачевских указа было передано в Казанскую секретную комиссию. - ЦГАДА, ф.6, д.511, л.258.
- 54 Календарь..., с.28.
- 55 Там же.
- 56 Там же.
- 57 В списке рассказа Верхоланцева, опубликованном Н.А.Поповым, сообщается, что "на другой день /13 июля/ опять сражение: дым пошел на нашу сторону, нас сбили с поля". - ЧОИДР, 1862, кн.Ш, с.338.
- 58 ЦГВИА, ф.20, д.1233, л.392-393 об.; там же, д.1240, л.348-348 об.
- 59 Пугачевщина, т.2, с.334-335.
- 60 В примечаниях к тексту воспоминаний Волеговым записано, что "Гаврила Владимеров пошел сперва в шайку Белобородова..., после разбития Пугачева князем Голицыным перешел к нему, а потом к Михельсону". - Календарь..., с.28.
- 61 Там же.
- 62 Там же, с.28-31.
- 63 Эти события полнее отражены в показаниях Пугачева, Дубровского, Творогова, а также в рапортах Михельсона генералам Щербатову, Голицыну и Панину - Красный архив, с. 214-222; Пугачевщина, т. 2, с. 150-154; 221-224; ЦГВИА, ф.20, 1240, л.432, 453, 482, 486-486об.; ЦГАДА, ф.6, д.490, ч.1, л.203-205.
- 64 Календарь..., с.29.

- 65 Пушкин А.С. Указ. соч., т.9, ч.1, с.134-136.
- 66 Календарь..., с.29.
- 67 Это следственное дело сдубл.: Пушкин А.С. Указ. соч., т.9, ч.2, с.747-758.
- 68 Календарь..., с.29.
- 69 См. рапорт секунд-майора В.Меллина от 2 августа 1774 г. - ЦГВИА, ф.20, д.1233, л.417-417 об., и также рапорт подпоручика Ф.И.Льова от 4 августа 1774 г. - Пугачевщина, т.2, с.169.
- 70 Календарь..., с.29.
- 71 Подробнее см.: Дон и Нижнее Поволжье в период Крестьянской войны 1773-1775 годов. Ростов н/Д, 1961, с.98-101, III-112.
- 72 Календарь..., с.30.
- 73 Рапорты Михельсона генералу Панину от 25 и 29 августа 1741 - ЦГВИА, ф.6, д.490, ч.1, л.279; Пугачевщина. М.-Л., 1931, т.3, с.307-310; там же, т.2, с.205-206.
- 74 Календарь..., с.30-31.
- 75 См.: Пугачевщина, т.1, док. № 64.
- 76 Там же, т.2, с.204-215.
- 77 Календарь..., с.30-31.
- 78 ЦГВИА, ф.6, д.490, ч.2, л.112-114.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Помещенные в сборнике статьи объединяет их практическое значение для развития важнейших направлений исторических и источниковедческих исследований периода феодализма в России. Приведенные авторами решения уже сейчас могут быть использованы в обобщающих трудах, имеют существенное значение для ВУЗовских курсов истории и источниковедения.

В то же время публикуемые статьи не замкнуты в себе. Они очерчивают проблемы и указывают пути решения обширных научных задач. И.В.Левочкин обосновал необходимость и указал реальные возможности комплексного анализа изобразительно-текстового материала лицевых рукописей. Статья Л.Л.Муравьевой – существенный этап на пути к более полному представлению о составе и структуре областного русского летописания, его формировании и развитии. В.С.Менжинский показал, что известные книги Литовской метрики дают исследователю значительно большие возможности, чем представлялось. В работе В.К.Былинина и Л.У.Звонаревой не только введен в научный оборот новый материал, относящийся к деятельности крупного поэта и общественного деятеля России ХУП в., но вскрыты источниковедческие возможности обширного круга источников – окказиональной поэзии.

Новые горизонты в изучении социально-политических явлений открывают другие статьи сборника. Ломая стереотипы, они прокладывает широкую дорогу к адекватному знанию. А.П. Богданов показал несостоятельность бытующих представлений о развитии просветительных программ предпетровского времени, направил внимание историков на события острой идейной борьбы между сторонниками и противниками европейского, светского, государственного образования в России. И.А.Тихонок выявил альтернативность идей в самом зарождении теории государственного суверенитета Руси в конце ХУ в. Работа А.С.Светенко засвидетельствовала новые возможности изучения Крестьянской войны в России под предводительством Е.И.Пугачева.

Статьи сборника еще раз показали возможности углубленного анализа широко известных материалов. Обратившись к самой, казалось бы, традиционной теме, А.И.Плигузов нашел и новые приемы работы, и дополнительные материалы, вновь "открывающие" проблему. Не согласился с тезисом об ограниченности возможностей изучения народного восстания в Москве В.В.Леонидов и доказал свою правоту новыми документами, лучшей работой с источниками. Важную работу с известным памятником провела М.Я.Шайдакова, которая сочла возможным выделить в начальной стадии создания Нижегородского летописца особый "Летописец о Нижнем Новгороде".

Очевидное значение имеет сделанный А.Н.Медушевский анализ одной из составных частей источниковой базы американской и западно-европейской литературы по истории СССР XVI-XVIII вв. Эта работа позволяет и академическим ученым, и преподавателям углубить критические оценки современной буржуазной историографии.

Сборник является составной частью проводимой Институтом истории СССР АН СССР программы по расширению и углублению методики и практики источниковедения.

Утвержден к печати Институтом истории СССР АН СССР

Подп. в печ. 30.07.86. А-01595. Ф-т 60x84/16. 15,25 п.л.
10,82 уч.-изд.л. Тир. 360 экз. Цена 70 коп. Заказ №

Участок оперативной полиграфии Института истории СССР АН СССР
117036, Москва, ул. Дм.Ульянова, 19